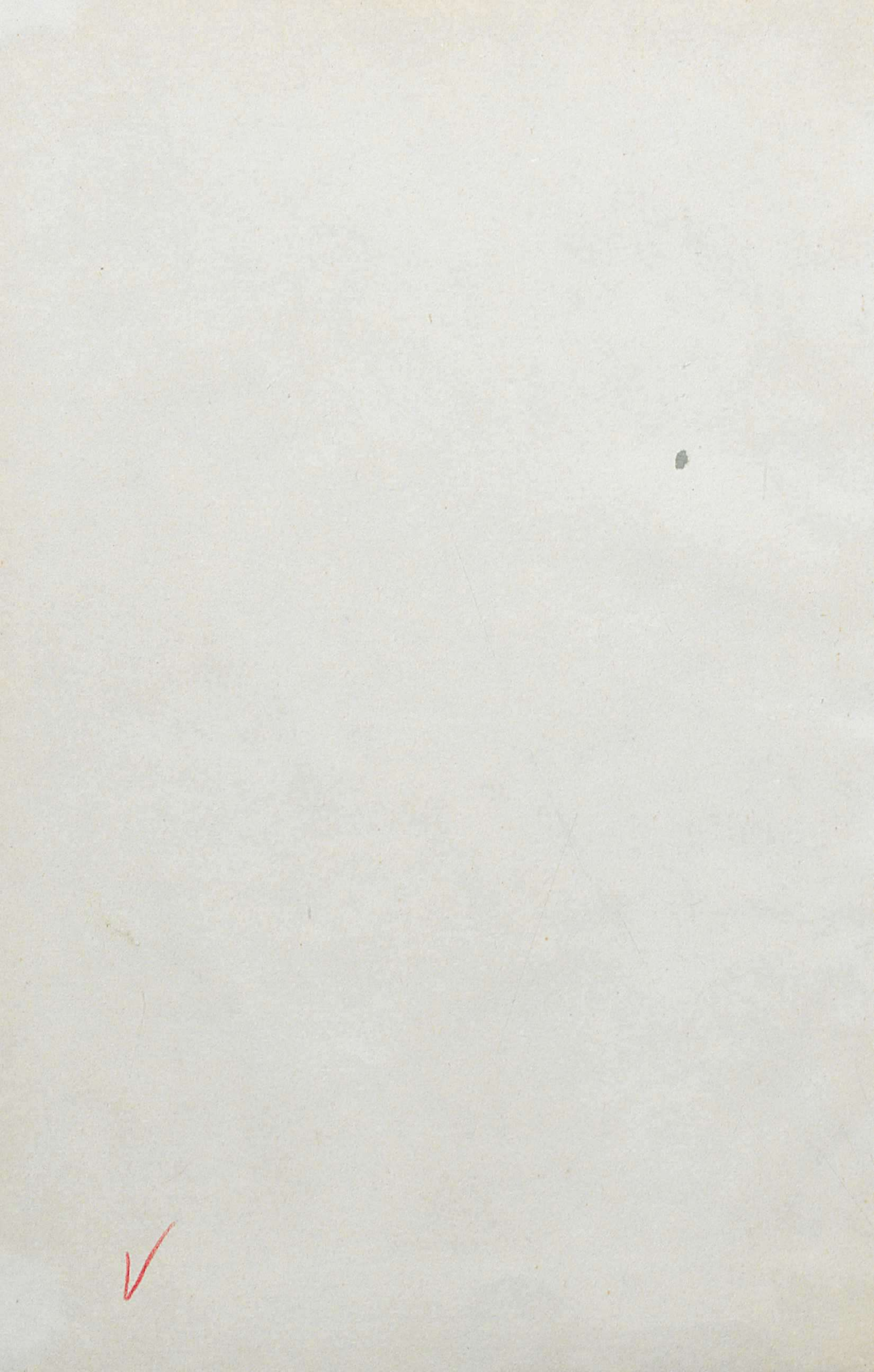

БИБЛИОТЕКА КООПЕРАТОРА
под редакцией Е. ЛЕНСКОЙ.
№ 61.

М. Туган-Барановский.

В ПОИСКАХ НОВОГО МИРА.

Социалистические общины нашего времени.

ВТОРОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ и ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ
Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ.
МОСКВА—1919.

БИБЛИОТЕКА КООПЕРАТОРА
под редакцией Е. Ленской.
№ 61.

М. Туган-Барановский.

В ПОИСКАХ НОВОГО МИРА.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

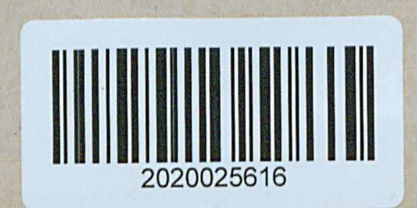
Второе переработанное и значительно дополненное издание

ИЗДАНИЕ
Всероссийского Центрального Союза Потребительных О-в.
Москва 1919

Москва. — 1919.

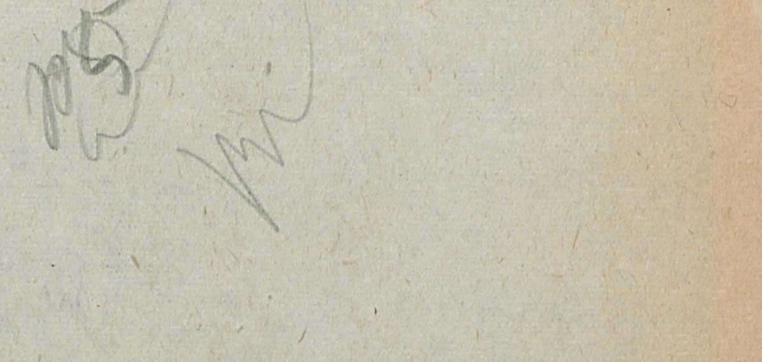
8-я Городская Типо-Литография Полиграфического Отдела М. Г. С. Н. Х
Хапиловская, 26. Телеф. 24-21 и 42-86.

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	195 г.
8						И	302/494	6

627/16—250 тыс.

Предисловие ко второму изданию.

Эта книга является скорей новой, чем переизданием старой: об'ем ее увеличен более чем вдвое, и весь материал пересмотрен под новым углом зрения.

Когда вышло в свет первое издание ее (в 1913 г.) никто не думал о трудовых общинах, и изучение их казалось имеющим лишь теоретический интерес; теперь трудовые общины поставлены русской революцией в центре общественного внимания.

Пусть же эта небольшая книга поможет беспристрастной оценке силы и слабости таких общин и тем окажет содействие их успеху.

Автор

Москва,
20-го апреля. 1918 года

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ГЛАВА I.

Метод социального эксперимента и социальный идеал великих утопистов.

Среди различных экономических организаций нашего времени трудовым общинам принадлежит самое скромное место. Их было так немного, что, казалось бы, они не имеют никакого права занимать собой общественное внимание. С точки зрения их относительного веса в экономическом строе современного общества они кажутся чем-то совершенно ничтожным.

Однако, несмотря на это, такие организации всегда обладали способностью в сильной степени интересовать общественное мнение. Каждый подобный опыт, хотя бы и заканчивавшийся неудачей, находил внимательных историков и не изглаживался в памяти людей. Самые опыты производились в таких скромных размерах, что, читая описание их, обычно испытываешь странное чувство: речь идет о событиях, настолько незначительных с общей исторической точки зрения влияния их на окружающую общественную среду, что кажется совершенно непонятным серьезное значение, придаваемое им их бытописателями.

Нас нисколько не удивляет, что история капиталистической фабрики находит внимательных историков и исследователей. Ведь в данном случае дело идет о такой экономической организации, которая определяет собой условия жизни миллионов людей и самым могущественным образом влияет на весь строй социальной жизни нашего времени. Совсем иное—трудовые общины: с ними связана жизнь незначительного числа людей, и они менее всего доказали свою способность к размножению. Если семьдесят лет тому назад фурьеристы могли думать, что „метод социального эксперимента"—устройство отдельных общин, для испробования на опыте новой социальной системы—есть единственное средство разрешения великого социального вопроса цивилизованного человечества, то мы, люди двадцатого века никоим образом не можем разделять этого взгляда. Кто же в настоящее время думает, что из подобных общин выйдет могучее экономическое движение, которое разрушит старый мир и создаст новый, не знающий антагонизма интересов, полный любви, гармонии и общественного счастья?

Такие мечты были естественны и понятны сто лет назад, когда социалистическая мысль еще ощупью искала себе дорогу. Но в наше время разделять их,—значило бы обнаружить несомненную отсталость мысли.

И тем не менее, интерес к подобным попыткам вырваться своими собственными усилиями из капиталистического мира нисколько не исчез и в наше время. Очевидно, в этих общинах есть какое то содержание, которое заставляет придавать им большое значение даже совершенно независимо от их числа в существующем хозяйственном строе и их шансов на дальнейшее распространение.

Оуэн и Фурье, равно как и все крупнейшие представители социалистической мысли первой половины прошлого века, стояли на точке зрения „метода социального эксперимента". Эта точка зрения была отчетливее всего формулирована в крайне интересном историческом документе, теперь почти позабытом (хотя не подлежит сомнению его связь со все еще столь могущественно влияющим на современную социалистическую мысль „Коммунистическим манифестом" Маркса и Энгельса): в „Манифесте социетарной школы" (фурьеристов), вышедшем в 1841 г.

„Мы—социальные инженеры,—заявляли авторы фурьеристского „Манифеста",—мы представляем нашим современникам план нового механизма, способного, по нашему мнению, использовать всю энергию движущей силы человеческой природы без того, чтобы какая бы то ни была часть этой энергии растратилась, при предполагаемой нами системе, на бесполезные, вредные или опасные для общества действия. Мы отнюдь не требуем насильственного ниспровержения дурных социальных механизмов, существующих в настоящее время... Мы лишь стремимся получить возможность создать модель, на которой можно было бы на опыте проверить новую систему и уже на практике установить ее действительную ценность для всего общества, чтобы это последнее приняло или отвергло предлагаемую систему с полным знанием, знанием всех обстоятельств дела".

Насилие, предпринимаемое для осуществления новой социальной системы, доказывает, что преимущества ее не настолько велики, чтобы люди добровольно примкнули к ней—иначе говоря, доказывает, что система эта не обладает достаточными внутренними достоинствами. „Всякая теория социальной реформы или социального прогресса, под риском признания ее нелепой, невежественной, безнравственной и антисоциальной, должна допускать ее проверку путем частичного опыта, должна обладать способностью побудить человечество к осуществлению на практике новой системы путем добровольного подражания".

Исходя из этого убеждения, Оуэн и Фурье ставили своей главной задачей создание общин, осуществляющих на практике их социальную систему.

Для Фурье социальный вопрос был вопросом о наилучшей организации общины, коммуны.

Коммуна, говорит он, и в современном обществе является самым важным социальным элементом, но она не организована, и потому общественное хозяйство идет так плохо. Коммуны—это камни, из которых строится общественное здание. Если камни

не отесаны, не пригнаны друг к другу, то для их скрепления нужно много цемента; напротив, для хорошо отесанных камней не требуется большого количества скрепляющего материала—они держатся собственною тяжестью.

При дурном устройстве или полном неустройстве коммуны требуется много чиновников, сильная правительственная власть, сложная администрация для того, чтобы общественная машина могла работать: при хорошем устройстве коммуны правительству останется мало дела. Не правительство, а коммуна создает богатство—вот почему и главное внимание социальных реформаторов должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна бессодержательность политических революций, направленных к преобразованию формы правления и оставлявших незатронутым самый важный социальный элемент—коммуну.

Важнейшей задачей всякой общественной организации является создание богатства, материальной основы прогресса. Если мы обратим внимание на организацию хозяйства в современном обществе, то увидим, что в нем имеются два различных вида хозяйства: крупное, при помощи наемного труда, и мелкое, при помощи труда собственника. И тот, и другой вид хозяйства имеют свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше в техническом отношении, но, зато в нем рабочий не заинтересован в результатах труда и работает плохо. Мелкое хозяйство стоит на низком техническом уровне, но, зато в нем человек трудится сам для себя.

Задача в том, чтобы воспользоваться преимуществами крупного производства и не утерять выгод мелкого. Образцовая коммуна должна удовлетворять следующим требованиям: 1) собственность не должна быть в ней раздроблена; 2) все земельные участки коммуны и все отрасли промышленности должны эксплоатироваться в ней по общему плану; 3) система наемного труда, при которой рабочий не заинтересован в продуктах своего труда, должна быть заменена системой общего участия всех в общем продукте пропорционально участию каждого в производстве.

Нужно создать ассоциацию нескольких сот семей (Фурье берет 300 семейств), которая могла бы совместно вести хозяйство. Для этого не требуется лишать собственности кого бы то ни было. Собственник не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоциации, так как взамен своей собственности он получает акции, доход которых, по расчетам Фурье, будет несравненно выше, чем доход с собственности при единоличном владении.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называет фалангой, а социальный дворец, который предназначен для жизни членов фаланги—фаланстером.

Хозяйство фаланги не будет иметь коммунистического характера. Коммунизм стремится к полному равенству, отрицает права капитала и таланта, и признает только права труда. Коммунизм рассчитывает достигнуть общего довольства не путем согласного,

гармонического развития всех страстей человека, а путем подавления некоторых из них, при том наиболее содействующих материальному и умственному прогрессу, каковы—стремление к превосходству, честолюбие, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не более, как половина социальной идеи,—именно, принцип коллективности, ассоциации, и при том в своей грубой, неразвитой форме, точно так же, как основная идея современного строя—принцип частного почина есть другая половина социальной идеи. Гармоническое соединение этих двух несовершенных элементов в высшем и сложном сочетании должно быть основной идеей ассоциации будущего фаланги.

Частная собственность в фаланге отнюдь не уничтожается, но только принимает иную форму—форму права участия в общих доходах, а не права исключительного пользования тем или иным орудием производства. Последнее право естественно отпадает, так как производство в фаланге ведется сообща; предметы потребления могут, однако, принадлежать отдельным лицам. Вообще, личная свобода в фаланстере не испытывает никакого ограничения. Каждый живет как хочет. Может обедать в собственном углу и не принимать участия в общих обедах, если этого пожелает, хотя собственная выгода и должна побуждать его к участию в общественной организации потребления, которая представляет такие же огромные преимущества, как и общественная организация производства. Именно в виду выгодности производства и потребления в крупных размерах, и то, и другое будет организовано в фаланстере на общественных началах.

Фурье подробно описывает, какие огромные сбережения получатся, если сотни отдельных маленьких кухонь будут заменены одной огромной кухней в фаланстере, если сотни прачечных, кладовых, подвалов будут соединены в одно огромное целое в будущей коммуне. Политико экономы обыкновенно относятся с презрением к организации домашнего хозяйства: это кажется им делом мелким, ничтожным. На самом же деле трудно и оценить, какая масса капитала и труда бесполезно растрачивается, благодаря раздроблению потребления.

Что касается до преимуществ общественного производства, как оно будет организовано в фаланге, то выгоды его должны быть еще больше. Всем известно, что крупная промышленность вытесняет мелкую, именно, благодаря большей производительности труда в крупном производстве. Но фаланга будет иметь одно важное преимущество перед современным крупным предприятием: ей будет выгодно вводить такие машины, такие усовершенствованные приемы производства, которые не могут быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствует низкая заработная плата (делающая ручную работу более дешевым способом производства, чем машинную) и сопротивление рабочих введению новых машин. Машина перестанет быть врагом человека, каким она является при современном несовершенном устройстве общества и сделается его помощником и слугою.

Точно также будет преобразовано и земледелие. Соединение в фаланстере земледелия с промышленностью даст возможность избежать еще одного огромного недостатка хозяйственного устройства цивилизации, именно, вынужденной праздности земледельца в зимнее время.

Наконец, в области торговли преимущества фаланги не менее очевидны. Покупки в розницу, небольшими партиями, через частые промежутки, при огромной затрате времени, будут заменены правильно организованным приобретением продуктов, нужных для фаланги, и сбытом ее собственных произведений.

Все эти огромные сбережения дадут возможность достигнуть, при гармоническом устройстве общества, таких степеней богатства, о которых мы теперь и не мечтаем. На месте теперешних хижин будут воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье с особенною любовью останавливается над описанием социального дворца будущего, фаланстера.

Это прекрасное здание, план которого Фурье дает во всех мельчайших подробностях. Фаланстер окружен садами; рядом с ним помещаются промышленные мастерские, сельско-хозяйственные постройки, распланированные таким образом, чтобы не портить общего вида. Сам фаланстер и все хозяйственные постройки соединены закрытой галлереей-каналом, по которому циркулирует жизнь фаланги. Галлерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цветами, полна света и воздуха, в ней устраиваются общественные собрания, выставки, балы, концерты. В фаланстере помещается храм и театр.

Каждый выбирает себе в фаланстере квартиру по своему вкусу, при чем предоставляется усмотрению каждого меблировать ее собственною мебелью, или получать полную обстановку за известную плату от фаланги.

Каким же образом должна быть организована работа фаланги? Вопрос этот является основным для всей системы Фурье и в разрешении его наш автор проявляет наибольшую оригинальность. Фурье не признает вредных страстей или влечений. Человек устроен таким образом, что все его страсти естественно образуют согласный гармоничный ряд. Наши страсти суть элемент неизменяемый и постоянный, а общественные формы—преходящий и изменчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться к общественному устройству, а социальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человека направлялись не во вред обществу, а на пользу ему. Соответственно этому принципу—предоставление полной свободы всем страстям и стремлениям человека,—должен быть организован и труд в фаланге. В ней должна быть полная свобода в выборе занятий для всех членов фаланги. Прирожденные способности, симпатии, привычки, знание определяют, какое занятие изберет себе каждый член фаланги.

Так как все работы фаланги будут совершаться сообща, то естественно возникнут группы рабочих, занимающихся одним и тем же делом. Чтобы об'яснить, каким образом возникнут

группы, Фурье указывает на детей. Возьмите какую-нибудь гимназию или пансион. Какое зрелище представляют собою школьники в то время, когда они свободны от занятий? Они не разбредаются порознь, но среди них сами собой возникают группы. Одни заняты одною игрою, другие—другой, одни—одним делом, другие—другим. Каждый присоединяется к той группе, которая кажется ему наиболее привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослых людей, если они будут предоставлены собственным влечениям, если над ними не будет висеть внешней силы, противодействующей этим влечениям. Современная организация труда, делающая невозможною такую естественную группировку рабочих, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождает отвращение к труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будет в этом отношении прямой противоположностью современному строю. Каждый будет выбирать себе занятие по вкусу, присоединяться к той группе, которая ему всего более нравится.

Обыкновенно думают, что существуют известные роды труда, которые по самому своему характеру неприятны для человека. Но это неверно. Труд данаид не может быть привлекательным, но не потому, что он требует исключительных усилий, а потому, что он безрезультатен. Высшая задача социальной организации —полное и гармоническое развитие сил человека—будет разрешена только тогда, когда будет открыто средство сделать всякий труд привлекательным. А это и будет осуществлено в фаланге. Каждая группа производителей фаланстера работает сряду не более 2-х часов. Как только труд становится утомителен и теряет свою привлекательность, группа прекращает работу, ее члены входят в состав новых групп, и с новой энергией принимаются за новую работу.

Каким образом будет совершаться распределение продуктов в фаланге? Весь продукт будет делиться на 3 неравные части: $^{5}/_{12}$ будет итти труду, $^{4}/_{12}$—капиталу и $^{3}/_{12}$—на вознаграждение таланта. Хотя все работы будут производиться сообща, равенства вознаграждения в фаланстере не будет. Каждый будет получать соразмерно своему участию в производстве. И хотя, сравнительно с современным состоянием, доход от труда возрастет в гораздо большей степени, чем доход от капитала, тем не менее и капиталисты не потерпят никакого убытка. Доход рабочих увеличится в 6—8 раз, а капиталистов—в 3—4 раза. Сверх того во много раз увеличится вознаграждение таланта.

Но, допуская процент на капитал, Фурье не считает возможным возникновение в фаланстере класса праздных капиталистов. С одной стороны, все рабочие в фаланстере будут капиталистами, так как их доход будет настолько велик, что сбережение части этого дохода не представит никаких трудностей. С другой же стороны, все капиталисты будут работать, так как работа будет наслаждением, а не бременем. Вообще, вопросу о системе рас-

пределения Фурье не придавал большого значения, потому что в его представлении фаланга должна обладать такой огромной производительной силой, что потребности каждого из ее членов, во всяком случае, будут удовлетворены достаточно полно.

Не будем останавливаться над описаниями прелести жизни в фаланстере, которые так увлекали самого Фурье и его учеников. Наш утопист рисует эту жизнь, как постоянный светлый и радостный праздник, которого не будут омрачать никакие тени, никакое страдание, никакой диссонанс. И все это будет достигнуто благодаря тому, что организация производства и потребление в крупных размерах, вместе с увеличением энергии труда, вследствие его привлекательности, дадут человечеству столько богатства, что люди не будут испытывать ни в чём недостатка.

Выработав так детально экономическую организацию фаланги, ячейки будущего гармонического общества, Фурье не мог не коснуться и политического его устройства. Во главе каждой фаланги станут свободно избираемые лица, и высший глава фаланги—унарх явится также свободно избираемым лицом. Но политической или какой бы то ни было другой власти в обществе, о котором мечтает Фурье, не будет. Звание унарха будет лишь почетным титулом. Что делать власти в фаланге? Все средства насилия будут бесполезны в новом социальном строе, который не будет иметь врагов, потому что будет удовлетворять всем потребностям своих граждан. Главная причина преступлений в современном обществе—бедность и нищета—совсем исчезнет. Кто станет прибегать к краже, если всякий имеет возможность легко получить все, в чем имеет нужду? Вообще, ни для чего похожего на правительство в фаланге места нет.

Как только возникнет первая фаланга, гармоничность и прелесть устройства ее подействует так завлекательно на остальное население, что, мало-по малу, без всякого насилия и принуждения, сами собою начнут возникать новые и новые фаланги. Постепенно они покроют весь мир, сделают плодородной Сахару и заселят пустыни Сибири. Настанет земной рай—и человек благословит свою судьбу: люди убедятся на опыте, что их удел на земле—счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье горе, зло коренятся не в человеческой природе, а в несовершенствах социальной организации...

Что касается до отношений между отдельными фалангами, то они должны быть совершенно свободны и лишены какой бы то ни было внешней организации. Каждая фаланга является как бы независимым предпринимателем по отношению ко всем другим. Фаланги продают друг другу свои продукты, ведут ими торговлю и вообще ничем не стеснены в своей хозяйственной деятельности.

Социальный идеал Фурье так близок к анархическому идеалу, что возникает вопрос, не следует ли Фурье считать представителем анархизма. Действительно, для всей системы великого

француза характерно полное отрицание какой бы то ни было власти, какого бы то ни было принуждения.

Фурье заходит в этом отношении так далеко, что отрицает даже нравственное принуждение. Он безусловный аморалист (отрицатель нравственного долга) и в этом отношении является предшественником Ницше и аморализма нашего времени. Задача созданной его воображением социальной системы—дать полный простор, полную свободу человеческим страстям и влечениям и привести их в такое согласие, в такую гармонию, чтобы их собственная свободная игра обеспечивала наибольшее счастье всех. „Все измышления философии—писал Фурье,—называемые обязанностями, не имеют ничего общего с истинной природой человека; долг создан людьми, влечение же исходит от Бога. И потому, если желать узнать виды Божества, нужно и учить влечение людей, одну природу, совершенно оставляя в стороне долг, изменяющий свой характер в каждом столетии и в каждой стране, между тем как природа страстей была и остается неизменной у всех народов“.

Основная идея Фурье заключается в том, что все человеческие страсти и влечения по самой своей природе содействуют общему преуспеянию и счастью. Если в настоящее время обществу приходится бороться с естественными влечениями человека, то это лишь благодаря крайней неудовлетворительности общественного устройства. Не влечения человека должны быть приспособляемы к общественному устройству, а это последнее должно быть приспособляемо к человеческим влечениям и страстям.

Фаланга и представляет собой такой социальный строй, в котором все человеческие страсти, имеющие теперь разрушительный характер, вредящие обществу, получат созидательный характер, будут служить на пользу общества. Возьмем, например, то естественное влечение человека, которое более всего препятствует хозяйственным успехам современного человека,— влечение к отдыху, отвращение к хозяйственному труду, леность. Само по себе упражнение мышц и нервов, равно как и всякая другая нормальная деятельность органов нашего тела, не только не доставляет человеку страдания, но вызывает приятные ощущения. Почему же в наше время человек обычно избегает хозяйственного труда и исполняет его только под давлением внешней необходимости? Потому, что в наше время обстановка хозяйственного труда неприятна и не эстетична. Если хозяйственный труд будет происходить в иной обстановке, и если род труда будет свободно выбираться человеком под влиянием внутреннего влечения, то этот труд станет доставлять человеку такое наслаждение, какое современному человеку доставляют спорт и разные физические игры; разве хозяйственный труд по самой своей природе менее приятен, чем спорт? То, что теперь называют леностью, является, следовательно, не чем иным, как возмущением нашей природы против той обстановки хозяйственного труда, которая создана современным общественным устройством. В

фаланге влечение к свободному, приятному труду явится стимулом небывалого напряжения труда, которое теперь достигается только во время физических игр и спорта.

Точно так же честолюбие, жажда первенства, зависть, которые теперь являются источником стольких несчастий и такой вражды между людьми, будут в фаланге только содействовать повышению производительности труда Скупость в наше время считается отвратительным пороком и вредит хорошим отношениям между людьми. В фаланге скупость никому вредить не будет и явится полезной общественной силой, как противовес чрезмерной жажде чувственных наслаждений и как стимул к накоплению капитала.

Фурье полагал, что созданное его фантазией устройство общества, называемое им гармонией, вполне разрешает задачу обеспечения наибольшего счастья всех при совершенной свободе всех следовать всем своим страстям и влечениям. И, конечно, если бы нечто подобное когда-либо было достигнуто, то необходимость внешнего и внутреннего принуждения—общественной власти и нравственного долга—совсем бы исчезла.

Но может ли это когда-либо быть достигнуто? Возможно ли человеческое общество, совершенно свободное от власти и нравственного долга? Научной критике не трудно разрушить все воздушное здание Фурье в которое он вложил столько гениальной силы мысли и столько артистического чувства.

Так, совершено ясно, что фаланга Фурье не есть царство гармонии человеческих страстей. Для такой гармонии нужно, чтобы влечения каждого отдельного лица согласовались с влечениями других лиц, с общими интересами; но каким образом это будет достигнуто в фаланге—остается совершенно непонятным. Каждый работник выполняет в фаланстере ту работу и то дело, которые ему всего больше нравятся Но что, если общество в этой работе не нуждается, а нуждается в какой-либо иной, для которой не находится охотников в достаточном числе? Как тогда быть?

Фурье предполагает, что существует какое-то внутреннее соответствие между влечениями людей к той или иной работе и общественной потребностью в продуктах именно этого рода труда. Только при существовании такого внутреннего соответствия, люди, следуя своим внутренним влечениям, могли бы изготовлять как раз те продукты и как раз в том количестве, какие требуются обществом.

Но, очевидно, такого внутреннего соответствия между влечениями отдельных лиц к определенным родам деятельности и общественными потребностями в определенных продуктах не существует и существовать не может, так как то и другое представляет собой обстоятельства совершенно различного порядка, зависящие от совершенно различных условий и причин. Наличность усиленного спроса на известный продукт—отнюдь не требует, чтобы самый труд производства этого продукта был

особенно привлекателен для работников. Жемчуг высоко ценится как украшение, но труд добычи жемчуга из морских глубин ничего в себе привлекательного не заключает.

Это простое соображение разрушает всю мнимую гармонию фаланстера. На садоводство и другие занятия, связанные с работой среди природы, в фаланстере нашлось бы много охотников; но не все же работы одинаково приятны сами по себе. Кто станет их исполнять, если основной закон фаланстера—следовать только своим внутренним влечениям? Без внешней, а, следовательно, и принудительной организации невозможна согласованность отдельных частей хозяйственного организма, составляющая необходимое условие его жизнедеятельности.

Итак, Фурье не разрешил задачи согласования общественного и частного интереса, а прямо обошел эту задачу, признавши ее разрешенной. Кроме того, оставляя совершенно неорганизованными отношения между отдельными фалангами, Фурье сохранил и все недостатки современной системы свободной конкуренции Отдельные фаланги будут неравны по своей экономической силе, так как будут располагать землями различного качества, различными капиталами и различным личным составом членов. В результате получится такая же анархическая борьба всех со всеми, которая составляет такое крупное зло современной хозяйственной системы—борьба, в которой слабые должны быть побеждены сильными. Таким образом, ни внутри фаланги, ни в их взаимных отношениях не будет той гармонии о которой мечтал гениальный утопист.

III.

Оуэн был таким же решительным противником государства и насилия, как и Фурье. И для Оуэна государство подлежит уничтожению. Государство должно распасться на множество общин, вполне автономных и независимых друг от друга. Как и в фалангах Фурье, в общинах Оуэна сельское хозяйство должно соединяться с промышленным трудом. Общины эти должны возникать без малейшего принуждения с чьей бы то ни было стороны, путем добровольного вступления членов. Подобно Фурье, Оуэн представляет себе жизнь этих общин сосредоточенной в огромном центральном здании, в котором и вокруг которого должны быть сгруппированы промышленные мастерские и заводы, среди садов и полей, возделываемых членами общины. Никакой принудительной власти не должно быть места в такой общине.

Все хозяйственные работы будут производиться сообща за счет общины, причем все выделываемые продукты будут принадлежать самой общине. Таким образом в ней не будет частной собственности не только на средства производства, но и на предметы потребления, которые будут переходить в распоряжение отдельного лица только во время их потребления. Что же касается предметов, потребляемых сразу, как напр. жилые по-

мещения или мебель, то они могут принадлежать отдельному лицу только на время пользования ими. Всякий выбирает работу в соответствии со своими наклонностями и вкусами и все работают сообща, причем община принимает всевозможные меры, чтобы сделать работы как можно более привлекательными и приятными. Работы неприятные, нездоровые или слишком тяжелые должны быть, по возможности, устранены широким применением машин.

С целью использовать все выгоды не только производства, но и потребления в крупных размерах, члены общины помещаются в центральном здании общины. В этом дворце каждая семья занимает свою особую квартиру, но дети с самого раннего возраста воспитываются сообща, причем воспитание должно иметь строго методический характер и преследовать цель выработки наиболее совершенного человеческого характера. Именно на разумное воспитание, которое должно совершенно преобразовать человека и сделать из него новое существо, лишенное пороков и слабостей нашей эпохи, Оуэн и возлагает свои главные надежды.

Число членов такой кооперативной общины может изменяться в пределах от 500—3000. Управление общиной с более многочисленным составом членов было бы уже затруднительным, а община, имеющая менее 500 членов, была бы недостаточно крупной.

Каждая община должна располагать для своих целей известным участком земли, причем для начала ей требуется не более 1—2 акров на душу (т.-е. около $^1/_2$ десятины). Впоследствии же, когда община повысит интенсивность земледелия до характера садовой культуры, ей будет достаточно $^1/_2$ или даже $^1/_8$ акра на душу.

Общественная организация производства и потребления даст каждой общине такие выгоды, что общины обеспечат своим членам не только достаток, но и богатство, которым все будут пользоваться совершенно в равной мере.

Отдельные общины будут независимы друг от друга. Современные государства исчезнут, и их место займут общины, которые будут заключать союзы друг с другом для исполнения работ, превышающих силы отдельной общины.

Союзы эти будут совершенно свободны и лишены хотя бы в самой слабой степени принудительного характера.

Мало-по-малу—надеется Оуэн—весь земной шар покроется кооперативными общинами, долженствующими стать единственной формой человеческого общежития. Мир примет совершенно иной вид. Не будет современных городов и громадных скоплений населения в немногих пунктах; везде будут равномерно рассеяны дворцы кооперативных общин, с их садами и цветущими полями.

Между отдельными общинами будет поддерживаться самое живое общение, каждый член такой общины будет иметь право перейти в другую, если в этой последней находится для него

место. Таким образом, все общины будут чувствовать себя внутренно связанными и каждая, в то же время, будет своим единственным и верховным господином.

Организация производства и управления внутри каждой общины будет иметь следующий характер. Все население будет делиться по возрастным группам. С двенадцати лет дети будут обучаемы хозяйственным работам; в двадцать лет теоретическое обучение будет заканчиваться.

Хозяйственный труд будет лежать, главным образом, на молодых людях обоего пола в возрасте 20—25 лет. В возрасте 25—30 лет люди будут только 2 часа в сутки отдавать хозяйственному труду, а затем совсем освобождаться от него.

Управление всеми внутренними делами общины будет лежать на всех членах ее в возрасте 30—40 лет, а управление внешними делами—на более старших членах, в возрасте 40—60 лет. Эту своеобразную систему управления, основанную на возрастных группах населения, Оуэн предлагает потому, что он решительно отвергает систему каких бы то ни было выборов, ибо „выборы развращают как избирателей, так и избираемых, и причиняют неисчислимое зло обществу".

Таким образом исчезает необходимость в каком бы то ни было особо избираемом правительстве и люди становятся равны друг другу не только в экономическом, но и в политическом отношении. Всякая власть человека над человеком отпадает, ибо все люди, по достижении известного возраста, участвуют в управлении.

IV.

Вообще между общинами Оуэна и фалангами Фурье замечается значительное сходство по целому ряду существенных пунктов. Тем не менее между организациями того и другого рода имеются и весьма важные различия. Прежде всего, нужно помнить, что фаланги Фурье—организации социалистические, а общины Оуэна—коммунистические. Внутри фаланги распределение продукта совершается путем купли-продажи, члены фаланги получают за свой труд заработную плату, да еще кроме того вознаграждение за талант и процент на вложенный в общее дело капитал. Величина доходов отдельных членов фаланги не одинакова, а характер общественного потребления столь же многообразен, насколько различны индивидуальные вкусы отдельных лиц. Напротив, община Оуэна имеет строго коммунистическое устройство. Всеми продуктами, производимыми общиной, владеют члены ее сообща, и никакой продажи продуктов отдельным лицам, равно как денежного вознаграждения последних, в общине не существует. Община Оуэна представляет собой как бы большую семью, где все имеют равное право участвовать в потреблении, и потому отсутствуют какие бы то ни было определенные правила для распределения продуктов.

Но и самые цели социальных организаций Фурье и Оуэна

глубоко различны. По своему духовному складу Оуэн и Фурье были величайшими антиподами и пришли к своим планам социального преобразования путем совершенно противоположным. Оуэн долгое время был чрезвычайно успешным фабрикантом; затем его внимание привлекли вопросы воспитания рабочих, преимущественно морального. Как руководитель огромного фабричного предприятия, в котором от него зависели многие сотни людей, Оуэн пришел к убеждению в эластичности человеческой природы, в ея изменчивости под влиянием изменения условий среды. Будучи по своей духовной природе моралистом, Оуэн считал высшей целью общественного союза моральное возвышение человечества.

В течение ряда лет Оуэн пытался воспитывать в моральном отношении рабочих своей фабрики в Нью-Ланарке. Но он не мог в конце концов не притти к заключению, что нравственное перевоспитание человека невозможно, если социальная среда, в которой живет человек, остается неизменной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствует развитию благородных свойств человеческой природы и поощряет все ее дурные свойства. Не удивительно, что современные люди стоят в нравственном отношении так низко. И, очевидно, никакие воспитательные учреждения не в силах улучшить природу человека, если социальная среда не будет изменена.

Вот таким путем, в поисках средств нравственно возвысить человека, Оуэн и пришел к мысли о необходимости глубочайшего преобразования основ современной общественной жизни. Новый тип общественного строя, проповедником которого он стал, он называл „новым нравственным миром“, указывая этим, что конечные цели этого нового общественного строя заключаются в нравственном преобразовании человека. Современный строй плох потому, что он воспитывает плохого человека; оправданием же проектированной Оуэном великой социальной реформы являлось, в глазах ея проповедника, связанное с ней нравственное возвышение человека.

Итак, для Оуэна человеческая природа есть нечто в высшей степени эластическое и изменчивое; цель общественного преобразования заключается в изменении человеческой природы, в создании нового человека, более соответствующего нашему нравственному идеалу.

Цели общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считал самым важным общественным делом нравственное преобразование человека, но был убежден, с одной стороны, в неизменности основных свойств человеческой природы, а, с другой стороны, был решительным аморалистом. Не человеческий характер должен приспособляться к общественному строю, а общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера. Общественное воспитание не имеет никакого смысла, ибо человеческая природа неизменна. Наилучшим общественным строем

является не тот, который воспитывает наилучшего человека (как думал Оуэн), а тот, который всего более приспособлен к неизменным свойствам человека. Таким наилучшим строем казалась Фурье придуманная им организация фаланги, преимуществом которой перед всеми другими формами общественного строя являлась, в глазах творца фаланги, предоставляемая последней полная свобода действию всех страстей и влечений человеческой природы, ибо не существует естественных влечений вредных или безнравственных, а существуют лишь плохие формы общественного строя, делающие некоторые влечения человека вредными для общества.

Итак, Оуэн был моралистом, и пришел к социальной реформе, как к средству морального воспитания человечества; Фурье же был аморалистом и пришел к социальной реформе, как к средству освобождения человечества от власти долга и морали. Их социальные цели, по своим конечным завершениям, были прямо противоположны, но конкретные планы общественного устройства, предложенные тем и другим, имели, при существенных различиях, много общего.

Оуэн обладал, несомненно, в гораздо большей степени тем, что называется здравым смыслом. Уже своей деятельностью в качестве руководителя огромным фабричным предприятием Нью-Ланарка он доказал свои практические таланты. Он сумел достигнуть двух вещей, почти всегда взаимно исключающих друг друга: блестящего коммерческого успеха, выражавшегося в высоких барышах, которые его фабричное предприятие доставляло ему и его компаньонам, и существенного улучшения экономического положения занятых в его предприятии рабочих. Оуэн обладал талантом влиять на людей и подчинять их своей воле, но воля его была направлена не на личные, а на общие интересы.

Однако в то же время Оуэн отнюдь не был сильным мыслителем, и ему менее всего были свойственны, в умственной области, гениальность, творческий полет воображения. Он был рассудочной натурой, и таким же духом рационализма были проникнуты его планы будущего общественного устройства, вытекавшие из всеми признаваемых бесспорными посылок. Никто не отрицает высокой ценности добродетели. Вместе с тем, очевидно, что благородные свойства человеческой природы не могут развиться, если социальные условия поощряют пороки. Значит, нужно создать такие условия общественной жизни, при которых пороки не могли бы развиться, а добродетели встречали опору в социальной среде.

Корнем всех пороков является, по общему мнению, себялюбие, в свою очередь проявляющееся наиболее резко в области хозяйственных интересов. Поэтому, чтобы создать добродетельного человека, нужно сделать невозможным проявление хозяйственного эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человек ничего не мог называть своим—только в этом

случае для развития хозяйственного эгоизма не будет почвы, и хозяйственный эгоизм погаснет сам собой.

Но одного этого мало,—нужно, чтобы в общественной жизни исчезли какие бы то ни было поводы к развитию дурных свойств в человеческой природе. Всякое неравенство питает зависть и вражду. Поэтому, кроме уничтожения частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство в других областях человеческой жизни—не должно быть правительства, хотя бы и выборного, а значит, не должно быть и государства. Таким логическим путем Оуэн приходит к своим кооперативным, как он их называет, общинам, представляющим крайнее развитие федералистического коммунизма.

Весь ход мыслей Оуэна был очень последователен, и нисколько не удивительно, что отец кооперации твердо верил в разумность своего плана общественного устройства, верил настолько непоколебимо, что одно из своих сочинений он озаглавил „Попытка превратить человеческое общество из дома сумасшедших в разумный мир". Действительно, разве не „домом сумасшедших" должно было представляться рационалисту типа Оуэна современное общество, в котором признаваемые всеми высшие цели общественного союза—выработка благородных свойств человеческого характера—не только не получают осуществления, но и попираются самым грубым образом? И разве общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни в соответствии с требованиями морали? Если же оно этого не делает, то не нарушает ли оно очевиднейшим образом своих интересов и не свидетельствует ли этим самым о своем безумии?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, в его рационалистическом основании. Добродетель, кроме порока, имеет еще одного опасного врага—скуку. Человечество может предпочитать добродетельному устройству общества менее совершенное, если последнее веселее и приятнее. Социальный строй, проектированный Оуэном, несомненно, добродетельнее современного, но будет ли в нем интереснее жить? Если бы удалась убить все побуждения тщеславия и себялюбия, к чему так стремится Оуэн, то для многих возник бы вопрос, стоит ли жить в таком социальном монастыре? В заглавном рисунке на одном из своих изданий Оуэн дал изображение, с одной стороны, современного города, с его смешением красивых и безобразных зданий, при крайнем разнообразии условий жизни населения, и, с другой стороны, стройных величавых социальных дворцов будущего. Этот рисунок подал повод к ироническим комментариям противников Оуэна, которые справедливо нашли, что в изображениях самого Оуэна безумный мир современности оказался гораздо живописнее и привлекательнее скучного и однообразного разумного мира будущего.

Совсем иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишком уж разумны, а потому скучны, то фаланги Фурье предста-

вляют собой продукт самой смелой, безумной, творческой фантазии. Чего только, каких только чудес нет в этих фалангах! Ведь в фалангах совершенно отсутствует в какой бы то ни было степени долг, и все исполняется только во имя непосредственного наслаждения. Фаланги не только не страдают монотонностью и скукой нравственных общин Оуэна, но в них все блестит и сияет радостью и веселием, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстям и смерть долгу — таков девиз фаланги.

В противность рационалисту Оуэну, Фурье был величайшим фантазером. Своей мечте он доверял безгранично, до такой степени, что самым серьезным образом разсуждал о таких чудесах мира будущего, как превращение морской воды в приятный напиток, в роде лимонада, как население морей будущего новыми животными, антикитами, которые с неимоверной быстротой будут перевозить по океану счастливых обитателей фаланстеров, как появление в полярных областях великолепных пальм и т. д. и т. д. Фантазии Фурье заходили так далеко, что многие ставят вопрос, не был ли он попросту помешанным. Но кем бы он ни был, он был во всяком случае человеком гениальной мысли.

Социальный строй, основанный на полной свободе человеческих страстей, конечно, представляет собой совершенную утопию и никогда не осуществится. Нравственные общины Оуэна горазда осуществимее, но зато фаланги Фурье привлекательнее и интереснее. Фурье поставил себе несравненно более трудную задачу, чем Оуэн: создать социальный строй, действующий без чувства долга—той социальной узды, которая ныне вводит в пределы разрушительную силу человеческих страстей. И хотя задачи этой Фурье и не решил, все же самая ее постановка свидетельствует о поразительной силе его научного воображения.

Метод „социального эксперимента“ является типичным для так назыв. „утопического социализма“—социализма до Маркса. И хотя социализм предшественников Маркса отнюдь не был, во всех своих частях, сплошной утопией, но заключал в себе, несомненно, вполне научные элементы, тем не менее нельзя не согласиться, что самый метод „социального эксперимента“ не был выражением научного духа.

Этот метод исходил из предположения, что направление всемирной истории может быть внезапно изменено устройством социалистической общины в небольших размерах. При этом предполагалось, что всякая социальная среда одинаково пригодна для пересоздания общественного строя по социалистическому типу. Социалистический строй оказывался, таким образом, общественным образованием, стоящим вне исторического развития—формой общественной жизни, пригодной в равной мере для всякого человеческого общества во всякое время, совершенно независимо от условий жизни данного общества и народа, от степени его умственного развития, форм экономического быта, политических учреждений, правового строя и т. д. и т. д.

Социализм оказывался, при таком понимании, формой общественной жизни, извне вторгающейся в историческое развитие человечества и в корне преобразующей и изменяющей это развитие.

Невозможность согласовать такое представление о социализме с признанием исторической обусловленности форм общественной жизни чувствовалась и самими утопистами—особенно самым гениальным из них, Фурье. Фурье был большим фантазером, но в то же время и гениальным мыслителем совершенно исключительной силы. И вот, в результате своих историко-философских соображений он приходит к следующему построению.

Современный общественный строй, называемый им презрительно „цивилизацией", естественно должен путем своего развития перейти в другое общественное состояние, называемое Фурье „гарантизмом". Сущность гарантизма и вместе его отличие от цивилизации заключается в том, что при гарантизме свобода частнохозяйственного предпринимательства будет ограничена разнообразными ассоциациями трудящихся людей. В противность строю цивилизации, когда капитал царит неограниченно и эксплоатирует труд без всякой охраны интересов трудящихся со стороны общественных организаций, гарантизм противопоставит власти капитала организованное противодействие трудящихся—иначе говоря, создаст гарантии защиты интересов трудящихся.

И вот, характеризуя сущность грядущего исторического периода, долженствующего прийти на смену цивилизации, Фурье, с поистине пророческим предвидением, рисует различные виды ассоциаций, которые должны возникнуть при господстве „гарантизма". Почти все ныне существующие виды кооперации находят себе место в общественном строе „гарантизма", созданного гениальной фантазией Фурье. Тут и потребительные общества, и кредитные товарищества, и кооперативы по сбыту, и производительные артели—словом, все многообразные кооперативы, из которых ныне слагается кооперативное движение.

И если вспомнить, что все это было придумано и написано Фурье в самом начале 19 века, когда ни одной из этих ассоциаций, рисовавшихся так отчетливо воображению великого социалиста, не существовало в действительности, то нельзя не поразиться силой человеческого гения.

Ведь мы, действительно, живем в том самом периоде „гарантизма", который был предсказан Фурье сто лет тому назад. Ведь все эти ассоциации, которые придумывал Фурье, действительно возникли в жизни, стали осязаемой реальностью в наше время, и эта грубая реальность воспроизводит ныне во всех мельчайших деталях творческие мечты Фурье.

Итак, цивилизация, путем своего естественного закономерного развития, должна превратиться в „гарантизм"—новый общественный строй, в котором власть капитала будет ограничена ассоциациями трудящихся.

Это историческое построение Фурье в высшей степени ре-

алистично и ни малейшему упреку в утопизме не подпадает— ибо, по истине, это была не утопия, а самая трезвая правда, ныне уже вполне доказанная ходом всемирной истории.

Однако, если цивилизации должен прийти на смену „гарантизм“ и кооперация, то где же место социалистической общине-фаланге, прелести которой с такой неподражаемой яркостью рисовал Фурье в своих пророческих мечтах? Ведь фаланга для Фурье не дело отдаленного будущего, которое придет в результате веков исторического развития, а нечто такое, что может наступить сегодня же или завтра. Ведь Фурье звал своих последователей к немедленному устройству фаланги и твердо верил, что ему самому придется жить в то счастливое время, когда исчезнет мрачная и кровавая цивилизация нашего времени, и человечество расселится в фаланстерах.

Мировая гармония может наступить немедленно - с устройством первой фаланги, к чему и призывал Фурье. Где же в историческом развитии место „гарантизму“? В исторической концепции Фурье гарантизм является переходным периодом от цивилизации к фаланге: гарантизм есть частичная неполная гармония, это еще цивилизация, но цивилизация, включающая в себя некоторые гармонические элементы. И в то же время Фурье призывал своих современников не к осуществлению гарантизма, не к кооперации, а к социализму, к немедленному устройству фаланги.

Это бьющее в глаза противоречие Фурье примирял следующим образом. Гарантизм в его представлении был бы неизбежным промежуточным звеном исторического развития, соединяющим цивилизацию с гармонией, если бы идея фаланги не была открыта творческой мыслью человека. Если бы, иначе говоря, не явился сам Фурье и не разгадал тайны общественной гармонии, человечество пришло бы к гармоничному общественному строю путем длинной и сложной общественной эволюции, через ряд промежуточных общественных форм.

Но с тех пор как человечество, в лице Фурье, открыло идею фаланги, историческое положение вещей в корне изменилось: для чего создавать частичные и несовершенные ассоциации, когда есть полная возможность сразу осуществить совершенную ассоциацию, фалангу.

Иными словами, открытие фаланги прерывает, в глазах Фурье, ход исторического развития человечества и дает возможность человечеству без всяких промежуточных исторических звеньев перейти к заключительному фазису исторического развития—фаланге.

Утопичность всего этого построения очевидна. Исторический общественный строй для Фурье есть tabula rasa - чистая доска, на которой можно написать любое содержание.

Метод „социального эксперимента“ упускал из виду, что человеческое общество не является таким пассивным и послушным материалом в руках экспериментатора, как колбы, реторты

различные химические составы в руках химика. Чтобы человеческое общество допустило над собой социальные эксперименты, для этого требуется, прежде всего, чтобы оно было подготовлено к ним своей предшествовавшей историей. Если этого нет, то как бы ни были искусны экспериментаторы, они ничего не добьются по той простой причине, что не будет и самого эксперимента.

Всего этого не понимали ни Фурье, ни другие утописты. Они не видели, что масса человечества, средний человек, к которому они обращались и который должен был явиться материалом для социальной гармонии, есть существо совершенно иного душевного строя, чем творцы социальных утопий.

Средний человек привык жить не умом, но чувством; он привык следовать рутине, стародавним обычаям и навыкам жизни, жить так, как живут окружающие его люди и как жили его предки. Правда, он может переходить и к новым формам жизни, но лишь постепенно и в том лишь случае, если этот переход стал настоятельно необходим, в силу тех или иных внешних условий. Переход к новым формам жизни всегда наталкивается на самую упорную социальную инерцию. на пассивное сопротивление большинства и только после продолжительной борьбы новые формы жизни прокладывают себе путь, преодолевают сопротивление социальной среды и создают социальную революцию.

Дело творчества нового общественного строя оказывается, таким образом, несравненно более трудным, чем это представляли себе утописты. И трудности эти не могли быть преодолены яркими картинами прелести жизни в гармоническом строе будущего, на что был таким мастером Фурье.

Картины прекрасной жизни в фаланге, конечно, имели свое значение и привлекали к учению Фурье многочисленных последователей, но все это были отнюдь не люди толпы, не люди среднего душевного строя. Тысячи этих последователей были, сравнительно с многомиллионной человеческой толпой, немногими единицами.

В этом то и была самая слабая сторона метода „социального эксперимента“. Эксперимент, по самому существу дела, должен был производиться в незначительных размерах, и результаты его не могли ни в каком случае произвести социального переворота. Ибо только немногие искатели высшей правды, мечтатели и фантазеры могли принять участие в таких экспериментах. Масса же человечества не могла интересоваться такими экспериментами и по необходимости должна была относиться к ним совершенно безучастно и равнодушно.

Итак, социалистические общины ни в каком случае не могли создать социалистического общественного строя. Тем не менее они представляют собой очень важную страницу в истории человечества—ибо все великое начинается среди немногих и только по прошествии долгого времени охватывает толпу.

Социалистические общины были несомненно прообразом— хотя бы и очень несовершенным,—будущего социалистического строя. И если верить в социализм, если думать, что социализм является тем строем жизни, который придет на смену современному, то и эти попытки создать социалистическое общество уже в настоящем приобретают глубокий интерес, как бы ни были эти попытки разрозненны и мало успешны.

ГЛАВА II.

Общины Оуэна.

I.

Первым и самым грандиозным практическим опытом Оуэна была его знаменитая община „Нью Гармони“. История ее такова. Религиозная секта раппистов (названная так по имени своего основателя, Раппа) образовала в Америке, в штате Индиана, обширную общину в несколько сот человек. Община процветала и занималась преимущественно земледелием. Центром ее было образованное ею селение, названное „Гармонией“, хорошо обстроенное, с хорошими каменными домами и каменными же хозяйственными постройками. Община занималась не только сельским хозяйством, но, в довольно обширных размерах, также и промышленной деятельностью: она имела фабрики шелковую и шерстяную, лесопильню и другие промышленные мастерские.

Несмотря на хозяйственный успех, члены общины не были довольны своим местожительством и в 1824 г. решили переселиться на новое место. Основанием к этому переселению выставлялся нездоровый климат местности, где была расположена „Гармония“ (малярия). Но можно думать, что и помимо этого, переселение казалось желательным главе секты по соображениям религиозно-нравственного свойства. Исходя из аскетического идеала, Рапп не считал желательным, чтобы его последователи долго жили на одном месте.

Как бы то ни было, община решила продать все свое имущество, и покупатель нашелся в лице Оуэна, который уже давно искал в Америке подходящего места для устройства большой коммунистической общины. Когда к Оуэну, уже пользовавшемуся к этому времени громкой известностью во всей Европе, явился представитель раппистов, Оуэн почти немедленно принял предложение, и сделка была заключена.

В следующем году Оуэн поехал в Америку и приобрел за 30 тыс. ф. с., имение раппистов, состоявшее из 20 тысяч акров (около 7 тысяч десятин) превосходной земли, со всеми постройками и многими промышленными сооружениями. Имение было вполне благоустроено, и в этом отношении, повидимому, не оставляло желать лучшего.

Имя Оуэна уже было хорошо известно в Новом Свете. В Нью-Иорке уже несколько лет тому назад было основано его последователями „Общество содействия устройству общин“,

которое с 1823 г. издавало особый периодический орган. По приезде в Америку и после приобретения имения „Гармони“, переименованного Оуэном в „Нью-Гармони“, наш социальный реформатор прочел ряд лекций в Вашингтоне перед самой избранной аудиторией, в составе которой были многие государственные люди Америки (в том числе и президент республики). В этих лекциях он возвестил о своем предприятии и старался об'яснить его значение. В его представлении „Нью-Гармони“ должна была явиться только первой из общин данного типа, которые по мере своего умножения должны вступать между собой в политическую связь и образовать впоследствии особый штат в пределах Союза.

Обращение Оуэна имело быстрый успех; „Нью-Гармони“ быстро наполнилось новым населением. Желающих было так много, что возникли большие трудности в помещении в колонии их всех. Однако, никакого выбора среди кандидатов не производилось, хотя таково было первоначальное намерение основателя колонии. Через несколько недель в „Нью-Гармони“ считалось уже около 900 членов.

Отсутствие выбора не могло не привести к тому, что многие члены „Нью-Гармони“ менее всего соответствовали по своим моральным свойствам тому трудному делу, за которое они взялись. Сын Оуэна, Виллиам, пишет своему отцу уже через несколько месяцев: „Мы не знаем, что делать нам с теми, кто за все берется и не имеет никакой определенной профессии; они не делают решительно ничего и ничем не довольны. От многих из них мы уже избавились, но все же их осталось немало“.

Можно было бы думать, что при случайном составе членов в „Нью-Гармони“ вообще никакого хозяйства не наладится. Однако, Виллиаму Оуэну, бывшему главным руководителем общины, удалось настолько организовать дело, что некоторое время община казалась работающей успешно. В особенности отмечалась удачная деятельность разного рода промышленных мастерских общины, работавших, впрочем, преимущественно, для удовлетворения потребностей самой общины. Лесопильня, однако, работала и на посторонних заказчиков. Напротив, мануфактурные мастерские, которые в прежней общине раппистов шли полным ходом, после ее преобразования в оуэнитскую общину остановились по недостатку среди наличного персонала людей, подготовленных к этому труду.

Из переписки Виллиама Оуэна с его отцом видно, что основатель общины принимал очень мало участия в руководительстве ею и даже действовал по отношению к ней довольно легкомысленно. Так, напр., Виллиам Оуэн выражает удивление, каким образом его отец приглашает в общину множество людей, которых решительно негде поместить и привлекает вовсе не тех рабочих, в которых община имеет нужду. В общине оказалось очень много слесарей и рабочих по металлу, но чувствовался

большой недостаток в строительных рабочих. Между тем, именно строительные рабочие были необходимы для общины так как имевшихся в ней жилых помещений не хватало для размещения всего ее населения. Не хватало также лиц, которые могли бы с успехом исполнять обязанности домашней прислуги; Виллиам Оуэн особенно жалуется на недостаток поваров и прачек.

Среди членов общины было много семейных лиц и около 130 детей. Значительное большинство членов общины принадлежало к рабочему классу (повидимому—городских рабочих), но было немало и представителей либеральных профессий, в том числе несколько очень видных представителей американской науки и литературы. Так, вскоре после основания общины, к ней примкнул самый выдающийся геолог Америки Маклюр, президент филадельфийской академии наук, человек очень богатый. Его привлек в общину интерес к вопросам воспитания, которым он посвятил часть своих трудов. Вместе с Оуэном он оказывал поддержку общине своими личными средствами. Деятельными членами общины были и некоторые другие выдающиеся естествоиспытатели—Сэ, зоолог, автор нескольких трудов по энтомологии и конхеологии, напечатанных в „Нью Гармони", зоолог Лезюр, химик Труст, впоследствии профессор одного из американских университетов и пр. Целая группа этих ученых прибыла в „Нью-Гармони" после продолжительного путешествия в лодке по Огио.

5 февраля 1826 г. община окончательно конституировалась, приняв название „Нью-Гармонийской общины равенства". Община подразделялась на шесть отделов; земледелия, промышленности, литературы, науки и обучения, домашнего хозяйства, общего хозяйства и торговли. Во главе каждого отдела стоял избранный членами отдела управляющий, избиравший четырех своих помощников. Все они, вместе с общим секретарем, образовывали исполнительный комитет общины.

Согласно принятой общиною конституции, „все участники общины должны рассматриваться как члены одной семьи; никто не должен пользоваться большим или меньшим уважением в зависимости от рода своих занятий. Все должны по возможности получать одинаковую пищу, одежду и воспитание, в соответствии со своим возрастом, и, насколько возможно, все должны жить в одинаковых меблированных домах. Каждый обязан отдавать весь свой труд на пользу общины". Иными словами, в основу устройства общины были положены начала полного коммунизма. Впрочем, надо иметь в виду, что юридическим собственником всего имущества общины оставался Роберт Оуэн, но, конечно, предполагалось, что такое положение дела может быть лишь временным, пока община не окажется в силах выкупить у Оуэна „Нью Гармони".

Принятие этой конституции преисполнило энтузиазмом членов общины, как это видно, напр., из следующего характерного письма члена общины Пельгама к своему сыну. „До сих

пор—пишет Пельгам 8 февраля 1826 г.—в деятельности общины замечалось много неправильностей, и это парализовало энергию ее членов; теперь же наш путь ясен и совершенно невозможно возвращение к прежнему беспорядку. Различные части нашей огромной машины так превосходно пригнаны одна к другой, что результаты должны получиться наилучшие. Я думаю, что через полгода вся машина „Нью-Гармони“ будет работать с правильностью часов... Оуэн удивительный человек; таких еще не создавала история. Его мудрость, его проницательность, его практические знания, и, всего более, его искренность, добросовестность и открытый характер не имеют себе подобного ни в древней, ни в новой истории“.

Конституция была принята почти единогласно, но среди несогласных с нею был один из главных помощников Оуэна, капитан Мак-Дональд, изложивший причины своего несогласия в газете Нью-Гармони. Несогласие Мак-Дональда основывалось на том, что он был противником какого бы то ни было выборного правления внутри общины, хотя бы и самого демократического. Он утверждал, что избрание управляющих отделами неизбежно вызовет раздоры внутри общины, и что она перестанет себя чувствовать одной семьей.

Как бы то ни было, новая конституция вступила в силу при деятельной поддержке самого основателя общины, вернувшегося к этому времени в Нью-Гармони из Европы.

Скоро, однако, выяснилось, что трудно достигнуть полного согласия в пределах такой большой общины, какой являлась Нью-Гармони, и было решено разделить ее на несколько меньших. Прежде всего выделились две общины, в основу организации которых было положено отсутствие выборного правления; членами правления становились все члены общины по достижении известного возраста.

Выделение этих новых общин произошло без всякого противодействия со стороны Оуэна, который, наоборот, приветствовал его, и возлагал, со своим обычным оптимизмом, самые радужные надежды на будущее новых общин.

Жизнь в Нью-Гармони рисовалась ее участниками в очень привлекательных красках. Сын Оуэна, Роберт Дэль,—впоследствии известный государственный деятель Соед. Штатов, бывший долгое время американским посланником в Неаполе—с большим удовольствием вспоминает в своей автобиографии о своем пребывании в общине в молодые годы. Правда, внешние условия жизни отличались простотой: приходилось исполнять тяжелую физическую работу (не нужно забывать, что дети Оуэна выросли в богатой семье)—пахать, сеять, рубить; но зато в жизни общинников было много и развлечений. Еженедельно бывали балы и концерты; собирались для товарищеской беседы и воодушевленных споров, которые не изгладились в памяти Дэль-Оуэна даже через много десятков лет.

В 1826 г. Нью-Гармони посетил герцог Саксен-Веймарский

оказавшийся тонким наблюдателем, описавшим все виденное. Герцога поместили в доме для приезжих, устройство которого важный гость нашел удовлетворительным. Герцог рассказывает, что его поразила вера в будущность общины ее основателя, но ему самому показалось, что община просуществует недолго и близка к распадению. Ему бросилось в глаза, что, несмотря на внешнее равенство и одинаково скромную обстановку жизни всех членов общины, последние видимым образом разделялись на две группы: лиц физического труда и людей лучшего общества. Те и другие держались отдельно друг от друга, в своем собственном кругу. Хотя на танцовальных вечерах собирались все вместе „но молодые барышни из общества отказывали простонародным кавалерам, которые с неудовольствием покорялись своей горькой участи“. В особенности поразило герцога обилие танцовальных вечеров: танцовали чуть не каждый вечер. Он рассказывал об одной красивой барышне, которая очень хорошо играла на фортепиано и пела, но не любила доить коров. Герцог катался с нею в лодке при лунном свете, при чем его спутница жаловалась на „социальную систему“, принуждавшую ее к грубому физическому труду. Повидимому, ее привела в Нью-Гармони несчастная любовь.

Большое внимание посвящалось школам, занятия в которых встретили полное одобрение со стороны герцога. По его словам, дети имели здоровый и веселый вид и несомненно любили школу; много времени отдавалось физическим упражнениям и спорту.

Нью Гармонийская община просуществовала очень недолго: уже в начале 1827 г. Оуэн убедился в неудаче своего опыта. Как и всегда бывает в подобных случаях, недовольные члены общины обвиняли ее основателя в том, что он не передал общине в полную собственность имущества, которым она распоряжалась. Но, конечно, такая передача только ускорила бы крушение общины, заключавшей в себе самой причины своего падения. Достаточно одного того, что в общину принимались все желающие. Обилие танцев, поразившее герцога Саксен-Веймарского не указывало на большую склонность членов общины к труду, а хорошенькая девица, заинтересовавшая герцога и жаловавшаяся на „социальную систему“, являлась лучшей иллюстрацией того, какой случайный характер имел состав общинников.

Непосредственной причиной крушения общины явилась обнаружившаяся невозможность для нее произвести достаточное количество продуктов для содержания ее членов, несмотря на крайне скромный характер их жизни. Танцы не могли, разумеется заменить производительного труда. В конце концов, Оуэн оказался вынужденным вступить в свои права собственника и об'явить общину распущенной, а членов ее пригласить самим заботиться о своем дальнейшем существовании или же оставить Нью-Гармони. Вместе с тем, он выразил готовность предоставлять свои земли в распоряжение всякой общины, которая могла бы основаться на тех же началах, как прекратившаяся.

Многие члены общины покинули Нью-Гармони с чувством самого тяжелого разочарования и неудовольствия против Оуэна, как свидетельствует он сам. Другие продолжали попытки организовать в Нью-Гармони жизнь на коммунистических началах. Никогда не падавший духом Оуэн в скором времени сообщает, что на развалинах старой общины возникло уже восемь новых, и что „социальная система теперь упрочилась совершенно непоколебимо". Еще через три недели он говорит уже о десяти коммунистических общинах в Нью-Гармони.

Но все эти общины существовали, повидимому, только в воображении Оуэна. По возвращении через несколько месяцев в Нью-Гармони он сам должен был признать полную неудачу своей попытки создать «новый нравственный мир». Большая часть земли Нью-Гармони осталась во владении Оуэна, другая была распродана небольшими участками отдельным лицам.

Весь опыт потребовал очень крупных затрат со стороны Оуэна,—около 40 тысяч ф. с., (400 тыс. р.) т.-е. почти половины всего его состояния, достигавшего приблизительно 100 тысяч ф. Его четверо сыновей остались в Нью-Гармони и стали гражданами Соединенных Штатов. Маклюр до самой своей смерти не порывал связи с Нью Гармони. Точно также не покинул общины и Сэ. Целый ряд научных книг был издан в Нью-Гармони Маклюром и Сэ.

Как опыт устройства коммунистической общины, Нью-Гармони закончилась совершенным крушением. Но отсюда не следует делать вывода, что предприятие Оуэна не имело никакого культурного значения. Напротив, Подмор, автор самой обширной и вполне беспристрастной биографии Оуэна, вышедшей в 1906 г., свидетельствует, что „Нью-Гармони оставалась в течение более поколения главнейшим научным и воспитательным центром Запада Североамериканского союза, и влияние этого центра чувствовалось в самых различных областях социальной и политической структуры страны. Даже до настоящего времени отпечаток личности Оуэна виден в городе, который он основал. Нью-Гармони не походит на другие города западных штатов. Это город с историей. Пыль разбитых надежд и идеалов образовала собой почву, в которой пустила корни жизнь современности. Имя Оуэна носят до настоящего времени несколько выдающихся граждан, потомков великого социалиста. Город гордится публичной библиотекой, хранителем которой является внук одного из первых членов общины; библиотека состоит из 15 тысяч томов, большею частью ценных и редких изданий".

С внешней стороны община Нью-Гармони располагала, сравнительно с другими аналогичными попытками, наибольшими шансами успеха. Во главе ее стоял опытный руководитель, блестяще доказавший в Нью-Ланарке свои исключительные организаторские способности. На устройство общины был затрачен очень крупный капитал—около полумиллиона рублей на наши деньги. Наконец, общине не приходилось создавать всего необ-

ходимого для ведения дела, так как она явилась наследницей другой, достигшей полного хозяйственного процветания и передавшей своей преемнице вполне благоустроенное имение, со всеми необходимыми постройками и сооружениями самого различного рода.

Тем не менее, крушение Нью-Гармони было очень быстрым. Об'ясняется это, отчасти, именно благоприятными внешними условиями ее возникновения. Успех в предприятиях такого рода зависит, прежде всего, от подбора соответствующих лиц. Первый встречный не может оказаться полезным членом коммунистической общины. Наплыв членов в Нью-Гармони об'яснялся заманчивыми условиями жизни в колонии. Между тем, никакого выбора среди лиц, желающих поступить в общину, не производилось. При таком положении дела колония неизбежно должна была переполниться людьми, совершенно для нее непригодными, собравшимися в ней не для серьезной работы, а из простого любопытства к новым условиям жизни или даже просто ради возможности пожить на даровом хлебе без серьезного труда. Отсюда и обилие развлечений, которые делали столь приятной жизнь в общине и которые поразили своим количеством герцога Саксен-Веймарского. Но отсюда же и невозможность покрывать продуктами труда членов общины ее необходимые потребности.

II.

Кроме Нью-Гармони, в Америке возникло и несколько других коммунистических общин в связи с пропагандой Оуэна. История их, однако, большого интереса не представляет. Более поучительно остановиться на двух попытках устройства оуэнистских общин в Европе.

Первая из этих попыток была сделана в Шотландии, по инициативе одного из самых замечательных последователей Оуэна, Авраама Комба, который в течение целого ряда лет вел энергичную пропаганду оуэнистских идей. Он стоял во главе периодических изданий, посвященных этой цели, писал книги, брошюры и статьи и вообще был одним из наиболее убежденных последователей новой социальной системы. О силе его убеждения в близком торжестве его дела можно судить по тому, что однажды он заключил пари с одним своим другом, что не пройдет и пяти лет, как королевский цирк в Эдинбурге будет разрушен, и на его месте будут воздвигнуты здания оуэнистской общины. Вместе с другими богатыми последователями Оуэна он приобрел в 1825 г. имение Орбистон, недалеко от Глазго, с 291 акрами земли, и немедленно приступил к постройке обширного здания, рассчитанного на 1000 человек. Капитал, потребный для осуществления всего этого предприятия, был определен в 50 тысяч ф. с., которые предполагалось собрать, разделив его на 200 паев, по 250 ф. каждый пай. В короткое время удалось разместить 125 паев между 16 лицами.

Хотя сам Комб был сторонником полного коммунизма, но на первое время было решено прибегнуть к компромису. Только часть потребностей членов общины покрывалась из общего фонда, создаваемого общим трудом. Остальная часть этого фонда разверстывалась между членами, пропорционально времени труда каждого, при чем каждый мог свободно расходовать эту часть на свои нужды по своему усмотрению.

Все жили в общем здании и могли, по своему усмотрению, столоваться вместе или порознь. В том же здании каждый получал одинаковую квартиру; воспитание детей велось сообща, но за счет родителей.

Хотя проектированное здание далеко не было вполне достроено, оно быстро наполнилось обитателями, число которых достигало в июне 1827 г. 298 чел. (кроме грудных детей). Община занималась не только сельским хозяйством, но и разного рода промышленным трудом—и даже, повидимому, преимущественно этим последним. Особенное значение имело металлургическое производство и изготовление разного рода железных изделий для продажи. Кроме того, община изготовляла разнообразные ткани и предметы одежды для надобностей своих членов.

Одним из основных правил общины была полная свобода поступления новых членов в ее среду. Комб исходил при этом из следующего соображения. Задачей нового социального строя является моральное перерождение человечества. Если бы община отвергала новых лиц, желающих вступить в ее среду, вследствие их моральной испорченности, то этим она доказывала бы недоверие к ее собственной способности морально перерождать людей. И потому она не могла никого отвергать, как не отвергает больница никого из больных.

Конечно, при таких условиях приема новых членов община должна была в скором времени расплаться. Однако, ее первые шаги, несмотря на все трудности, связанные с началом столь ответственного дела, были сравнительно удачны. Летом 1827 г., когда Оуэн приехал посетить общину, она производила впечатление процветающей. Особенно хорошо работал металлургический отдел, построивший обширную доменную печь. Частные письма колонистов дышали уверенностью в будущем и довольством настоящим. „Это совершенно новый мир—очень наивно пишет одна дама.—У нас вчера было собрание, и я никогда не испытывала большего удовольствия. Танцы три раза в неделю. Сколько удовольствий и в то же время самый лучший стол".

Итак, и в Орбистоне, подобно „Нью-Гармони", отмечается обилие танцев. И, конечно, это веселье неизбежно должно было окончиться сходным образом крушением колонии. Но судьба избавила Орбистонскую общину от распадения под влиянием внутренних причин: община погибла насильственной смертью. В конце лета умер основатель колонии Комб и вместе с ним погибло и его дело: его наследники потребовали возвращения

затраченных сумм, и все имение было продано с публичного торга.

Точно также из-за внешних причин потерпела неудачу и другая оуэнитская община, возникшая в Рахалайне. Эта организация была создана землевладельцем Ванделером в его имении Рахалайн в графстве Клэр (в Ирландии). В течение многих лет Ванделер мечтал передать свое имение производительной артели земледельческих рабочих и, наконец, ему это удалось в 1830 г. Имение в 618 акров, вместе со всеми постройками и инвентарем, поступило в распоряжение группы рабочих, которые и раньше работали там же. При этом имелось в виду, что с течением времени община выкупит у помещика его имение со всем инвентарем. В основу устройства общины были положены следующие начала. Члены общины образовывали самоуправляющуюся группу, под верховным надзором землевладельца. Каждый получал обычную рыночную заработную плату. Заработная плата выдавалась не деньгами, а особыми бонами, дававшими право получать продукты из лавки, принадлежавшей общине. Воспитание и содержание детей и подростков до 17-летнего возраста должно было оплачиваться из общего фонда. Многие потребности взрослых членов общины также должны были удовлетворяться за общий счет (с соответствующим вычетом из их заработной платы). Однако, члены общины жили в отдельных домах, и каждый имел свое особое домашнее хозяйство. За пользование имением община должна была платить земледельцу определенную арендную плату. Община состояла первоначально из 52 лиц, к концу—из 81 лица (в том числе 16 детей).

В хозяйственном отношении община имела полный успех и прекратилась в 1833 г. от внешней причины: имение было продано за долги Ванделера, который проигрался в карты и бежал.

ГЛАВА III.

Фаланги Фурье.

Гораздо более успеха, чем оуэнитские общины, имели общины, связанные с именем Фурье. Попытки создания фаланстера во Франции не имели значения, но в Америке идеи Фурье создали широкое и очень любопытное практическое движение.

Проповедниками учения Фурье в Соединенных Штатах явились два замечательные человека—Брисбейн и Грили, в особенности первый. Он много путешествовал по Европе и после первого же ознакомления с сочинениями Фурье стал его убежденным последователем. Как он сам об'ясняет, в идеях Фурье его наиболее поразила мысль о возможности сделать физический труд привлекательным и приятным. „Сделать привлекательной эту область грубого, уничижающего труда,—этот грустный удел масс, подавляющий человека своим прозаическим, отупляющим, мертвящим влиянием, поднять этот труд и превратить его в нечто, вызывающее восхищение и почитание—значило произвести величайший переворот, целую революцию".

Вернувшись на родину, Брисбейн издал книгу, излагавшую систему Фурье. Она имела огромный успех среди американской публики и привлекла в ряды фурьеристов одного из самых талантливых журналистов Америки—Горация Грили, издателя самой распространенной в Америке газеты „New-Iork Tribune". Грили предоставил известное место в своей газете пропаганде фурьеризма. Кроме того, Брисбейн основал несколько специальных периодических органов для той же цели.

В скором времени по всей стране стали основываться общества и кружки фурьеристов. Эти общества устраивали лекции, агитационные поездки и от времени до времени местные с'езды фурьеристов. В 1844 г. в Нью Иорке собрался национальный конгресс фурьеристов. Адреса и приветствия были получены со всех концов союза. На конгрессе единственным средством разрешения социального вопроса была признана фурьеристская ассоциация (фаланга). Было решено основать постоянную национальную конференцию ассоциаций, имеющую свой постоянный орган „Фалангу" и исполнительный комитет из 18 членов. Конгресс признал необходимым создание международной организации всех ассоциаций и поручил Брисбейну вступить в сношения по этому поводу с фурьеристами Европы. В то же время конгресс предостерегал против попыток устройства ассоциаций в слишком малом размере и недостаточно обеспеченных в материальном отношении.

Фурье считал достаточным для устройства фаланги капитал в 1 миллион франков, при числе участников в 400 семейств. Брисбейн понизил цифру участников до 400 человек, но повысил размер необходимого капитала до 400 тысяч долларов (по тысяче долларов на участника). Таковы должны были быть нормальные размеры ассоциаций, понижать которые было бы опасно.

Единственным примером более крупной социалистической ассоциации была Нью-Гармони. Фурьеристские фаланги далеко отстали от нее. Тем не менее, они стали быстро выростать на американской почве, и за одно пятилетие их возникло не менее тридцати, в разных концах Америки; больше двух лет просуществовало из них только одиннадцать.

Число членов в большинстве этих общин колебалось около одной-двух сотен. Наиболее устойчивыми общинами оказались следующие четыре: Брукская ферма (6 лет), Северо-американская фаланга (12 лет), Нортгамптонская ассоциация (4 года,) и Висконсинская фаланга (6 лет).

Брукская ферма получила наибольшую известность благодаря тому, что в нее вошло много известных представителей американской интеллигенции. Членом ее был и один из самых популярных до настоящего времени американских писателей— Натаниель Готсорн.

Место для этой ассоциации было выбрано очень удачно, недалеко от Бостона, среди живописных холмов, лугов и лесов. Первоначальное основание Брукской фермы принадлежало одному религиозному обществу, большинство членов которого перешло к фурьеризму. В состав ее входило 115 человек. Все получали одинаковое вознаграждение за труд одинаковой продолжительности. Труд каждого лица должен был соответствовать его склонностям и вкусам. Чтобы труд был возможно привлекательнее, занятия должны были разнообразиться для каждого. Дети моложе 10 лет и старики старше 70 лет должны были получать даровое содержание, так же как и неспособные к труду. Каждый мог расходовать свой заработок и вообще свои доходы по своему усмотрению, но, конечно, фактически большая часть потребностей удовлетворялась при помощи общего хозяйства.

О привлекательности жизни в Брукской ферме можно судить по тому, что уже после того, как община распалась, ее бывшие члены и даже их потомки сохранили вплоть до нашего времени обычай собираться вместе в летние месяцы и жить общей жизнью, вспоминая короткий период существования Брукской фермы.

Брукская ферма была центром всего фурьеристского движения во всей Америке. В ней издавался главный орган американских фурьеристов и в ней были сосредоточены лучшие умственные силы всего движения. Но именно это, повидимому, и погубило дело. Один из его участников, доктор Кодман, следующим образом характеризует причины неудачи: „У нас было достаточно философов, но не хватало простых тружеников, настоящих рабочих и хороших хозяев. Что же было делать? Пустить в свою

среду обыденных людей, способных делать сапоги и шить платья, работать рубанком и пилой, вообще могущих с успехом исполнять физические работы, но никогда не читавших Шиллера и Гёте, а даже, быть может, и Шекспира, Скотта или Бернса, не интересующихся чтением и философией“?

Хотя хозяйственные дела общины шли плохо, тем не менее она долго не распадалась—очевидно, потому что члены ее находили в совместной жизни и работе удовлетворение своим высшим духовным потребностям. Крушение ее было вызвано внешним, случайным несчастием—пожаром ее центрального здания, „социального дворца“, который строили втечение двух лет и с окончанием постройки которого связывались все надежды общинников. Дворец неожиданно погиб в пламени и это несчастие оказалось роковым; спустя полгода Брукская ферма распалась.

Нортгамптонская ассоциация просуществовала также несколько лет. Большинство ее членов принадлежало, как и в Брукской ферме, к людям образованных и достаточных классов. Причина крушения этой общины, по мнению ее основателя, Самуеля Гилля, заключалась в недостатке денежных средств, которыми она располагала.

Висконсинская фаланга (180 человек) просуществовала столько же времени, как и Брукская ферма. Но, в отличие от этой последней, Висконсинская фаланга состояла преимущественно или даже исключительно из лиц рабочего класса. Она владела превосходным имением в 1800 акров на правах полной собственности. Ее внутренняя организация не представляет никаких существенных уклонений от обычного типа американских фурьеристских общин: такая же равная оплата труда и свобода расходования заработанных денег. Что касается истории этой фаланги, то она характеризовалась совершенно исключительным хозяйственным успехом, очевидно, благодаря составу членов этой фаланги. Она не только исправно платила по всем обязательствам, но и при ликвидации уплатила всем своим пайщикам на 8% больше внесенного ими пая. Таким образом, о хозяйственном неуспехе в данном случае не может быть и речи. Почему же она все-таки пала? Вот что говорит по этому поводу ее основатель, Уорен Чез „Причины крушения были общественного характера. Мы не могли сделать жизнь в общине достаточно привлекательной. Многие думали, что вне общины могут достигнуть большего. Мы не могли побудить других лиц со средствами примкнуть к нам и приобрести паи тех членов, которые хотели уйти, и, в конце-концов, недовольные получили большинство и вотировали прекращение ассоциации“.

Всего дольше просуществовала Североамериканская фаланга (112 членов). Эта община была наилучше организованной среди всех американских фаланг. Между прочим, обращает внимание характер вознаграждения в ней труда. Различные роды труда оплачивались не одинаково (в противность большинству других фаланг),—труд оплачивался тем выше, чем он менее был приятен.

Так, напр., кирпичники получали десять центов в час, земледельцы—восемь центов, прислужники и врач—только шесть с четвертью центов. Кроме этой платы, полагалось добавочное вознаграждение за особое искусство или талант; поэтому руководители известными отраслями хозяйства получали добавочное вознаграждение—пять центов в день. Исчисленная таким путем заработная плата колебалась между шестью и десятью центами в час, при чем 10 центов считалось максимумом.

Продолжительность труда предоставлялась усмотрению каждого, так же как и выбор занятия. В конце года разверстывался между участниками дела общий избыточный доход, при чем на долю труда приходилось в среднем около 13 долларов, а капитал оплачивался приблизительно 5%.

Жизнь в общине обходилась очень дешево. Комната оплачивалась 12 долларами в год. Кушанья получались по карте, при чем чашка кофе с молоком стоила полцента, мясное блюдо—два цента и т. д. Кроме того, каждый член платил 36 центов в неделю за право пользования столовой, освещением и за услуги подающих кушанья. Обеды отмечались по книжке и к концу каждого месяца делался подсчет.

Община выстроила огромный дом, в котором свободно разместились ее члены. Этот дом представлял собой некоторое подобие фаланстера, о котором мечтал Фурье. Конечно, „социальный дворец" Североамериканской фаланги не отличался пышностью и великолепием своего образца, но все же это было обширное трех'этажное здание из двух сходящихся под прямым углом корпусов, каждый свыше 20 саженей длиной. Комнаты в „социальном дворце" были просторные, светлые и изящно убранные: особенно внушительное впечатление производила огромная главная зала. „Социальный дворец" был окружен цветниками и вьющимся виноградом. Немного поодаль были аллеи с тенистыми деревьями. По близости располагались и два плодовых сада; площадь одного из них превышала 40 акров (около 15 десятин). Неподалеку протекала река, по берегам которой были также разбиты аллеи; на этой же реке была построена мельница, работавшая с большим успехом и покрывавшая своими доходами большую часть расходов общины.

Главным занятием членов фаланги было земледелие и садоводство. Фаланга производила значительное количество фруктов, находивших хороший сбыт в Нью-Иорке.

Жизнь в фаланге протекала настолько приятно, что, по словам позднейшего издателя New-Iork Tribune, Микера, посетившего поселение, образовавшееся на месте фаланги после ее распадения, и беседовавшего со многими ее бывшими членами, „последние считали время, проведенное в фаланге, счастливейшим временем своей жизни".

Община располагала живописным и очень плодородным участком земли в 700 акров в 40 милях от Нью Иорка. В хозяйственном отношении община имела несомненный успех, хотя и

не столь значительный, как Висконсинская фаланга. Она уплачивала исправно от 4,4 до 5,6% на паевой капитал и должную заработную плату всем своим членам, а также и посторонним рабочим, которые иногда, при особом скоплении работы, привлекались к разного рода хозяйственным операциям на ряду с членами.

Однако, в конце концов рухнула и эта фаланга. Дела ее шли так же удачно, как и раньше, и ничто не предвещало ее близкого конца. Но вот осенью 1854 г. происходит пожар на мельнице. Пожар этот отнюдь не мог считаться непоправимым несчастием, так как Грили предложил ссудить сумму, нужную для возобновления мельницы. Было назначено общее собрание членов для обсуждения вопросов, связанных с построением новой мельницы. На этом собрании, совершенно неожиданно для большинства присутствовавших, так сказать сам собой, возник новый вопрос—не нужно ли, вместо постройки новой мельницы, ликвидировать все дело—и ликвидация была решена, к общему изумлению, огромным большинством голосов.

Очевидно, дело было не в случайном внешнем несчастии, а в чем-то ином. В чем же? Почему пала „Североамериканская фаланга", как и „Висконсинская фаланга" и все прочие организации того же рода?

Более глубокие причины неудачи подобных организаций коренятся вовсе не в невозможности их хозяйственного успеха. Напротив, история Висконсинской и Североамериканской фаланг говорит обратное: как хозяйственные организации, они оказались вполне жизнеспособны.

Они погибли потому, что не было достаточного основания для продолжения их существования. Члены колонии могли с таким же успехом заработать нужное для жизни, оставаясь членами общины, как и вне ее, на стороне. То скромное довольство, которое обеспечивали общины своим членам, доступно в Америке каждому хорошему работнику при обычных условиях труда. А так как в состав организаций рассматриваемого рода обычно входят люди незаурядные, с большей чем обычно инициативой и предприимчивостью, то ясно, что с чисто хозяйственной стороны даже самая успешная социалистическая община не заключает в себе ничего, что могло бы заставить дорожить ею человека способного, с головой на плечах и умеющего работать.

Если Североамериканская фаланга так долго была дорога ее членам, то не потому, что вне ее общинникам угрожали лишения. Члены фаланги видели в ней зарю нового социального будущего, социальную организацию, долженствующую преобразовать мир и перестроить современное общество на новых началах. Именно во имя этой веры люди устраивали фаланги, а вовсе не во имя своего хозяйственного благополучия.

Когда эта вера исчезла, когда опыт показал, что фаланги не размножаются, не вытесняют господствующих капиталисти-

ческих организаций, а, в лучшем случае, только отстаивают с большим трудом свое существование—тогда продолжение существования фаланги утрачивало свой прежний смысл. Для чего жить в фаланге, когда можно существовать и вне ее—должны были говорить себе ее члены и не могли не придти к решению, что самое простое—разойтись в разные стороны.

И они расходились, даже в том случае, когда община имела хозяйственный успех, доказывая этим, что вовсе не хозяйственные интересы об'единяют участников подобных организаций.

ГЛАВА IV.

Икарийские общины.

Наибольшую устойчивость среди всех общин, связанных с пропагандой так назыв. утопического социализма, проявила община „Икарийцев“—последователей французского проповедника коммунизма Кабэ.

Кабэ был таким же врагом социальной революции и насилия, как и другие социалисты первой половины 19 века. „Насильственные революции—говорил Кабэ в своем социальном романе „Икария“—являются войнами со всеми их случайностями: они крайне трудно осуществимы, так как правительство, благодаря самому факту своего существования, обладает огромной силой в своей организованности, во влиянии аристократии и богатства, в своей законодательной и исполнительной власти в государственной казне, в армии, национальной гвардии, судах, полиции, в тысячах способов подкупа и разделения враждебных сил... Народ не впервые желает революции; с самого начала истории не проходило, быть может, года, чтобы каждый народ не чувствовал потребности сбросить иго аристократии для завоевания своих естественных прав; и, несмотря на это, как мало революционных попыток, сравнительно с желаниями таковых! И среди революционных попыток, как мало удавшихся! А среди этих последних, как мало революций, достигших своих целей и не искаженных или совсем не уничтоженных впоследствии аристократией“!

Но даже вполне удавшаяся социальная революция не кажется желательной Кабэ. Насилие бедных над богатыми есть такое же зло, как и насилие богатых над бедными. Коммунисты должны следовать примеру первых христиан: их единственным орудием должна быть мирная проповедь новой веры, но проповедь энергичная, неутомимая, полная энтузиазма и самопожертвования. „Если коммунизм—химера, то свободное обсуждение докажет это, и народ отвергнет коммунизм; но если эта доктрина есть сама истина, она приобретет многочисленных сторонников среди народа, среди ученых, среди аристократии; и чем больше она будет иметь сторонников, тем скорее будет итти дальнейший их рост... Итак—призывает Кабэ—к коммунизму будущего единственной силой разума и истины! Как бы ни была далека победа, силой общественного мнения она будет достигнута скорее и прочнее, чем при помощи насилия. И мое убеждение в этом так глубоко, что, если бы я держал революцию зажатой в своей руке, я не открыл бы руки, хотя бы и умер в изгнании“.

Весьма интересно, что в своем главном произведении, знаменитом романе „Икария“, Кабэ высказывается самым решительным образом против частичных попыток осуществления коммунистического строя, которые, по его мнению „не могут принести существенной пользы, но неудача которых, почти несомненная, может принести много вреда. Нужен только прозелитизм, ничего кроме прозелитизма, пока вся масса народа не выскажется за принципы коммунизма!“

Высказываясь против частичных социальных опытов, Кабэ был верен своей доктрине централистического коммунизма. Для Фурье и Оуэна социалистическая организация труда укладывалась в пределы отдельной общины; Кабэ же представлял себе коммунизм не иначе, как в рамках целого государства. И потому он не должен был ожидать ничего хорошего от попыток создания коммунистического общества в небольших размерах.

Но, очевидно, такие попытки лежали в условиях социалистического движения той эпохи. И Кабе не долго устоял на своей теоретической позиции. Его пропаганда имела во Франции огромный успех; во всех важнейших городах страны были кружки его сторонников, которые организовывали курсы и лекции коммунизма, распространяли коммунистическую литературу и энергично вербовали новых адептов. Кабэ утверждал, что число последних достигло во Франции перед февральской революцией 400 тысяч душ. Этот успех вскружил голову автора „Икарии“ и в 1847 г. он выпустил призыв к икарийцам приступить к осуществлению коммунистического общества. „Идем в Икарию!“ провозглашал он в горячих, воодушевленных словах, указывая, что „Икария“ лежит совсем близко—в бесконечных степях в то время почти совсем незаселенного Техаса.

Первый авангард икарийцев отплыл в Америку за три недели до февральской революции. Хотя взрыв революции отвлек внимание социалистически настроенных рабочих Франции от предприятия Кабэ, тем не менее несколько сот энтузиастов коммунизма переплыло океан и основало, несмотря на разнообразные препятствия и затруднения, коммунистическую общину. Кабэ был в их числе.

Первое время икарийцы испытывали большие лишения и, конечно, их прежняя жизнь на покинутой родине была обставлена большим комфортом и удобством. Но, мало по-малу, им удалось достигнуть известного благосостояния. Икарийская община напоминала собой, по описаниям посетителей, монастырь, где царило, правда, самое строгое равенство, но, вместе с тем, царила скука и однообразие монастырской жизни.

Через несколько лет община распалась в силу внутренних раздоров. Кабэ и меньшинство, оставшееся ему верным, были исключены из колонии. Вскоре после этого Кабе умер, но колония продолжала жить. Меньшинство, выделившееся из колонии, попыталось основать новую общину, которая вначале имела

успех, но в конце концов тоже распалась. Первоначальная колония вскоре после раскола переселилась на новое место в штат Айова и устроилась среди девственных лесов, вдали от всяких населенных пунктов. Как хозяйственное предприятие, община имела успех. В 1876 г., в составе 75 членов, она уже располагает движимым и недвижимым имуществом ценностью около 1 миллиона франков.

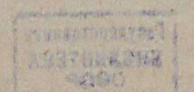
Вот как описывал эту общину один из ее посетителей. „Передо мной была дюжина уютных домиков, расположенных по квадрату; посредине большое центральное здание с общей кухней и общей столовой, служащей также залом для собраний, увеселений и театральных представлений; неподалеку—пекарня и прачешная, и многочисленные бревенчатые домики, напоминавшие о прежней скудной жизни общины... Как только раздается удар колокола, все спешат в столовую, в которой собираются все 75 членов общины, размещающиеся вокруг круглых столиков с чисто французским весельем. Над дверьми написано большими буквами „равенство“, на противоположной стене „свобода“. Пища сытная и здоровая, но крайне простая. Вечером большинство семейств собирается опять в том же помещении, где болтают, поют и играют на разных инструментах. Всего интереснее побывать в воскресенье вечером. Тогда читают избранные места из сочинений великого икарийского апостола Этьенна Кабэ, поют песни и молодые люди говорят речи, полные энтузиазма к социализму“.

В 1877 году распалась и эта колония, вследствие несогласий ее членов по принципиальному вопросу о допустимости частной собственности в пределах общины. Одна часть общины высказалась в пользу такой допустимости и основала „Новую Икарию“, число членов которой достигло в 1884 г. 34 человек. Община эта пользовалась известным довольством, но ее члены почти превратились в обыкновенных американских фермеров. Другая, более радикально настроенная часть колонии, переселилась в Калифорнию и также в начале достигла большого хозяйственного успеха. В 1884 году в ней числилось 52 члена, а имущество колонии оценивалось в 60 тыс. долларов. Но и эта община отказалась от строгого коммунизма; кроме того, она допустила наемный труд. В конце концов она распалась.

„Новая Икария“ просуществовала до 1895 г., когда, по единогласному решению ее членов, община была об'явлена прекратившейся. Вот, что сообщает о прекращении ее последний ее президент Маршан в письме к исследователю американского социализма, Гайдису. Привожу это письмо текстуально.

„Милостивый Государь!

Получил Ваше письмо. Со времени Вашего последнего посещения Икарии наша община испытала большие перемены. Сепаратисты остались на прежнем месте, где Вы были, а мы были принуждены переселиться на новый участок земли, в одной миле расстояния, и должны были все начать заново. Тем не

менее, материально мы имели полный успех и привели все в хорошее положение. К нам вступила часть новых членов, но часть членов ушла. В 1895 г., при выборе членов правления, Бетанниер, выбранный нами в президенты, отказался от этой должности. Решено было назначить новые выборы и наметили в президенты меня. Я отказался от этого, в виду моего возраста— мне уже 81 год; никто другой не предлагался в президенты и выборы, таким образом, состояться не могли. Затем было несколько собраний, в которых положение было обсуждено со всех сторон и, в конце-концов, было единодушно решено, что Новоикарийская община должна быть распущена, а все ее имущество разделено между членами согласно договору. По решению суда раздел был поручен Бетанниеру. Я уехал из общины в марте 1895 г. и надеюсь провести оставшиеся годы в мире и покое среди членов моей семьи и близких друзей. Весь Ваш А. А. Маршан".

Маршан был много раз президентом общины и состоял секретарем икарийского авангарда, отплывшего из Франции в 1848 г.

Таким образом, икарийская община просуществовала, несмотря на многочисленные расколы, почти полстолетия. Это лучше всего доказывает, что икарийцы, вышедшие из Франции, обладали действительно выдающимися моральными качествами и отнюдь не были людьми, ищущими только новизны, не боялись лишений и сумели, без значительной поддержки со стороны, завоевать трудом своих рук известный хозяйственный достаток.

Но как скромны были, в сущности, достигнутые ими хозяйственные результаты! В конце-концов, они добились не большего, чем то, чего достигает всякий здоровый заурядный американский фермер.

В своем коммунистическом романе Кабэ рисовал яркие картины пышности и великолепия жизни в будущем коммунистическом государстве, как оно представлялось его воображению. Реальная „Икария", в лучшие годы своего существования, была иной: несколько скромных домиков, простая одежда, грубая пища, умеренный достаток и полное отсутствие какого бы то ни было блеска и какой бы то ни было роскоши. Соседи могли относиться к икарийцам с большим уважением, как к людям честным и преданным своему идеалу, но зависти икарийцы внушать не могли и учиться у них было нечему.

ГЛАВА V.

Современные социалистические общины Америки.

I.

Если икарийские общины просуществовали около полустолетия, то мы знаем примеры еще гораздо более успешных социалистических организаций. Правда, эти более успешные организации возникли на совершенно иной основе, чем икарийские общины, или вообще какие бы то ни было общины, связанные с современным социалистическим движением.

Уже много раз указывалось в литературе, что все вполне успешные социалистические общины неизменно были основаны на религиозной связи их членов. В этом указании есть и верное и неверное. Совершенно верно, что во всех случаях, когда социалистическая организация хозяйства вполне упрочивалась в известной общественной среде, эта среда всегда оказывалась связанной не только хозяйственными, но и морально-религиозными узами. Неверно, однако, будто во всех этих случаях религиозные интересы стояли на первом плане, а хозяйственные только сопутствовали им, не играя самостоятельной роли, как это мы видим, напр., в коммунистическом хозяйстве монастыря. Монастыри представляют собой уже издавна хорошо известный тип коммунистической организации, которая, конечно, никакого места в истории социализма играть не может по той причине, что основная цель монастырской организации ничего общего с хозяйством не имеет.

Религиозный интерес об'единяет людей в монастыре, и если монастырь является в то же время известной хозяйственной организацией, то только потому, что вне хозяйства вообще жизнь невозможна. Каков бы ни был строй хозяйства в монастыре, этот строй определяется не хозяйственными интересами членов данной организации, а соображениями иного порядка. Успех коммунистической организации хозяйства в такой среде не дает никаких указаний относительно жизнеспособности ее в среде, для которой религиозные интересы отнюдь не являются преобладающими.

Все это необходимо иметь в виду, чтобы правильно оценить значение хозяйственных успехов социалистических общин, возникших на религиозной почве, но отнюдь не имевших и не имеющих монастырского характера. В монастыре мы видим подбор людей с особенно сильными религиозными интересами, настолько сильными, что цели личного благополучия отступают на задний

план. Религиозные же общины, о которых будет итти речь, представляют собой собрания людей, у которых религиозные интересы хотя и сильнее, чем у обычного среднего человека (что доказывается самым фактом выделения данной группы людей в особую религиозную общину), но все же не настолько сильны, чтобы уничтожить обычные мотивы человеческого поведения. При возникновении этих общин происходит известный подбор людей определенных (и сильных) религиозных интересов. Но в дальнейшем существовании общины этот подбор должен, по необходимости, прекратиться, если только в ней существует брак и семья, и община пополняется новыми, родившимися в ее среде членами. Эти новые поколения являются членами общины по рождению, а не по искусственному подбору—и в этом существенное различие таких общин от религиозных организаций, слагающихся из людей, сблизившихся между собой на почве религиозного интереса.

Самым известным примером коммунистической организации, об'единяющей людей определенной религиозной секты, но существующей уже много десятилетий в составе тех же семей и их потомства, является знаменитая американская коммунистическая община Амана. История ее такова.

Еще в начале 18-го века в Германии возникла секта, к числу верований которой принадлежало и то, что Бог посылает от времени до времени особых пророков, являющихся носителями божественного вдохновения и обладающих, поэтому, божественным авторитетом. Основатели секты признавались их последователями именно такими пророками. Секта вызвала много гонений вследствие столкновений ее с местными религиозными властями, а также и вследствие ее стремления привести весь строй своей жизни в соответствие с евангельским идеалом. Тем не менее, ни к какой коммунистической организации секта первоначально не стремилась, хотя и признавала необходимость широкой благотворительности и взаимопомощи. Преследования привели к более тесному сплочению между собой членов секты. Необходимость переселения некоторых ее членов из их родных мест привела к тому, что в секте возникла первая коммунистическая организация—общее ведение хозяйства на арендованном земельном участке и устройство за общий счет нескольких ткацких мастерских, с целью обеспечения существования тем членам секты, которые не имели иного заработка.

Однако, на своей родине секта не могла создать для себя сносных условий существования Сама собой возникла мысль о переселении в Новый Свет, которая и получила осуществление в 1842 г.

Всего из Германии переселилось около тысячи членов секты. В Америке хозяйство всей общины было с самого начала организовано на коммунистических началах: община приобрела за общий счет обширный участок земли, на котором и организовала общее производство и потребление. Первоначально купленный участок земли пришлось перепродать, и, в конце-концов, община

прочно устроилась в штате Айова, где она существует и в настоящее время.

Община Амана владеет теперь земельной площадью свыше 26 тысяч акров. Число членов ее правильно увеличивается, хотя не быстро. Вот соответствующие данные:

1871 г.	1466 членов.
1881 „	1521 „
1891 „	1688 „
1901 „	1767 „

Увеличение числа членов происходит путем естественного прироста. Бросается в глаза медленный темп этого прироста—за последнее десятилетие прирост не достиг и пяти процентов. Повидимому, это об'ясняется очень большим процентом в составе населения лиц преклонного возраста. По этому поводу известный экономист Лифман, лично посетивший Аману, равно как и другие религиозные общины коммунистического хорактера в Америке, замечает, что ему бросились в глаза долговечность членов коммунистических колоний. В Амане он нашел 37 стариков, свыше восьмидесяти лет.

Община состоит из 7 деревень, из которых каждая имеет особый отель для посетителей со стороны. Отели эти далеко не пустуют, так как община играет для окружающего населения роль курорта, куда в летнее время стекается множество гостей, привлекаемых красивым местоположением, а также дешевизной и добросовестностью содержания.

Все имущество общины оценено властями для налоговых сборов в 1901 г. в 1.645 тысяч долларов (в 1891 г.—в 1.320 тыс.: прирост ценности зависит от роста ценности земли).

Каждая семья живет в особом доме. Как общее правило, браки совершаются между членами общины; случаи брака между членами общины и посторонними являются исключением. Столуются члены общины не дома, но в общественных столовых, которых в каждой деревне имеется от 4 до 16. В этих столовых, равно как и во время богослужения и во всех общественных собраниях, мужчины и женщины занимают особые места. Пища, по словам Лифмана, не изысканная, но превосходного качества.

Другие предметы потребления (кроме пищи) члены общины получают из общественных магазинов, которых имеется по одному в каждой деревне. Никакой платы за эти предметы не производится (в денежной форме), но цена купленного предмета записывается на счет покупателя, причем каждому члену открывается определенный кредит, не совершенно одинаковый, но изменяющийся в узких пределах, в соответствии с потребностями данного члена. Размер кредита на одного члена колеблется между 25 и 40 долларами в год. В пределах этого кредита каждый выбирает предметы потребления совершенно свободно. Допускается и превышение, в небольших размерах, назначенного кредита. Но община разрешает своим членам и значительно большие расходы, когда это необходимо—напр, при жизни на

стороне для получения образования (некоторые члены общины учились в Нью-Иоркском университете).

Одежду женщины шьют для себя и своих детей сами; для мужчин одежду шьют особые портные. Одежда мужчин имеет обычный характер, но одежда женщин довольно своеобразна: они носят на голове большой черный платок, который совершенно покрывает волосы. Вообще одежда и женщин, и мужчин отличается крайней простотой и отсутствием каких бы то ни было украшений.

Лифман отмечает, что общий строй жизни аманитов носит на себе отпечаток аскетического духа; в общине совершенно отсутствует элемент развлечений (употребление музыкальных инструментов запрещено). Однако, в настоящее время не заметно особенно сильного религиозного чувства и воодушевления, которые характеризовали секту при ее возникновении. Главным (но далеко не единственным) занятием жителей является земледелие. Часть земли сдается в аренду, так как многие из членов общины предпочитают работу в мастерских. Большая часть наемных рабочих общины (число доходит до 200) также занята в земледелии.

Живой инвентарь общины довольно велик: она имеет 950 быков, 700 коров, 3000 овец, 2000 свиней и очень много птиц. Община возделывает виноград и приготовляет из него для своих надобностей вино, в то время как в окружающей местности культура винограда неизвестна.

Однако, несмотря на то, что сельское хозяйство поглощает большую часть рабочих сил общины, большую часть своих доходов община получает не из сельского хозяйства, а от промышленности. Община имеет свои мельницы, кузницы, мыловаренные заводы, суконную и ситцепечатную фабрики. На суконной фабрике работает около 125 человек, в том числе 16—18 не членов общины, на ситцепечатной 26—35 членов общины.

Техническое снаряжение фабрик несколько старомодно, но имеются и машины самой новейшей конструкции, а также машины, изобретенные членами общины, на которые община не берет патентов, потому что не стремится извлекать из них нетрудовой доход. Движущей силой всех этих машин является частью вода, частью пар.

Лифмана поразил характер работы на этих фабриках. Здесь не было ничего похожего на тип обычной американской фабричной работы. Работают не спеша, с продолжительными отдыхами и со всевозможными удобствами; вблизи места работы у каждого рабочего имеется удобный стул, чтобы посидеть и отдохнуть. Все это производит на человека, привыкшего к условиям работы на капиталистической фабрике, впечатление чего-то очень странного. В такой хозяйственной организации, как Амана, подобный характер работы, однако, вполне естественен и понятен; ведь аманиты работают не для обогащения капиталиста, а ради соб-

ственной пользы—для чего же им надрывать свои силы утомительным трудом? Несмотря на медленность работы (или именно вследствие ее), продукты аманитских фабрик пользуются высокой репутацией во всей стране и сбываются без малейшего затруднения. Лифман считает, что фабричное производство Аманы могло бы быть легко расширено в огромных размерах, если бы только община этого пожелала; но она не стремится к богатству и не пользуется благоприятными условиями сбыта своих продуктов для расширения их производства.

Согласно утвержденному уставу Аманы, она является «религиозной общиной, преследующей не земные цели, а приближение к божественной любви и выполнение Божеских заветов». Община управляется ежегодно переизбираемыми старейшинами. Каждый член общины обязан при вступлении в нее передать ей все свое имущество, как движимое, так и недвижимое. При уходе из общины он имеет право требовать возвращения внесенного имущества.

Число вновь поступающих в общину членов невелико; почти всегда это немцы из Германии, а не окружающие жители. Большинство молодежи, родившейся в общине, остается в ней навсегда.

Амана практикует коммунизм отнюдь не как средство разрешения современного социального вопроса, а только как форму хозяйства, всего более соответствующую духу христианской любви. Поэтому ни к какой пропаганде коммунизма Амана не стремится.

Вообще в Амане бросается в глаза слабость интеллектуальной жизни: для всех семи деревень Аманы имеется всего одна общественная библиотека, и община не издает ни одного периодического органа Она живет своей собственной, замкнутой, уединенной жизнью, отнюдь не влияя на формы быта окружающего населения и не стремясь к такому влиянию. Пропагаторское влияние этой крупнейшей коммунистической организации мира совершенно ничтожно. Лифман говорит, что когда он расспрашивал, под'езжая к Амане, железнодорожных служащих и случайных соседей по вагону об общине с таким своеобразным хозяйственным строем, то никто не мог о ней ему сообщить решительно ничего. Очень характерно, что хотя аманиты живут в Америке уже более семидесяти лет, разговорным языком их остается немецкий: характерно также и то, что аманитские женщины носят и теперь еще ту самую одежду, того самого покроя, который их бабушки вывезли в сороковых годах прошлого века из их старой родины.

Тем не менее, хотя Амана и не является такой формой хозяйственной организации, которая могла бы в каком бы то ни было отношении угрожать прочности существующего хозяйственного строя, она несомненно, на опыте, доказала свою устойчивость и жизнеспособность. Можно думать что коммунизм Аманы есть окончательная форма хозяйственной жизни

данной общественной группы. В этом смысле опыт Аманы весьма поучителен. Хозяйственный успех Аманы несомненен. Около трехсот семейств Аманы располагают общим имуществом, ценностью около шести тысяч долларов на семью и около 85 акров земли на семью. Если бы это имущество и эта земля были разделены между отдельными семьями в частную собственность, то, вероятно, хозяйственное положение членов данной общины испытало бы ухудшение.

Но, с другой стороны, преимущества коммунистической организации в рамках Аманы не могут считаться и особенно значительными. Амана обеспечила своим сочленам хозяйственный достаток—не более. Возможно, что скромность достигнутых хозяйственных результатов об'ясняется тем, что данная община и не стремится ни к чему большему. Ставя на первый план в своем уставе религиозно-нравственные цели, община не ищет богатства; не удивительно, что она этого богатства и не имеет.

II.

Мы знаем примеры коммунистических организаций, просуществовавших еще гораздо более продолжительное время, чем Амана. В коллективном труде германских социалистов —„Истории социализма“, под редакцией Каутского,—имеется обширная статья самого Каутского, посвященная истории самой крупной коммунистической организации, которую знала история, так называемым моравским или гутеровским братствам перекрещенцев. Каждое из таких братств представляло собой коммунистическую общину крупных размеров, в несколько сот человек, занимавшуюся преимущественно промышленной деятельностью. Общее число членов этих общин достигло в период их наибольшего расцвета шестидесяти тысяч и более. Общины эти производили в больших размерах разного рода промышленные изделия для сбыта на широком рынке, и изделия их славились во всей Германии. В таком виде общины эти просуществовали около полутораста лет и только в половине 18 века распались, под влиянием причин чисто внешнего характера: перекрещенцы были изгнаны из пределов Австрии, переселились в Турцию, и след их затерялся. Дальнейшая судьба их до последнего времени была неизвестна, и Каутский заканчивает свой очерк выражением сожаления, что он ничего не может сообщить о дальнейшей судьбе этой любопытной коммунистической организации.

Лифману удалось отыскать во время своей поездки по Америке следы этих перекрещенских братств. Оказалось, что история их после изгнания из Австрии была такова. Когда они, спасаясь от религиозных преследований, поселились в Валахии, то селения их оказались на пути следования русских войск во время русско-турецкой войны восьмидесятых годов 18 века. Перекрещенцы обратились к графу Румянцеву с просьбой о переселении их в Россию, и он поселил их в конце века в Черниговской губернии, в своем селе Вишенке.

В сороковых годах 19 века гутеровская община из Черниговской губ. переселилась в Таврическую губернию и основала недалеко от Мелитополя колонию Гутерсталь. Вслед затем возникло еще несколько гутеровских общин в Таврической и Екатеринославской губерниях. Когда в 1874 г. в России была введена всеобщая воинская повинность, гутеровцы не пожелали подчиниться новому закону, несогласному с их религиозными убеждениями, и предприняли новое переселение—на этот раз в Америку, где их Лифман и нашел, в 1908 г., в Южной Дакоте.

Первоначально в Америке возникло три гутеровских общины. Число членов в этих общинах быстро увеличилось и в 1908 г. в Южной Дакоте было уже 12 гутеровских общин, с 1300 членами.

По словам Лифмана, посещенные им гутеровские общины живут в настоящее время совершенно так же, как жили перекрещенцы в Моравии в начале 17 века. Коммунизм гутеровских общин является значительно более полным, чем в общине Амана: все семьи гутеровцев живут в общих домах и все предметы потребления у них общие. Когда ребенок достигает двух с половиной лет, он поступает в „малую школу“—детский сад особого образца, тип которого гутеровцы ввели у себя впервые 300 лет тому назад и с тех пор сохранили в неизменном виде. Дети в этой школе остаются втечение целого дня, под присмотром особых „школьных матерей“ и „школьных сестер“. По достижении шестилетнего возраста дети поступают в „большую школу“, где воспитание и образование их проходит под руководством особого учителя.

Руководство делами общины принадлежит в религиозной области—„служителю слова“, в хозяйственной области—„служителю земных нужд“. И тот, и другой избираются всеми членами общины. Кроме того, община имеет свой совет старейшин. Все это сохранилось в неизменном виде со времени средневековья.

Религиозная книга гутеровцев обосновывает их коммунизм учением евангелия и доказывает это целым рядом евангельских текстов.

Гутеровские общины, в противность своим прототипам 17 века в Моравии, совершенно не занимаются промышленной деятельностью, а только сельским хозяйством. Члены общины не имеют никакого частного денежного дохода (который имеется, как мы видели, в Амане).

При вступлении в члены общины каждый должен передать ей все свое имущество, и община не возвращает этого имущества при выходе данного члена из общины.

В жизни общины царит резко выраженный аскетический дух. В ней не допускаются никакие развлечения, даже самые невинные, как танцы. Не допускается курение (не говоря уже об употреблении спиртных напитков). Община представляет замкнутый в себе мир, чуждающийся всякого общения с осталь-

ным миром. Этим и об'ясняется, что гутеровские общины так долго оставались никому неизвестными и не были описаны до Лифмана, хотя литература о коммунистических общинах Америки громадна.

Хотя гутеровцы покинули свою родину уже в начале 17 века, когда они переселились из Тироля в Моравию, и жили несколько столетий среди народов, не говорящих по-немецки (чехов, русских и американцев), разговорным языком их остался немецкий, что является лучшим доказательством изолированности их от окружающего населения.

Коммунистический строй хозяйства до такой степени вошел в их нравы, что они остались ему верны при всех превратностях их судьбы. Правда, в России на продолжительное время они были вынуждены отказаться от коммунизма и с 1818 до 1857 г. жили в условиях частного хозяйства. Но лучшим доказательством их преданности коммунизму является то, что при первой возможности они опять вернулись к этому строю хозяйства и в Америке устроили свою жизнь на коммунистической основе. По их собственным словам, отказ от коммунизма был для них равносилен общему упадку, а возвращение к коммунизму восстановило их прежнюю силу.

Итак, перед нами пример коммунистической организации, которая продолжалась уже несколько веков и настолько вошла в нравы соответствующей общественной группы, что последняя оказалась в силах восстановить коммунистический строй хозяйства после того, как в течение нескольких десятилетий его не практиковала.

В виду того, что гутеровские общины существуют в форме коммунистической организации уже несколько веков, нельзя думать, чтобы основой их коммунизма была исключительная религиозность членов этих общин. Религиозное воодушевление не могло бы держаться в течение столь продолжительного времени, в особенности с тех пор, как всякие религиозные преследования этих общин прекратились. Скорее, наоборот, именно коммунистическая организация и вытекающие из нее выгоды общего ведения хозяйства поддерживают в настоящее время религиозную обособленность гутеровцев и изолируют их до такой степени от всего окружающего мира.

III.

Гутеровские общины представляют собой пример самой продолжительной коммунистической организации. Гораздо менее удачны были другие попытки создать на религиозной основе коммунистические общины, хотя таких попыток в Америке было немало.

Одна из наиболее известных организаций этого рода связана с сектой шекеров. Религиозные верования этой секты имеют мистический характер: ее сторонники впадают от времени до

времени в религиозный экстаз, сопровождаемый конвульсиями всего тела; у них происходит или происходило нечто вроде наших хлыстовских радений. Секта эта появилась в Америке в конце 18 века и по религиозным соображениям ввела коммунистический строй хозяйства.

Шекеры отрицают брак и берут на воспитание детей со стороны, в расчете, что воспитанные ими дети примкнут к их общине. В половине прошлого века шекеров в Америке было свыше пяти тысяч. В настоящее время число их в течение многих лет падает и теперь их насчитывается только около 700 человек, образующих 15 общин.

Благодаря сокращению числа шекеров, оставшиеся члены располагают очень крупным имуществом; по словам Гайднса, они владеют, в совокупности, не менее чем 100 тысячами акров земли. При таком значительном земельном имуществе они не имеют возможности сами возделывать землю и сдают ее преимущественно в аренду, или же обрабатывают ее наемным трудом.

Таким образом, шекеровские общины утратили в настоящее время коммунистический характер и, без сомнения, по мере дальнейшего сокращения числа шекеров, все более и более будут удаляться от своего первоначального коммунистического идеала. Но и в эпоху своего наибольшего расцвета общины эти не представляли бы для нас интереса, так как у шекеров, благодаря отсутствию брака, религиозные задачи выступали на первый план и определяли собой все остальное.

Из других социалистических общин Америки, существующих в настоящее время или существовавших еще недавно, я остановлюсь, прежде всего, на двух—общине Онейида и общине Пойнт-Лома.

Первая община особенно интересна в том отношении, что она сделала попытку создать совершенно новые формы семьи и брака. Онейида отказалась от современной моногамной семьи, но не для безбрачия, а для свободных соединений мужчины и женщины по соображениям улучшения расы. В этих видах в общине Онейида (подобно тому, как это предлагал в своем „государстве разума“ Платон) каждый мужчина мог иметь много жен, равно как каждая женщина могла иметь много мужей, причем признавались особенно желательными соединения мужчин и женщин разных возрастов.

Число членов этой общины (вместе с ее отделениями), возникшей в 1848 г., достигало нескольких сот (в начале пятидесятых годов—около двухсот, в конце семидесятых годов—около трехсот). Среди общины были представители разных профессий и не мало людей с высшим образованием. Дети рассматривались в ней как дети всей общины, и мать не обладала никакими исключительными правами на своего ребенка; все дети воспитывались сообща.

За несколько десятков лет своего существования община достигла значительного хозяйственного успеха. Главное здание

имело вид роскошной виллы или дворца в три этажа. В этом здании помещалась и библиотека, состоявшая больше чем из пяти тысяч томов. Община имела типографию, которая выпустила ряд ценных изданий (между прочим „Историю американского социализма“ главы общины Нойеса) и в течение всего времени существования общины печатала ее периодический орган.

Молодежь, выросшая в общине, получала хорошее образование, которое заканчивалось нередко в одном из американских университетов. Хотя в основе общины и лежали религиозные цели, тем не менее аскетический дух был ей совершенно чужд. Культурные развлечения всячески поощрялись; были особые помещения для фотографии. Община имела участок земли на берегу близлежащего большого озера, куда летом переселялись члены „Онейиды“ для рыбной ловли, охоты и вообще разного рода спорта.

Главным занятием общины было садоводство, тканье шелковых материй и разного рода слесарные работы. Внутренняя духовная жизнь „Онейиды“ была очень своеобразна. Большое значение придавалось полной откровенности во взаимных сношениях и так называемой „взаимной критике“, для чего был особый постоянный „комитет критики“, выбранный всеми членами, и ставивший себе задачей открытое обсуждение личности и поведения членов общины. Кроме того, каждый член общины мог подвергать критике каждого другого члена и по собственной инициативе. Этой открытой и широкой критике члены общины придавали особое значение. „Нельзя преувеличивать значение взаимной критики при общинной жизни“— писали они. „Она играет при коммунизме такую же роль, какую в обычном обществе играет суд. Общество не может существовать без управления, без известных судебных и полицейских функций; коммунизм же требует для своего наилучшего развития системы свободной критики. Наша задача заключается в самоусовершенствовании, и мы пришли долгим опытом к убеждению, что свободная критика— добросовестное, честное и строгое высказывание правды—есть лучшее средство для достижения этой цели“.

При исполнении разного рода хозяйственного труда „Онейида“ выработала особые приемы. Так, для увеличения энергии и производительности труда община прибегала к труду „роем“— скоплению больших групп рабочих мужчин, женщин и детей, чтобы общими силами и при наибольшем напряжении сил выполнить ту или иную трудную работу. При этом иногда играла музыка и пелись песни. Одежда членов общины имела свои особенности: женщины, между прочим, не носили длинных волос.

Хозяйственные дела общины шли хорошо, и она имела бы все шансы на дальнейшее благополучное существование, если бы не причины внешнего характера. Отношения полов в Онейиде навлекли на нее гонения пресвитерианского духовенства. Под давлением общественного мнения община отказалась от практиковавшейся в ней формы брака. При этом первоначально

имелось в виду сохранить без всяких перемен общность имущества и труда. Но вскоре среди членов общины обнаружилось стремление вместе с восстановлением обычной семьи перейти и к обычным формам собственности. В 1881 г. „Онейида“, просуществовавшая в форме коммунистической общины 33 года, была преобразована в акционерную компанию.

Эта компания в финансовом отношении имела полный успех. Капитал ее при ее возникновении был определен в 600 тысяч долларов. В настоящее время во главе ее стоит Гайндс, автор лучшего труда по истории американских коммунистических общин.

Кое-что из прежнего духа сохранилось и в преобразованной „Онейиде“, которая является в настоящее время сложной организацией, отчасти капиталистической, отчасти кооперативной. В 1907 г. капитал ее достигал уже 1312 тыс. долларов, т.-е. с 1881 г. увеличился более чем вдвое. Компания имеет до двух тысяч наемных рабочих работающих в разнообразных предприятиях, начатых прежней общиной и продолжающихся с полным финансовым успехом. Достаточно сказать, что общая стоимость проданных компанией продуктов достигла в 1906 г. почти двух с половиной миллионов долларов. Но, конечно, в современном виде „Онейида“ уже не является коммунистической общиной, и успех ее интересен лишь в том отношении, что он свидетельствует о здоровых хозяйственных основах прежней общины, передавшей новой компании свои хозяйственные постройки, имущество и начатые предприятия.

Община Пойнт-Лома является центром всемирной теософической организации. Возникла она в 1900 г в самом живописном месте Калифорнии, на полуострове, вдающемся далеко в океан и возвышающемся над ним на 400 футов Со стороны материка горизонт заканчивается снежными горами. По словам основателей общины, ничего более прекрасного, в смысле местоположения, нельзя найти на земном шаре.

При помощи обширных денежных средств, которыми располагает теософическое братство, было воздвигнуто громадное здание, представляющее собой, судя по фотографиям, настоящий дворец причудливой архитектуры, к которому примыкает целый ряд других построек в том же роде. В этих зданиях живут около 200 взрослых членов общины и около 300 воспитываемых ими детей. К общине принадлежит много образованных людей; некоторые из них имеют большое личное состояние. Никто не получает в общине никакого вознаграждения за свой труд, а только участвует в общем потреблении.

По словам Лифмана, во время его посещения этой общины привратником главного здания был известный скрипач; в общинной работе принимали участие один миллионер из Питтсбурга, вместе со своей дочерью, один генерал со всей своей семьей, несколько писателей и живописцев.

Постройки Пойнт-Ломы, обошедшиеся более чем в миллион

долларов, были возведены при помощи наемных рабочих, но в настоящее время все работы в общине исполняются самими ее членами.

Цели общины, которая, как сказано, располагает крупными капиталами, имеют всецело религиозно-этический характер. Община отнюдь не требует от своих членов, чтобы они передавали ей свое имущество, но многие из них добровольно жертвуют ей значительные денежные средства или щедро оплачивают свою жизнь в общине. С другой стороны, многие живут в Пойнт-Ломе на средства общины. Таким образом, Пойнт-Лома является не столько коммунистической общиной, сколько культурным и просветительным филантропическим учреждением, в задачи которого входит нравственное воспитание человека путем приучения его к физическому труду.

За последнее время стремление к устройству разного рода общин, вполне или отчасти социалистического характера, очень возрасло, и в Америке возникло таких общин не мало... Гайндс сообщает о многих подобных общинах, существующих в настоящее время в Америке, напр., о социалистической ферме в окрестностях Бостона с 40 членами, о колонии Эстеро секты „корешанцев“ с несколькими сотнями членов и др.

Остановлюсь в заключение на одной крупной социалистической общине, возникшей в последние годы. Это колония Лланo в Калифорнии, в графстве Лосангелос. Колония эта основана известным американским социалистом Гарриманом.

Колония расположена в очень живописной долине вблизи реки и носит название „Llano del Rio Cooperative Colony“. Она издает свой орган „Llano Colonist“. Число членов ее очень велико и в ней постоянно живет свыше 800 членов. Община владеет довольно значительной земельной площадью в 9000 акров.

Колония, основанная в 1914 г., занимается, повидимому, преимущественно плодовым садоводством и виноградоводством в крупных размерах. В 1915 году она расширила площадь своего плодового сада на 120 акров, при чем было посажено 26 тысяч фруктовых деревьев. Под грушевыми деревьями колония имеет свыше 100 акров и, кроме того, несколько сот акров под другими фруктовыми деревьями разных пород. Виноградник включает много тысяч виноградных лоз.

Община имеет 105 молочных коров джерсейской породы, 75 рабочих лошадей, 2 больших трактора и много автомобилей. В больших размерах практикуется также пчеловодство, при чем мед собирается сотнями пудов.

На ряду с сельским хозяйством община занята и промышленным трудом. Она имеет и лесопильни, дубильные заведения, ткацкие мастерские, кирпичные заводы, типографию, где печатает свой периодический орган и другие промышленные предприятия.

На воспитание детей обращено особое внимание — в колонии имеются не только начальные школы, но и средняя школа.

Автор статьи в „Cooperative News“ (1916 г. № 36), откуда я

заимствую большую часть приводимых сведений, являющийся, повидимому, одним из колонистов, с восторгом описывает привлекательность жизни в колонии, в которой сильно развиты всевозможные виды спорта, охота, рыбная ловля, купанье и проч.

Вся территория общины обрабатывается общими силами членов при самом широком употреблении машин. Во главе общины стоит правление, избираемое всеми членами ее. Хозяйственная деятельность разбита на 25 особых отделов, причем во главе каждого отдела стоит особый руководитель работ. Власть руководителей, повидимому, весьма велика.

Каждый вновь поступающий член должен внести пай двоякого рода—деньгами и своим трудом, причем и тот и другой пай должен равнятся каждый по своей ценности 1000 долларов. Повидимому, уплата денежного пая может быть рассрочена, а трудовой пай, очевидно, образуется путем учета труда, исполняемого членом в пользу колонии.

Члены общины получают за свой труд определенную плату, равную для всех 4 доллара в сутки, причем, однако, на руки они получают лишь 3 доллара, 1 же доллар удерживается в пользу общины на поддержание ее капитала.

Эта община находится, повидимому, в цветущем состоянии и анонимный автор статьи в „Cooperative News“ выражает твердую уверенность в ея блестящем будущем.

По данным, сообщаемым в International Cooperative Bulletin (1917 November) в общине Llano имеется особая школа искусства, с отделениями скульптуры, рисования, живописи, драматический театр, оркестр. Все то, что находится в общем пользовании общины является общей собственностью; но имеется и частная собственность на предметы личного пользования—на мебель, предметы домашней обстановки, автомобиль и пр.

Помещением все члены общины пользуются безплатно, за остальное—стол, одежду и проч. полагается особая плата. Получаемый заработок не выдается полностью деньгами, но на соответствующую сумму открывается каждому определенный кредит, в счет которого и можно оплачивать продукты, получаемые от колонии Деньгами же на руки можно получать не свыше 75 долларов в год.

Довольно крупной коммунистической общиной является основанная в 1894 г. община, именующая себя „Кооперативное братство“. В состав „Кооперативного братства“ входит около 400 членов. В 1899 г. оно купило в штате Вашингтона на берегу моря 120 гектаров земли. В 1903 г. в колонии было 25 жилых домов с общей столовой. Община имеет лесопильный завод и токарную мастерскую. Она издает особый орган „The Cooperative“. Члены ее распадаются на две категории—живущие в колонии и не живущие в ней. В 1903 г. в колонии жило 130 членов.

ГЛАВА VI.

Величайшая в мире коммунистическая организация.

(община духоборов).

I.

Духоборческая община является в настоящее время бесспорно крупнейшей и значительнейшей в мире коммунистической организацией. Община эта для нас, русских, тем интереснее, что она создана русскими сектантами-духоборами, переселившимися в Канаду в 1899 г.

Духоборы—одна из старинных коммунистических сект России. Однако, элементы коммунистического строя у духоборов в прежнее время не получили широкого развития и не сложились в какую-либо законченную и определенную коммунистическую организацию. Мало того, с течением времени элементы эти не усиливались, а скорее отмирали и к концу 19 века существовали только в виде слабых зачатков коммунизма, как, напр., в виде широкой милостыни и помощи неимущим, да в области моральных воззрений. Можно было думать, что постепенно духоборы утратят какие бы то ни было хозяйственные особенности сравнительно с хозяйственным строем окружающего их населения. Вышло, однако, иначе.

Значительную, но отнюдь не решающую роль во всем новейшем духоборческом движении, несомненно, сыграл Петр Васильевич Веригин, человек, повидимому чрезвычайно одаренный, личность вообще исключительно выдающаяся. С его деятельностью связано преобразование всего хозяйственного строя духоборов.

Уже издавна духоборы не признавали для себя возможным принимать участие в войне и отказывались, если попадали в армию, употреблять оружие против неприятеля. Так было напр., в 1829 г., когда во время боя с турками духоборы Вологодского пехотного полка отказались стрелять в неприятеля и за этот отказ были перебиты все до единого.

Однако, с постепенным ослаблением обособленности духоборов от окружающего их населения и с упадком у них религиозного энтузиазма, духоборы перестали проявлять прежнее мужество в своем отказе от военной службы и с введением на

Закавказье, где они в то время жили, всеобщей воинской повинности не уклонялись от службы в войсках.

Не без влияния Веригина, который в это время был в ссылке в Обдорске, но оставался в постоянных сношениях со своими братьями на родине, духоборы в 1894 г. опять вернулись к своему прежнему отношению к войне.

В свою очередь на Веригина, повидимому, оказали известное воздействие религиозные сочинения Л. Н. Толстого, с которым он и лично неоднократно виделся и беседовал, а также был с ним в переписке.

Быть может, под влиянием Толстого Веригин стал вегетарианцем, отказался от вина и куренья табаку.

В начале 1894 г. Веригин обратился к своим братьям с особым посланием, в котором с полной определенностью формулировал учение о несопротивлении злу насилием. Это послание, вероятно, содействовало демонстративному отказу духоборов от военной службы

2 апреля 1895 г. духоборы, служившие в Асландузском резервном пехотном батальоне в г. Елисаветполе, не вышли на воинский парад и заявили, что они отказываются нести военную службу. Так же поступили духоборы и в других кавказских полках. Всего отказалось от военной службы 41 духобор, которые и были отданы в дисциплинарный батальон, где они подвергались невероятным преследованиям и даже истязаниям. Их секли розгами, морили голодом, оставляли подолгу без теплой одежды в холодном карцере, били кулаками и прикладами и т. д. Все это имело своей целью заставить духоборов взять ружья и принимать участие в воинском учении.

Духоборы не устояли и „приняли ружья". Тогда отцы их, узнав о слабости своих детей, отправили к ним ходоков с увещанием, чтобы они шли хотя бы на крестную смерть, но ружей ни в каком случае не принимали. Духоборы бросили ружья, но новые жестокие побои заставили их покориться; один из них при этом был забит на смерть.

Сведения обо всех этих истязаниях проникли в широкие круги русского общества, и правительство вынуждено было сделать некоторые уступки; духоборы не были, конечно, освобождены, но их сослали из дисциплинарного батальона в ссылку в Якутскую область, что было огромным улучшением их участи.

Только в 1905 г. эти мученики духоборческой идеи получили свободу и присоединились к своим братьям, к тому времени уже бывшим в Канаде.

II.

Что касается остальных духоборов, то они также подверглись жестоким преследованиям. Вождей их сослали в Сибирь, а остальных разослали из их насиженных мест куда придется.

Около 4300 духоборов были изгнаны из их селений в Тифлисской губернии и расселены по грузинским деревням, при чем им пришлось жить среди совершенно чуждого им населения, в самых тяжелых экономических условиях, о которых можно составить себе представление по тому, что свыше 800 духоборов при этом погибло.

Летом 1897 г. выселенные из селений Тифлисской губернии духоборы которых оставалось к тому времени в живых всего 3500 человек, подали через своих посланных прошение бывшей в то время на Кавказе императрице Марии Федоровне о том, чтобы им было разрешено выселиться из России. В следующем году им это было разрешено с тем условием, чтобы они уже никогда не возвращались в Россию.

Тогда духоборы послали своих делегатов к Л. Н. Толстому с просьбой об оказании им помощи при переселении. Л. Н. Толстой отнесся к проекту духоборов неодобрительно и очень уговаривал их остаться в России. Точно так же и Веригин высказался против переселения. Но духоборы были непреклонны и, несмотря на свое огромное уважение к Веригину, решения своего не изменили. Это, между прочим, показывает, как неверно видеть в духоборах людей, слепо идущих за своими вождями. Тогда Толстой, убедившись, что намерение духоборов покинуть Россию непоколебимо, обратился к Черткову и другим своим русским друзьям за границей, а также к английским квакерам с просьбой указать место, куда могли бы направиться духоборы. Для приискания средств к такому переселению в Лондоне был образован особый комитет.

Квакеры посоветовали переселиться на остров Кипр; Хилков указал для этой цели на Канаду. В виду дороговизны переезда в Канаду остановились на острове Кипре.

Первая партия духоборов отправилась 6 августа 1898 г. на Кипр. От'езд же остальных был отложен до выяснения того, как устроятся на Кипре первые переселенцы. Однако, этот первый опыт переселения оказался крайне неудачным. Духоборы болели и не могли завести на острове земледельческого хозяйства. Жили они на Кипре исключительно на счет поддерживавших их квакеров. Кипрские неудачи решили выбор места переселения в пользу Канады, при чем в Канаду пожелали ехать не только духоборы, расселенные по грузинским деревням Тифлисской губернии, но и из других мест Кавказа.

Для переезда через океан нескольких тысяч человек потребовались значительные денежные средства, которые составились частью из взносов самих духоборов, частью были даны Л. Н. Толстым, пожертвовавшим для этого свой авторский гонорар за роман „Воскресенье", частью были собраны квакерами и иными лицами.

Переселившиеся на Кипр также поехали в Канаду. Всего же в Канаду уехало в 1898—99 гг. свыше 7.700 духоборов.

III.

О душевном строе духоборов, их моральном облике можно судить по многим фактам, приводимым в книге Сулержицкого „В Америку с духоборами". Сулержицкий организовал этот переезд, сопутствовал духоборам и был с ними неразлучен в течение многих месяцев. В его описаниях духоборы рисуются как живые, и нельзя не удивляться их душевной силе и внутренней дисциплине. Когда они были водворены в Тифлисской губернии и убедились в тяжелых условиях жизни на новом месте, они решили жить врозь со своими женами и стойко выдерживали в течение трех с половиною лет этот трудный обет, так что рождений в течение всего этого времени среди духоборов почти не было, а отдельные случаи родов вызывали общее, хотя и молчаливое, сдержанное неодобрение со стороны духоборческой массы к мужу и жене.

Сулержицкий описывает, какую удивительную стойкость и выносливость обнаружили духоборы во все время продолжительного и далеко не легкого океанского переезда. Не только взрослые духоборы всегда сохраняли полное спокойствие и самообладание, но даже дети были неизменно послушны и соблюдали строжайший порядок на переполненном до последней степени пароходе. Так, напр., когда малышам не старше 10 лет раздавали на пароходе сласти, то, хотя их толпились сотни на небольшом пространстве, в их густой куче не было ни малейшей давки и беспорядка, никаких ссор, а тем более, драки. Все чинно и спокойно подходили по очереди друг за другом, и никогда не случалось, чтобы один взял две порции или подошел два раза.

Характерно для строгого духа духоборов и то, что их дети никогда не называют родителей „мама" и „папа". Отца они зовут по имени или „стапичком", а мать всегда „няней".

Когда пароход с духоборами прибыл в Канаду, то канадские власти заявили Сулержицкому, что они еще не видали парохода с эмигрантами в таком удивительном порядке. Канадские газеты посвящали духоборам многочисленные хвалебные статьи, удивляясь их дисциплинированности и порядку, их религиозности и чистоплотности, самым резким образом отличавшей их от других эмигрантов. Немало места отводилось в этих статьях и наружному виду духоборов—их высокому росту, физической силе и здоровому сложению.

Встреча духоборам была устроена торжественная. Когда пароход с невиданными эмигрантами приблизился к молу, вся пристань была покрыта густой толпой, махавшей шляпами, руками, платками и кричавшей „ура". Дамы из Монреаля наделяли духоборческих детей кулечками с конфетами и были очень поражены тем, что малыши не выказывали никакой радости при виде подарков и, низко поклонившись, шли дальше с полученными кулечками, не торопясь заглянуть в их содержимое. Встречали духоборов и представители канадского правительства, пре-

зидент парламента, министр внутренних дел и другие власти; все согласно отмечали удивительное чувство собственного достоинства и дисциплинированность, проявленные при этом новыми канадскими гостями.

С своей стороны и духоборы были приятно поражены простым видом канадских министров и отсутствием полиции. „Сколько мы проехали уже, сколько народу там на берегу было,—говорили они Сулержицкому,—а нигде тебе ни жандарма, ни полицейского не видать“.

Духоборы любят петь и поют хорошо и охотно. Но поют они исключительно духовные песни—псалмы и духовные „стишки“, светскихъ же песен никогда не поют и даже их совсем не знают. Вообще „всякую песню, пляску, музыку, всякое буйное проявление веселости духоборы порицают и вместе с курением и водкой называют бесовскими покликушками. По понятиямъ духоборов, человек никогда не должен терять спокойствия духа и чувства собственного достоинства. Во всякую минуту он должен быть готовым на страдание и смерть. Одинаково сдержанно и подчас величаво переносят они и горе, и радость. Между ними трудно встретить забитое, запуганное страданиями лицо. В их непоколебимом спокойствии чувствуется страшная моральная сила“ (Сулержицкий).

В то же время духоборы, при их переселении в Канаду, были почти сплошь безграмотны и относились к школе крайне недоброжелательно. Об‘яснялось это тем, что в школе на своей старой родине духоборы видели средство пропаганды православия и орудие борьбы с их собственными религиозными верованиями, которые они не могли не ставить гораздо выше учения господствующей церкви.

Непротивление злу насилием—не только отвлеченная моральная доктрина, исповедуемая духоборами, но и реальная основа всего их поведения. Когда они поселились в Канаде, то местное население, не отличавшееся мягкостью нравов, всячески испытывало терпение духоборов. На этой почве у соседей духоборов развился даже особый спорт—издеваться над непротивленцами. Сулержицкий описывает много характерных эпизодов в этом роде. Вот один из них, извлекаемый автором из его дневника.

„Вчера вечером произошла следующая история. „Старички“ и молодежь сидели за длинным столом и пили чай; шла мирная беседа. Вдруг дверь широко распахнулась, и в сарай ввалилось двое английских юношей. Оба они, как видно, здорово подвыпили и были теперь в отличном настроении духа—в самом подходящем для того, чтобы познакомиться с религиозными воззрениями духоборов.

Духоборы молчали и спокойно разглядывали своих гостей. Затем началось „действие“.

Сначала веселый малый, дергая за рукава сидящих духоборов, толкал их под локоть, так что те проливали чай на стол,

кричал петухом над ухом и т. п. Духоборы отмалчивались, с сожалением поглядывая на „весельчака“.

— Что делают только, что делают!—вздыхал кто-то, покачивая головой.

Собравшаяся понемногу толпа англичан, стоя въ дверях, наблюдала за происходившим.

— О, эти молодцы покажут им непротивление!—слышались оттуда веселые восклицания.

— Билли!.. Послушай, Билли,—обратился один из толпы,—не слишком ли ты любезен, мой дорогой? Я говорю, ты очень любезен с ними... Попробуй насыпать им в чай песку, попробуй...

— Это идея!—хохочет экспериментатор и, набрав возле печки золы, высыпает ее в кружку одного из старичков.

— А, Боже мой!—поворачивается обиженный старичок,—ну, и к чему такое, а! Ну, скажи, к чему это самое?.. Нешто так можно?

— Ну, и народ!—раздаются замечания среди духоборов.—Это хуже азиатов... не приведи Бог!..

— Люди, которые темные, не понимают... как ты ему растолкуешь,—слышатся голоса.

— Ничего больше, как надо двери на запоре держать, вот тебе и все...

— Хуже татар,—сравнил кто-то из старичков.

— Глядите, глядите,—гоготали англичане, оскаливая зубы,—сидят все, как будто им сахару насыпали!

— Нет, это совершенные варвары.

— Это положительно хуже негров, вот будь я проклят, если не хуже!..

— Вотъ дурачье! Дикари...—хохотали на все лады англичане, наслаждаясь зрелищем и подуськивая разгулявшегося Билли на новые штуки.

Продолжалось это довольно долго, но вот как то Билли подошел к пожилому уже старичку и, щелкнув его по макушке, плюнул ему в чай при общем хохоте публики.

Духоборы покачивали головами, охали, ахали, удивляясь, в свою очередь, дикости „немцев“. В то же время из-за угла медленно поднялась дюжая, нескладная фигура елисаветпольца, молча глядевшего до сих пор. Вылезши из-за стола, он как-то нерешительно, точно конфузясь своей огромной фигуры, оправил казакин и, робко откашливаясь, пододвинулся к разглагольствовавшему Билли.

С таким же спокойным лицом, ни слова не говоря, он схватил одной рукой бедного Билли за шиворот, а другой, размахнувшись, тяпнул его по уху, да так тяпнул, что тот только икнул и свалился без чувств на землю.

Посмотрев несколько мгновений на лежавшего у его ног Билли, парень, покраснев от сдержанного волнения, возвратился на прежнее место.

Произошло это так неожиданно, что и духоборы, и англичане были некоторое время в оцепенении.

Наступила тишина. Слышалось только тяжелое сопение елисаветпольца.

— Дзатс олль-райт! (это хорошо)—произнес пьяный голос товарища Билли.

— Ну, это ты напрасно,—заволновались духоборы, подымаясь со своих мест и собираясь помочь ушибленному англичанину.

— Ну, и к чему это? К чему ты темного человека изобидел, который по неразумению, по слепоте своей... Эх, ты, право!—говорил трогательным, взволнованным голосом старичок, подойдя к молодому елисаветпольцу и заглядывая ему в глаза с жалобным упреком.

— Нешто это наше дело воевать, а?

— Не гоже... не гоже...— слышались со всех сторон упреки.

Молодой парень, покрасневший от стыда до кончиков ушей, стоял с опущенными руками среди выговаривавших ему старичков и растерянно глядел перед собой, очевидно, сам не понимая, как мог с ним случиться такой грех.

Англичанина привели в чувство, и он ушел вместе с товарищами, одобрявшими молодца, сумевшего постоять за своих.

В об'яснение этого поступка, совершенно невероятного и невозможного даже для самого рядового духобора, нужно сказать, что елисаветполец этот принадлежал на Кавказе к группе духоборов, которые активного участия в известном движении 1894—95 г. не принимали. Им не приходилось, как остальным выселившимся духоборам, ценой крови отстаивать свои принципы; их убеждения, если можно так выразиться, не закалились в горниле испытаний, и потому между ними, в особенности среди молодых парней, можно было встретить людей, недостаточно проникнувшихся идеей непротивления злу насилием.

Насколько случай этот среди духоборов является необыкновенным и диким,—можно судить по тому, что слух о нем пронесся по всем селениям и взволновал не на шутку духоборческое общество".

Рассказанный Сулержицким эпизод, взятый и описанный, очевидно, без всяких прикрас, непосредственно из жизни, в высшей степени характерен. Характерно в нем все—поведение и „старичков", и английской толпы, и молодого парня. И „старички", и английская толпа одинаково твердо стоят на крайних полюсах морального мировоззрения: каждая сторона убеждена в варварстве и дикости другой. Духоборы с их готовностью безропотно переносить всевозможные издевательства, вызывают совершенно искреннее презрение и негодование у английской толпы, привыкшей думать, что истинная честь требует немедленного и строгого отпора при всяком оскорблении. Только ничтожные и дикие люди могут позволить безнаказанно

оскорблять себя,—так смотрит на дело не только средний англичанин, но и вообще средний цивилизованный человек нашего времени.

В то же время эта английская толпа, издевавшаяся над духоборами, вовсе не была сборищем озорников и хулиганов; напротив, она проникнута уважением к тому, что считает правильным и справедливым. Когда один из ее представителей получил жестокий отпор, то его ближайшие товарищи не только не обнаруживают желания отплатить ударом за удар, но и вполне одобряют поведение молодого духобора, показывая этим, что и они, не менее духоборов-старичков, верны своему нравственному мировоззрению.

Но насколько выше мораль духоборов противостоящей ей искусственной морали цивилизации! И можно ли сомневаться, какое из двух столкнувшихся мировоззрений более соответствует высшему моральному идеалу?

Конечно, дикарями оказались в этом столкновении не безграмотные духоборы, а цивилизованные англичане. Духоборы же показали, что высокая моральная культура приобретается не книжным образованием, а самой жизнью.

Характерно в высшей степени и то, как отнеслись к поступку молодого парня „старички". Казалось бы, естественным окончанием всего эпизода должно было быть общее удовлетворение его участников. Издевательство было наказано, и чувство справедливости было удовлетворено.

Однако, у „старичков" столь простительный и даже, казалось бы, неизбежный поступок молодого парня, вступившегося за обижаемого „старичка" и руководившегося отнюдь не дурным, а хорошим чувством, желанием защитить невинно страдающего человека, вызывает не сочувствие, а общее негодование.

И тут общественное мнение духоборов резко разошлось с общественным мнением цивилизованных людей. У англичан поступок парня вызвал общее одобрение, у духоборов же чувство огорчения и стыда за их брата, не устоявшего на высоте духоборческой морали.

И это чувство стыда было столь сильно, что не замедлило охватить и самого виновника поступка, одобряемого искусственным чувством чести цивилизованного человека. До кончиков ушей покраснел молодой духобор,—так низко он пал в своем сознании, опустившись до уровня обычного цивилизованного человека.

Этот небольшой эпизод бросает чрезвычайно яркий свет на моральную природу и весь душевный склад духоборов и об'ясняет нам лучше длинных рассуждений, что за люди духоборы и какова их моральная сила.

Еще перед от'ездом в Канаду духоборы, водворенные в Тифлисской губернии, все свое имущество и все свои деньги внесли в общую кассу. Многие более богатые члены общины внесли таким образом тысячи и даже десятки тысяч рублей своих

личных заработанных денег. Но кое-кто и припрятал часть денег для себя. Когда это обнаружилось в Канаде при промене русских денег на канадские, то крайне характерно для общего морального облика духоборов, что, хотя такой образ действий естественно не одобрялся общественным мнением духоборов, никто открыто не порицал сохранивших свои личные деньги, предоставляя это дело совести каждого.

Само собою разумеется, что по отношению к чужой собственности духоборы идеально честны. и ни один духобор никогда и ни при каких условиях не возьмет ничего чужого. Вообще никаких преступлений против имущества, а тем более личности, среди духоборов не бывает.

IV.

В Канаде духоборы получили землю на общем основании, как и все колонисты. По общему правилу переселенцы в Канаду получают каждый мужчина выше 18 лет, особый надел, или гомстед, площадью в 160 акров (около 60 десятин). Надел этот отводится за очень небольшую плату в пользу государства—10 долларов за надел, при чем поселенец обязан немедленно приступить к обработке своего участка и выстроить на нем дом. Однако, часть гомстедов остается в распоряжении железнодорожных компаний и продается этими последними на гораздо менее выгодных условиях—по нескольку долларов за акр. При этом нужно иметь в виду. что участки железнодорожных компаний расположены черезполосно с гомстедами, отдаваемыми казной поселенцам, так что каждый поселенец должен селиться особо от других, и образование общего поселения очень затрудняется.

Канадское правительство в своем колонизационном плане исходило из представления, что земледельческое хозяйство будет вестись исключительно силами каждой отдельной семьи, безъ всякого соединения переселенцев в деревни. Между тем духоборы могли вести хозяйство только общиной, общими усилиями. Это сразу создало большие затруднения для духоборов.

Духоборческие общины расположились в обширном районе по реке Сван-Риверу, в окрестностях города Иорктона и на земле принца Альберта отдельными поселками на протяжении нескольких сот верст. Климат в этой части Канады сухой, континентальный с очень холодными зимами и жарким летом. Благодаря суровости зимы, фруктовые деревья не растут, и духоборам, переселившимся с южного Кавказа и привыкшим к садоводству, было очень тяжело отказаться от плодоводческого хозяйства. Зато на месте их нового поселения превосходно родились пшеница и другие хлеба, а также всевозможные огородные овощи. Плодородие почвы исключительное по количеству и по качеству хлебов.

Первый год после поселения в Канаде, несмотря на помощь

со стороны, духоборы прямо голодали. Пахали по недостатку рабочего скота сами, впрягаясь в плуг, при чем плуг тащили 12 пар женщин, мужчины же разбредались по окрестностям для работы по найму.

Канадское правительство оказывало духоборам самую широкую поддержку и всячески покровительствовало им, относясь с неизменным вниманием и благожелательностью к их нуждам и просьбам. Но духоборы были слишком своеобразны и не укладывались в рамки обычной жизни в Канаде. Привыкши следовать только голосу своей совести, они обнаруживали чрезвычайное упорство в сохранении привычного строя своей жизни и в этой области ни на какие уступки и компромиссы, хотя бы самые невинные или даже чисто формальные, не шли, создавая этим разнообразные затруднения для администрации, имевшей с ними дело.

На этой почве в первый же год прибытия духоборов в Канаду у них начались столкновения с канадскими властями, вызвавшие большое брожение среди духоборов, едва не поведшее к их уходу из Канады. Правительство требовало, чтобы духоборческие наделы записывались не на всю общину, а на отдельных лиц, предоставляя право духоборам, после записи, распорядиться своими наделами, как им угодно, т. е. хотя бы и соединить их в одно общее владение. Такимъ образом, в сущности, это требование канадской власти ни малейшим образом не знаменовало собой уничтожения общего владения землей, а имело характер формального требования соблюдения действующего в Канаде закона о гомстедах, признающего только индивидуальное владение гомстедом. Другие требования канадского правительства были еще более обоснованы, а именно: требование регистрации браков, рождений и смерти и уплаты государству дорожных налогов.

Духоборы отказались от исполнения всего этого. Канадская администрация послала для увещания духоборов квакеров и особого делегата. Но духоборы продолжали упорствовать.

Тогда правительство поручило своему представителю в Иорктоне созвать в этом городе в начале октября 1900 г. с'езд представителей всех духоборческих сел, расположенных вблизи города, и решительно потребовать от духоборов исполнения канадских законов. При этом правительство раз'яснило, что индивидуальная запись гомстедов имеет формальный характер и отнюдь не равнозначаща отказу от общего владения землей.

Но духоборы твердо стояли на своем, не соглашались исполнить требования власти и заявили, что они желают покинуть Канаду.

В 1901 г. они опубликовали переведенное на несколько языков и обратившее на себя общее внимание „Обращение канадских духоборов ко всем людям“, в котором протестовали против вмешательства канадского правительства в их внутренние отношения.

Впрочем, та часть духоборов, которая поселилась отдельно от прочих в провинции принца Альберта и состоявшая преимущественно из более зажиточных духоборов, подчинялась канадской власти и взяла землю на индивидуальном праве. Вообще полного единодушия среди духоборов по этому вопросу не было, и решительно отказывалось от индивидуальной записи земель и семейной регистрации около 4.000 духоборов, т.-е. немногим более половины их.

Тогда канадское правительство, потеряв терпение, после продолжавшихся много месяцев бесплодных переговоров, об явило в январе 1901 г., что если духоборы не будут соблюдать постановлений канадского земельного закона, то их гомстеды будут об'явлены свободными и переданы во владение другим.

Это, естественно, вызвало чрезвычайное возбуждение массы духоборов. Им рисовались новое изгнание и новое скитальчество по всему миру в поисках места для жизни. Возбуждение усиливалось еще тем, что как раз в это время ожидался приезд в Канаду Веригина, который получил, наконец, после многолетней ссылки свободу и спешил в Америку к своим братьям.

Духоборы стали искать место, куда им переселиться. Предложений и планов было немало. Одна американская компания предлагала в их владение целый остров площадью в 60 тысяч акров, вблизи от острова Кубы. Предложение это показалось духоборам очень соблазнительным в особенности потому, что таким образом они получали возможность жить совершенно особо от остального населения своей отдельной общиной, без всякого вмешательства чуждых им властей во внутренний распорядок их жизни.

Все это усиливало религиозное возбуждение духоборов, которое стало, наконец, проявляться странными поступками. Так, духоборы решили, что скотина имеет такое же право на свободу, как и они сами, и что человек не должен принуждать скот к работе. Исходя из этого взгляда, они отпустили на свободу свой скот в числе 600 голов; скот стал ходить обширными стадами по окрестным полям. Но так как зимой всем этим животным предстояло погибнуть от недостатка корма, то духоборы обратились к канадскому правительству с прошением, чтобы для отпущенных ими на свободу животных было отведено достаточно земли в теплом климате!

Канадские власти поспешили собрать блуждающий стадами скот и продали его с аукциона, а вырученные деньги взяли на хранение в казну для возвращения духоборам.

Так прошло лето, а осенью было получено известие, что Веригин выехал из Обдорска и едет в Канаду.

Это дало решительный толчок, и религиозное возбуждение духоборов вылилось в форме своеобразного похода с целью проповеди своего учения. Около 2.000 духоборов двинулись с женами и детьми за сотни верст по направлению к гор. Виннипегу навстречу Веригину.

Многие шли босиком, несмотря на жестокую стужу, почти ничего не ели, матери несли своих детей. больных несли на носилках.

Никакой определенной цели этот странный „поход на Виннипег" не преследовал, так как даже проповедывать свое учение участники его не могли, как не знающие языка окрестного населения. Они шли толпой вперед и вперед, и им предстояло погибнуть от холода и голода, если бы канадская администрация не остановила их силой и не посадила их опять-таки насильно в вагоны и не отправила по железной дороге обратно на их местожительство.

Прошли они около 350 верст и, конечно, крайне были изнурены своим походом. Весь этот поход интересен в том отношении, что он ярко рисует религиозную экзальтацию духоборов.

Вскоре после насильственного возвращения духоборов к ним приехал Веригин, восторженно встреченный всеми.

Однако, Веригин далеко не оправдал ожиданий той крайней группы, которая ожидала от него поддержки в проповеди аскетизма и религиозной экзальтации. Наоборот, Веригин стал во главе умеренной части духоборов и поставил себе задачей экономическую организацию духоборческой общины.

Веригин отнесся резко отрицательно как к самому походу, так и к тому, что предшествовало последнему—отпуску скота на волю. Точно также онъ не одобрил и отказа от исполнения требований канадского правительства. Наоборот, он постарался их убедить, что канадское правительство относится к ним с полным доброжелательством, и что отнюдь не следует переселяться изъ Канады.

Приезд Веригина чрезвычайно успокоил духоборов. Только немногие крайние фанатики не соглашались с ним и обвинили его в измене его прежним религиозным принципам Они решили, что правда погибла на свете, если даже их учитель отступился от нее, и что приходит конец миру.

Эти крайние духоборы пошли еще дальше в своем стремлении приблизиться к „райскому житью". Они стали бродить большими толпами, мужчины и женщины, в голом виде, усматривая в отсутствии одежды приближение к первобытной невинности в раю.

Конечно, канадская администрация не потерпела всего этого, и новые Адамы и Евы были принуждены облачиться в одежду, а за нарушение общественной благопристойности они были приговорены к довольно продолжительному тюремному заключению.

Но таких крайних духоборов было немного—около сотни; остальные же вернулись к нормальной жизни.

V.

Для нас духоборческая община интересна в том отношении, что духоборам удалось создать крупнейшую коммунистическую организацию мира.

Тяготение к коммунизму вообще уже издавна характерно для духоборов, как определенной религиозной секты. Однако, как мы видели, перед переселением духоборов в Канаду у них полной общности имущества отнюдь не было. Среди выселившихся духоборов были как богатые, так и бедные,—и даже расселились те и другие особо.

Более богатые духоборы поселились, как сказано, преимущественно на земле принца Альберта. 10 семейств этих духоборов даже расселились по особым хуторам каждая семья, подобно обычному расселению канадских колонистов. Правда, огромное большинство духоборов на земле принца Альберта поселилось деревнями, но во многих духоборческих деревнях этого района отдельные дворы были в частной собственности хозяев. В пяти духоборческих деревнях этой провинции была и частная запашка отдельных дворов.

Однако, во всех этих селах имелась общественная запашка. В остальных же духоборческих селениях земли принца Альберта вся земля обрабатывалась всеми жителями деревни сообща. Эту привычку к общей запашке духоборы вывезли еще с Кавказа, где необходимость в такой запашке вытекала из особых условий земледелия в районе поселения духоборов: обрабатываемая ими земля изобиловала камнями, и в плуг приходилось запрягать до 9 пар волов.

Все же, несмотря на эту привычку к общему труду, духоборческая община в провинции принца Альберта казалась не прочной, и общины стали распадаться на отдельные хутора, число которых быстро увеличивалось. На хуторах общий труд невозможен, и, таким образом, ни о каком коммунизме среди этой части духоборов говорить не приходилось.

Духоборов, ведших в первые годы переселения в Канаду частное хозяйство, г. Бонч-Бруевич насчитывал 2215 человек.

Остальные духоборы, т. е. свыше 5000 человек, жили в условиях большего или меньшего коммунизма.

В первое время коммунистические тенденции среди духоборов наталкивались на упорное противодействие сторонников частного хозяйства. „Между сторонниками общинной жизни и противниками ее,—пишет г. Сулержицкий,—шла жестокая глухая борьба, тем более жестокая, что на стороне общинников всегда было и общественное мнение, и сознание правды, так как в глубине души всякий духобор, хотя бы то был и самый ярый сторонник частной собственности, считает общинную жизнь обязательной для истинного христианина, какими они себя считают".

Как сказано, та часть духоборов, которая была особенно склонна к частному хозяйству, постаралась оградить себя от воздействия духоборческой массы и с этой целью поселилась вдали от главного центра духоборческого расселения, в 300 милях от последнего, в земле принца Альберта, где их и „рукой не достать". Эта часть духоборов состояла преимущественно из

богатых духоборов, но с ними расселилась некоторая часть бедняков, на том основании, что при „богатом проживешь легче".

На так называемом Южном участке духоборческие селения вели хозяйство частью общинное, частью индивидуальное, отдельными семьями. Духоборы этой группы не имели общей кассы для всего села, и заработанные каждым деньги являлись его личной собственностью. Скот и орудия частью принадлежали отдельным семьям, частью же всему селу. Однако, богатые обычно оказывали из своих личных средств широкую помощь своим бедным односельчанам.

Третья группа, поселившаяся преимущественно на так называемом Северном участке, жила в условиях почти полного коммунизма. Все заработанные деньги отдавались в сельскую общественную кассу и расходовались на нужды всей общины и каждого ее члена по решению всего села. Само собою разумеется, что весь скот и все земледельческие орудия принадлежали всей общине. Хозяйственной единицей, владевшей всеми орудиями труда, а также и землей, являлась в этом случае каждая община.

Однако, такая форма общего хозяйства не удовлетворяла сторонников более широкого коммунизма—слияние в одно общее хозяйство не только хозяйства отдельных семейств в пределах той же общины, но и самых общин. Уже через несколько месяцев после приезда духоборов в Канаду возникло по инициативе одного из духоборческих вождей, Потапова, движение в пользу более широкого коммунизма.

Инициатор этого движения, Потапов, был еще молод, но пользовался огромным влиянием среди духоборов, благодаря своим выдающимся личным качествам—не только большому уму, но и удивительно кроткому характеру, доброте и незлобивости. По словам г. Сулержицкого, „это—один из тех редких людей, которые привлекают к себе сердце каждого". Он постоянно поглощен заботами как об улучшении материального быта своих братьев, так и об их нравственном совершенствовании, в чем он видит главную цель человеческой жизни как для себя, так и для других.

„А что может быть лучше с точки зрения христианина-духобора, как не общинная, братская жизнь, где люди, руководясь любовью друг к другу, делят между собою все поровну, где нет голодных, бедных, подавленных судьбой и богачами людей? Этот идеал настоящей, праведной жизни видится Потапову во сне и наяву. Он им живет, им дышит. Это его мечта.. И если он не любит зря болтать об этом деле, то по его ясным, задумчивым глазам, по открытому, одухотворенному лицу, по тихой улыбке это легко можно видеть всякому" (Сулержицкій).

На 6 июля 1899 г. Потапов созвал общий съезд представителей духоборческих сел для решения следующих вопросов: „1) чем мы должны кормиться; 2) а как мы братья одни, то должны бы и есть одно, главное, чтобы у нас не выходило

ропота брат на брата; 3) также посоветоваться обо всем прочем".

Центральным вопросом был второй. Руководящую роль на съезде, естественно, играл его инициатор, Потапов.

„Говорил он коротко, просто, без всякого пафоса, без жалких слов, спокойным, чуть заметно вибрирующим голосом, стараясь не волноваться, так как духобору этого не полагается: это считается дурным тоном. Но за этим спокойствием, за почти безразличной интонацией чувствовались и глубокая, ненарушимая убежденность в правоте своей идеи и страстное желание видеть ее осуществленной в жизни. Он указывает на то, что разрозненность духоборов прежде всего мешает им стать на ноги, обзавестись необходимым инвентарем, стать настоящими хозяевами. Теперь время трудное, и нужно собраться всем с духом и, сплотившись в одно целое, бороться с нуждою, голодом, холодом. Он предлагал всем духоборам, живущим в Канаде, соединиться в одну общину, с одним кассиром для всех членов, чтобы всякий заработанный грош приносили рабочие этому кассиру, и выборный совет старичков распоряжался деньгами для нужд всего общества. Провизия, купленная на заработанные деньги, хлеб, снятый со своих полей,—все это должно делиться поровну между всеми... Какие такие карские духоборы или там елисаветпольские или холодненские, к чему такой раздел?—говорил он.—А то еще разделились на села и каждое село—кабыть другой народ или нация какая выходит. Что же, ежели голодный брат сидит в Спасовке, а ты из Михайловки, так тебе уже об нем нечего гориться и думушки мало? Нешто только о своих михайловских тебе забота, или как? А другие, что ж, чужие, что ли? Все это,—там михайловские, ефремовские, карские или холодненские, давно оставить надо, коли мы в сердце желаем быть истинными христианами. Как мы именуемся христианской общиной всемирного братства, так это и исполнить должно в точности. Некуды уже делиться дальше, будя уже этого, сварки, смуты всякой. Забыли мы про завет наш и теперя, как овцы какие, путаемся без толку... Чтобы полюбовно жить нам в единой христианской общине, всем вообще чтобы жить, как истинным христианам надлежит" (Сулержицкий).

Предложение Потапова встретило оппозицию со стороны части собрания, представителей тех духоборов, которые жили частным хозяйством. Однако, никто не решался отклонить предложение по существу, не решался по следующей причине, весьма характерной для духоборческого мира „Не соглашаться жить общественной жизнью не соглашаться публично, говорить против общины вслух при всей братии—дело совершенно невозможное" (Сулержицкий).

И потому несогласные должны были избрать другой путь. Предложению Потапова они выражали принципиально свое полное одобрение и сочувствие; но указывали на практические трудности его осуществления—главным образом на то, что села

духоборов раскинуты на большом пространстве, и им очень нелегко устраивать с'езды представителей для решения общих дел; а при общем хозяйстве пришлось бы такие с'езды устраивать нередко.

Постановлено было окончательное решение отложить до переговоров представителей каждого села со своими односельчанами. Каждая семья должна была представить письменный отзыв, согласна ли она на соединение своего хозяйства в одну большую общину или нет.

Духоборы Северного участка немедленно после с'езда вынесли решение образовать большую общину, но в составе только сел своего участка. Вот это постановление полностью:

„С'езд старичков Северной колонии 9 июл. 1899 г.

На предложение кипрских: жить одним обществом и иметь одну кассу для всех, отвечает.

Все 13 сел Громовской горы будут жить общественной жизнью и будут иметь одну общую для всех 13 сел кассу, но независимо от Южной колонии. Община Северной колонии устраивается независимо от Южной колонии, главным образом, из-за большого расстояния колоний друг от друга, при котором трудно сообщаться и собирать сходки для решения общественных вопросов. Но, с другой стороны, старички обещают и просят: при первой нужде в Южном участке обращаться за помощью к ним, которая всегда будет подана, если только будет что подать. Мука будет тратиться на себя и на всех нуждающихся в Южной колонии без отдачи. Нуждающиеся должны обращаться к совету старичков, который собирается по понедельникам в с. Михайловке. Деньги от всех следующих заработков пойдут в одни руки кассира, выбранного обществом, и тратиться будут только с общего согласия“.

Итак, селения Северной колонии, действительно, только по техническим затруднениям высказались против слияния всех духоборческих селений в единую общину. Обязуясь помогать в неограниченном размере и без отдачи всем другим духоборческим селениям, они убедительно доказывали свое согласие на общность хозяйства; в то же время в пределах своего района они соединили вместе хозяйства всех отдельных сел и таким образом создавали большую коммунистическую общину.

Напротив, в Южном участке большой общины не образовалось. В этом участке было несколько сел с очень крепким общинным хозяйством, но в других селах коммунистических элементов почти не замечалось. Часть же духоборов жила отдельными хуторами и вела хозяйство совершенно индивидуальное.

В некоторых селах было не только частное хозяйство, но наблюдалась и полная зависимость бедных семейств от богатых. Так как в первое время духоборы своего хлеба не имели и должны были все покупать на наличные деньги, то на этой почве возникла сильная задолженность бедных у богатых, и бо-

гатые без малейшого колебания отбирали у бедных за долг купленную скотину.

Однако, повидимому, несмотря на все это, процента на ссудный капитал никакого не было,—богатые требовали только возвращения своей ссуды, без всякого начисления на нее ссудного процента.

Совершенно ясно, что при взаимных распрях бедных и богатых почвы для коммунизма не было, и Южный участок единой общины не образовал.

Однако, и в Северном участке единая община продержалась недолго, и уже 13 августа того же года было решено ее упразднить и разделить хозяйство отдельных сел. Но каждое село образовывало внутри себя коммунистическую организацию с полной общностью имущества и всего хозяйственного труда.

Распадение большой общины было вызвано, главным образом, трудностью разделения денег зарабатываемых на стороне.

Не имея еще своего земледельческого хозяйства, духоборы могли существовать, только нанимаясь на крайне трудные земляные работы на строящейся железной дороге. Работы эти очень тяготили духоборов и выполнялись далеко не всеми; между тем заработанные деньги доставались в равной мере всем. „Одни, значит, не работамши в новых полусапожках гуляют, чаю с маслом наедятся вволю, и мука будет — заработают ему другие; а которые трудящиеся, те оборвамшись придут с работы домой, на одном хлебушке сидеть—вот и ходи на работы и живи туто въ общине".

Пока не вышло решение разделиться всем по селам, никто не соглашался итти на земляные работы. Но как только то решение состоялось, сейчас же все стали соглашаться итти на тяжелую работу.

После упразднения большой общины каждое село стало независимо от других распоряжаться всеми своими заработанными деньгами. Но деньги эти остались в общем владении всего села.

Однако, некоторая общая хозяйственная организация осталась и для всех 13 сел Северного участка. А именно: все 13 сел образовали общий закупочный кооператив для приобретения нужных продуктов, материалов, орудий и пр.

В этом распаде большой общины главную роль, повидимому, сыграло отвращение духоборов ко всякому наемному труду. „Инстинктивно, въ душе своей духоборы любят лишь земледельческий труд, труд в природе. Лишь в земле, в которую они впиваются всем своим существом, за которую цепляются из всех своих сил, они видят прямой, естественный и безгрешный источник жизни. Здесь только духобор чувствует себя хозяином, он в своей сфере Здесь он никому не подчиняется. Здесь он чувствует, что, идя за плугом, он уже исполняет волю своего Бога и что вместе с окружающей его природой он составляет одно гармоническое неразрывное целое, подчиненное хозяину,

создавшему все это. Где-нибудь на железной дороге, где и условия существования лучше, и самая работа легче, вы не узнаете в этом скучающем, тоскующем, хотя и старательном поденщике того богатыря, Микулу Селяниновича, идущего с могучим ясным взглядом навстречу степному ветру, с косой в руках или с неповоротливым тяжелым плугом. Они предпочитают тянуть на себе плуг, впрягаясь в него по двенадцати пар вместе со своими женами, чем работать непонятную, ненужную им, так сказать, неодушевленную работу, где, по их понятиям, царствует скорее ад, чем Бог...“ (Сулержицкий).

Любопытно, что кооперативная лавка в первое время не удавалась у духоборов, потому что не находилось охотников заведывать ею. „Торговать нам не гоже. Как по христианскому закону, нам невозможно—дело для нас не подходящее“, говорили они.

Со стороны лица, взявшего на себя заведывание лавкой, требовалась большая решимость, и даже требовалось самопожертвование, чтобы пренебречь общественным мнением, усматривавшим в „торговле“ низкое и позорное занятие, чтобы взять на себя продажу товаров. Жена этого духобора заливалась горючими слезами на своего мужа, отмеривавшего аршины ситца. „Нешто ему пристойно такое дело делать? — говорила она.—Разве это где видано, чтобы наши люди торгашеством занимались! К чему это такое? Хотят лавку заводить, пущай сами и торгуют, кто хоче, а то вон никто не возьмется“.

Северный участок организовал для сношений с властями и для ведения всех общих дел особый комитет из представителей всех 13 селений.

На Южном участке не удалось создать ни общего комитета, ни кооперативной лавки. Против комитета было выдвинуто то возражение, что „все мы равны — никто не может быть старшим один над другим. Как были без старшинства, так и будем. Все это соблазн один“.

Что же касается кооперативной лавки, то она не пошла, благодаря неудачным закупкам руководивших ею лиц, и была скоро закрыта.

VI.

Коммунистические общины духоборов, в том виде, как они сложились в первый год переселения в Канаду, г. Бонч-Бруевич делил на две группы — общины с частичным и общины с полным коммунизмом. В общинах первого рода производство было общим, в общей собственности находились также все орудия труда, но продукт разделялся в частную собственность между отдельными семьями; в общинах второго рода все было общим, не только орудия труда и самый труд, но также и трудовой продукт.

В общинах вполне коммунистических все продукты, кото-

рыми владела община,—не только продукты, произведенные трудом общинников, но и купленные на стороне,—хранились в общественных кладовых и выдавались каждому по мере надобности. При этом продукты распределялись отнюдь не поровну между всеми, но по потребностям каждого, т.-е. согласно самому высокому принципу распределения.

Столовались в этих общинах обычно каждая семья у себя дома, но заметно было стремление к общей трапезе.

Весь скот у полных коммунистов помещался в общественных сараях и конюшнях, при чем за ним ухаживали особо выбранные лица, вся земля находилась в одной меже, и весь собранный хлеб ссыпался в общественные амбары.

Из этих амбаров каждый мог брать себе столько, сколько ему нужно, но с тем условием, чтобы хлеб брался на свое личное потребление, а отнюдь не на продажу.

Все деньги, заработанные отдельными членами общины, шли в общую кассу общины, распоряжавшуюся этими деньгами совершенно свободно. При этом община старалась возможно меньше покупать продуктов на стороне и все необходимое для жизни производить у себя.

Однако, многое приходилось все же покупать на стороне, напр., железные изделия, одежду, обувь, белье, сахар, соль, керосин, мыло и пр., и пр. Все это распределялось отнюдь не поровну, а каждый брал себе по мере потребности.

Как сказано, попытка об'единить отдельные села духоборов в одну большую коммунистическую общину первоначально успеха не имела. Это и неудивительно, так как попытка эта была предпринята вскоре после переселения духоборов в Канаду, когда их земледельческое хозяйство еще почти и не начиналось и им приходилось существовать случайными заработками на стороне, при которых количество труда, выпадавшее на долю отдельных лиц, было весьма различно, что не могло не приводить, при дележе заработанных денег между всеми, к тому, что один работал на других. Создание сложной коммунистической организации при полной хозяйственной неустроенности поселенцев на новых местах было вообще крайне трудной задачей. Тем не менее характерно, что такая попытка была сделана в первые же месяцы по прибытии духоборов в Канаду и встретила дружную поддержку у значительной части духоборов.

Когда Веригин, признанный вождь духоборов, приехал в Канаду, то эта попытка была им возобновлена и увенчалась полным успехом. К сожалению, литературные источники о хозяйственной организации духоборов после их окончательного устройства в Канаде до последней степени скудны и отрывочны.

Ясно, во всяком случае, что большая община духоборов образовалась и охватила собой с самого начала не только села Северного, но и Южного участка. В состав большой общины вошло 44 села. Сколько именно лиц принадлежало к

этой крупнейшей коммунистической организации мира, сказать, к сожалению, я не могу, по отсутствию в моем распоряжении соответствующих данных. Но так как хозяйственной единицей у духоборов признается село въ 40 дворов, и новые села устраиваются в таком размере, то нужно думать, что в 44 селах должно было быть не менее 8 тысяч душ. В пользу этого говорит и то, что община получила от правительства, согласно отчету общины за 1904 г., 2137 гомстедов Таково, значит, было количество мужчин в общине старше 18 лет. Полагая, что мужчины этого возраста составляли около $^1/_4$ населения, получаем приблизительно ту же цифру, около 8 тысяч душ. Судя по этой большой численности лиц, входивших в 1904 г. в состав большой общины, нужно думать, что в общину об'единились все духоборы, поселившиеся первоначально в Северном и Южном участках, и еще последующие переселенцы, ибо общая численность первоначальных поселенцев духоборов в этих двух участках была около 5 тысяч.

Осев в Канаде, духоборы, пошли на компромисс с требованиями канадских властей. На регистрацию браков, рождений и смертей они согласились, по во росу о дорожных сборах и индивидуальной записи гомстедов канадское правительство уступило.

Большая община духоборов быстро двинулась по пути экономического развития и преуспеяния. Как видно из ее ежегодных отчетов, основой ее оставалось сельское хозяйство которое велось в очень крупных размерах на обширной земельной площади в сотни тысяч акров при самом широком употреблении машин. Всего община владела колоссальной земельной территорией, площадью свыше 350 тыс. акров (около 130 тыс. десятин) Количество машин, орудий и скота в рас оряжении общины ежегодно быстро росло. Чтобы судить об огромных размерах хозяйства духоборческой общины, достаточно привести следующие данные из ее ежегодных отчетов.

Так в 1904 г. община приобрела 6 новых паровиков с молотилками за 15 тыс. долларов, 50 жнеек за 6 тыс. дол., 32 сенокосилки за 1 5 тыс. дол , 109 плугов за 3 тыс. дол., 30 резалок за 1,5 тыс. дол., 20 сеялок за 1 5 тыс дол., 16 фургонов за 1 тыс. дол., 152 саней за 3 тыс. дол. 224 бороны за 2,7 тыс. дол., 12 веялок и много других землецельческих машин. Рабочих лошадей было приобретено в том же году 344 за 33 8 тыс. дол., да, кроме того, куплено племенных жеребцов на 3 тыс. дол., и получено от духоборов в земле принца Альберта 36 лошадей без всякой платы В 1905 году куплено 8 паровиков с молотилками за 24 тыс. дол., 38 жней за 4 тыс. дол , 52 сенокосилки за 2 тыс. дол , 55 фургонов, 25 сеялок, 20 резалок, 71 плуг, 40 саней и пр., и пр.

Как видно из отчетов общины, часть инвентаря находится в непосредственном владении и распоряжении всей общины, часть во владении отдельных селений. Так, в 1905 году во владе-

ний всей общины было 17 паровиков, 11 молотилок, 4 станка для распилки леса, 1 строгальный станок, 1 машина сеновязательная, 1 для выделки кирпичей, лесопильный завод, цементный завод, разнообразные постройки на станциях железной дороги и в городе Иорктоне и т. д., и т. д.

Кроме сельского хозяйства, духоборы были заняты и разнообразными отраслями промышленной деятельности преимущественно для своих собственных нужд. Так, они пилили лес, выделывали кирпичи, цемент, черепицу, ткали сукна из шерсти своих овец и т. д., и т. д. Кое-какие промышленные изделия продавались на сторону.

Одной из видных статей прихода общины была работа ее членов по найму на стороне. Хотя духоборы очень тяготятся этой работой и не любят ее, тем не менее они продолжали ее исполнять: очевидно, собственное хозяйство общины, несмотря на его громадные размеры, все же не могло поглотить всей рабочей силы, которой община располагала.

VII.

Цели духоборческой общины (или, как она себя именует, „Христианской общины всемирного братства в Канаде“) были формулированы на съезде общины в 1906 г. в селе „Надежда“ следующим образом:

„Целью общинной жизни следует считать: 1) духовную общность, незлобивость вообще людей, в чем разумеется высокая благородность, и 2) материальную выгоду“.

В этой формулировке видно, что великая духоборческая община является организацией двоякого характера: прежде всего она преследует нравственные цели морального возвышения человека и приближения его к христианскому идеалу; но это не составляет единственной цели общины, ибо вслед за первой целью община определенно выдвигает и вторую, чисто хозяйственную—поднятие экономического благосостояния ее членов. Это последнее обстоятельство чрезвычайно важно в следующем отношении. Определенно указывая, что одной из ее целей является „материальная выгода“, духоборческая община свидетельствует, что она не стоит на почве религиозного аскетизма и не усматривает в „материальной выгоде“ ничего греховного. В этом отношении духоборческая община резко расходится с другой крупной коммунистической организацией Америки, колонией Амана, которая определяет себя как „религиозную общину, преследующую не земные цели, а приближение к общественной любви и выполнение божеских заветов“. Иными словами, духоборческая община гораздо более приближается к коммунистическим организациям чистого типа (т. е. таким организациям, для которых коммунистический строй не есть второстепенный придаток, а основное существо всей организации), чем колония Амана.

Правда, коммунизм духоборов находится лишь в отдаленной связи с социалистическим движением нашего времени. Тем не менее, коммунизм духоборов имеет такие же корни, как и современное социалистическое движение; он ставит себе хозяйственные цели под'ема экономического благосостояния трудящихся масс.

Судя по всему, что мы знаем о духоборах, они являются людьми не только сильных моральных интересов, но и практического дела, отнюдь не чуждыми хозяйственных стремлений. Все это чрезвычайно увеличивает социальное значение духоборческой общины, в которой нужно видеть не только религиозно-нравственную общину, но в то же время (и скорее на первом плане) организацию с социально экономическими задачами — создания коммунистического общественного строя.

VIII

Главный руководитель духоборов, Веригин, является, несомненно, не только религиозным вождем, но и замечательным социальным реформатором. Даже следует считать, судя по тем данным, которые сообщает о нем на основании личных впечатлений г. Тан, что практический социальный реформатор в Веригине значительно преобладает над религиозным искателем.

В пользу этого говорит очень многое. По приезде в Канаду Веригин занял враждебную позицию по отношению к партии религиозной экзальтации (которая в первые годы переселения в Канаду была так сильна среди духоборов), бесповоротно осудил нелепый духоборческий „поход на Виннипег" и вообще решительно отмежевался от крайних элементов духоборческой общины.

Так, он высказался за то, чтобы оставаться в Канаде и не искать нового места для поселения исполнять требования канадского правительства, которому духоборы обязаны по словам Веригина, благодарностью за все, что оно для них сделало, пользоваться в хозяйстве скотом и пр. Но по одному пункту Веригин оказался очень решительным и крайним: это по вопросу об устройстве большой общины. Тут Веригин проявил большую волю и настойчивость, и, несомненно, в связи с его личным непосредственным влиянием широкая коммунистическая организация быстро охватила села духоборов и достигла такого блестящего развития.

Неудивительно, что партия религиозной экзальтации отнеслась к Веригину отрицательно и обвинила его в измене его прежним религиозным убеждениям. Партия эта не могла не почувствовать, что Веригин ведет духоборов по совершенно иному пути, чем тот, который казался единственно правильным религиозным искателям среди духоборов,—пути хозяйственного преуспеяния, а не отказа от мира со всеми его прелестями и соблазнами.

Характерно для практического духа Веригина, что по при-

езде в Канаду он обрился и стал носить обычное платье англичанина. Этим он подал своим братьям пример отказа от сектантской нетерпимости и отчуждения от окружающего их общества.

Веригину очень скоро удалось завоевать полное доверие канадских властей, и г Тан свидетельствует, что когда он ехал к духоборам, то местная администрация очень опасалась, чтобы он не предпринял каких-либо действий противъ Веригина, в котором канадские власти видели наиболее желательного для них руководителя духоборческой общины.

В своем очерке „Духоборы в Канаде“ г. Тан живо изображает нам процветание духоборческой общины под руководительством Веригина. Он отмечает много характерных особенностей духоборческой жизни, которые все рисуют нам духоборов как лучший тип коммунистов высокого морального склада. Отмечает он и культурность духоборов, их необыкновенную чистоту как в домашнем устройстве, так и в одежде; мыла употребляют они, по словам г. Тана, не меньше, чем англичане.

Духоборы не только ведут у себя коммунистическое хозяйство, но и с чрезвычайной щедростью помогают другим Своим бедным соседям они всегда приходят на помощь в случае нужды, дают им лес, купленные холст и сукно, красный товар, даже скот и т. д.

Поразила г. Тана общая картина духоборческих поселений. А именно нужно иметь в виду, что духоборы не только вегетарианцы, но и считают большим грехом убийство какого бы то ни было живого существа. Даже змею убить грех.

Поэтому дикие животныя в духоборческих районах перестают бояться людей. На дорогу недалеко от села выходят навстречу людям небольшие олени прыгуны и другие животные, которых обычно вблизи от людского поселения не увидишь. Степные куры бродят по улицам сел и т. д., и т. д.

Однако, конечно, не все у духоборов наблюдатели рисуют в розовом свете Умственные интересы в общине мало развиты, и книга не пользуется никаким почетом среди духоборов.

Вероятно, тут сказывается воспоминание о той отрицательной роли, которую грамотность и школа играли въ жизни духоборов на их старой родине, когда путем школы русскими властями велась борьба с духоборческими религиозными верованиями

Все указывают на отсутствие у духоборов каких-либо забав и развлечений, кроме пения псалмов, а также на замкнутость духоборческой общины. Интеллигентам, даже самым расположенным к духоборам, не удается сжиться с ними, и духоборческая среда их не принимает.

Все это совершенно понятно, если иметь въ виду, как недавно еще началось приобщение духоборов к мировой культуре.

Несомненно одно, что замечательнейший представитель духоборческого мира—Веригин— вполне понимает значение умственной культуры и просвещения. Он сам является человеком, мно-

го читавшим и обладающим довольно разнообразными, хотя и несистематическими и случайными познаниями. Понятно, как автодидакт и человек, выросший в очень узкой и замкнутой социальной среде, Веригин не является научно образованным человеком в современном смысле слова. Но науку он уважает и вполне понимает ее значение.

В числе отрицательных сторон духоборческого мира г. Тан указывает и на приниженное положение у них женщины. Однако, под непосредственным влиянием Веригина в этомъ отношении произошел полный переворот в духоборческой среде, и вскоре после приезда Веригина въ Канаду духоборческая женщина стала вполне равноправна с мужчиной: с 1906 г. женщины стали принимать участие в с‘ездах выборных духоборов.

С‘езды эти, в которых участвуют выборные всех сел, образующих большую общину, являются высшей инстанцией, управляющей всей общиной. Ранее женщины на этих с‘ездах не бывали. Согласно отчету о с‘езде духоборческой общины в 1906 г., Веригин на с‘езде „об‘яснил о значении присутствия женщин на с‘езде и доложил собранию, что это очень знаменательно для нашего времени, так как все культурные народы начинают сознавать, что женщина должна быть равноправным товарищем с мужчиной во всей жизни и что, может быть, духоборы это сделали впервые, пригласив женщин участвовать на с‘езде и что это приносит мужчинам честь. В свою очередь, П. В. Веригин обратился к женщинам заметить: женщины должны с чувством признательности принять таковое предложение и впредь с полным сознанием равноправности примкнуть в ряды мужчин для общей жизни. Женщины остались очень довольны и благодарны“.

С‘езд закончился следующим очень характерным обращением к женщинам (цитирую по отчету): „В заключение большинство мужчин обратилось к женщинам депутаткам с просьбой передать всем женщинам в селах глубоко проникнуться сознанием своего долга, как к матерям рода человеческого, занятым в будущей жизни облагораживанием мужчин, так как и по самой своей природе женщина гораздо мягче нравом, к тому же мужчина в обыденной своей жизни вращается в более грубой среде, делает земляные работы, ездитъ в лес, терпит зимнюю стужу, и не диво, что нрав мужчины грубее женского. Очень желательно по возвращении мужчины из от‘езжих работ, чтобы женщина давала успокоение и хороший приют в доме“.

Все это показывает, что в настоящее время ни о каком приниженном положение женщины в духоборческой общине не может быть и речи, и что духоборы умеют очень быстро усваивать более высокие нравственные воззрения. Последнее нисколько не удивительно, ибо деятельное стремление к нравственному самосовершенствованию составляет характерную черту духоборов.

IX.

Однако, испытания духоборов еще не кончились, и им предстояло еще раз войти в резкое столкновение с государственной властью, а именно: согласно законамъ Канады, правительство колонии потребовало, чтобы духоборы, как получившие от казны гомстеды, приняли английское подданство. С этим требованием духоборы столкнулись в то время, когда они жили уже 7 лет в Канаде и привыкли смотреть на свои гомстеды как на неот'емлемую собственность общины, когда они уже достигли значительной зажиточности и могли с полной уверенностью смотреть в будущее. Требование принятия подданства сопровождалось угрозой отнять у них гомстеды и передать их другим поселенцам.

Перед духоборами открылась страшная перспектива новых скитаний в поисках местожительства. Но они показали еще раз свою удивительную преданность своему моральному идеалу и душевную стойкость: они наотрез отказались принять подданство по соображениям принципиального рода,—духоборы отвергают подчинение какой бы то ни было государственной власти—и потому они предпочли утрату всей полученной от правительства земли измене своим убеждениям.

Правительство Канады исполнило свою угрозу и отняло у духоборческой общины полученные ею казенные наделы Духоборам опять пришлось начинать все свое хозяйственное устройство заново.

По их расчетам, они потеряли при этом в ценности одной взятой у них земли около 10 миллионов долларов.

Но, к счастью, как ни тяжел был новый удар, нанесенный этим мужественным людям, он не мог их сокрушить. Ко времени отобрания гомстедов духоборческая община уже настолько развилась и окрепла, что она могла существоватъ и без казенной земли без всякой помощи с чьей бы то ни было стороны.

Утратив гомстеды, духоборы стали энергично скупать земли у частных владельцев. В 1907 г. они купили участки въ Колумбии и постепенно стали туда переселяться.

На новом месте поселения духоборы получили возможность возобновить свое любимое дело на старой родине, России,—фруктовое садоводство. Они засадили садами обширные земельные площади и стали в огромных количествах сбывать фрукты как в сыром виде, так и в переработанном в консервы и варенье.

В 1917 г. 25 апреля канадское правительство закрепило все движимое и недвижимое имущество общины за ней, как за особым кооперативом, законно зарегистрированным под названием „Христианской Общины Всемирного Братства“. Раньше это имущество записано было на имя Веригина.

В настоящее время, согласно сообщенному мне И. М. Трегубовым „Об‘явлению Духоборческой Общины“ от 11 сентября 1917 г., община располагает следующим земельным имущество :

в Саскачевани 12.427 акров, в Колумбии 19.114 акров, в провинции принца Альберта 11.196 акров. Кроме этого, имеется городские участки земли с постройками в Саскачевани и провинции принца Альберта. Община владеет обширным живым и мертвым инвентарем—многими сотнями лошадей и всякого скота, паровыми плугами, локомобилями, молотильными машинами, элеваторами, кирпичными, цементными, лесопильными заводами, паровыми мельницами и пр., и пр.

В Колумбии община посадила свыше 200 тысяч плодовых деревьев и в 1916 г. продала фруктовых консервов и варенья 70 вагонов. Лесопильные заводы также работают не только на нужды общины но и на продажу, равно как и кирпичные заводы. Вся работа производится паровыми двигателями исключительно силами членов самой общины, без помощи наемного труда.

X.

Духоборческая община представляет собой самое крупное достижение в области строительства коммунистического общества.

Прежде всего, она существенно отличается от общин религиозно нравственного характера, в роде колонии „Амана“, приближаясь многими своими чертами к организациям чисто хозяйственного типа Религиозные воззрения духоборов имеют очень мало мистических элементов, и масса духоборов, равно какъ и самые выдающиеся их вожди, отнюдь не мистики. Никаких наружных обрядов, даже крещения, духоборы не признают, не имеют никакого духовенства и вообще почти не знают определенной религиозной догмы. По словам Г. О Новицкого цитируемым П. И. Бирюковым, даже „Христу, как исторической личности, духоборы не придают особого значения. Он представляет только образ того, что в душе каждого духобора совершает Божественный Разум или Слово“ Св писание духоборы признают данным от Бога, но не полагают его в основание своего вероучения.. „Из Ветхого и Нового Завета,—говорят духоборы,—мы берем себе только полезное—большей частью учение нравственное Все, что в священном писании не подходит под их образ мыслей, они отвергают“.

Таким образом, духоборы если и являются религиозной сектой, то сектой самого рационалистического христианства. Их духовный интерес отнюдь не в религиозной мистике, а въ преобразовании практической жизни въ соответствии с христианской моралью, провозгласившей основным законом жизни любовь людей друг к другу. В этой последней области—практике жизни—духоборы идут до конца и отвергают все формы жизни, несогласные с законом братской любви. Отсюда их крайний радикализм в деле политического и экономического устроения жизни.

Они не только коммунисты, но и самые решительные анар-

хисты. Анархисты, конечно, мирные, отвергающие какое бы то ни было насилие. Государство, по их представлению, есть зло, и оно должно быть разрушено, но разрушено не насилием, а мирным отказом в подчинении ему.

Анархизм духоборов и вызывает их столкновения со всякой государственной властью, не только грубой и деспотической властью прежнего русского правительства, но и гуманной и либеральной, вполне расположенной к духоборам канадской властью. И это вполне понятно, ибо и самое либеральное государство всетаки анархического общественного строя вместить не может.

„Причины жестокости и продолжительности гонений духоборов очевидны,—говорит П. И. Бирюков,—это самое простое и мирное неподчинение тому государственному строю, среди которого они жили. Неподчинение это имело самые разнообразные проявления, от отказа поступать на военную службу до отказа снимать шапку перед начальством. Очевидно, что существование такой секты немыслимо было в русском, да и ни в каком ином государственном строе, и вот последователей ее решено было преследовать всевозможными средствами, включая разнообразную смертную казнь, пытки сечения, ссылки, заключения и т. д... Отчасти вследствие самостоятельного духовного развития, отчасти под влиянием распространяющихся теперь по всему миру ново-христианских идей духоборами, принявшими участие в этом движении, были выставлены три новых принципа, хотя и находившихся в связи с их старым учением, но до этого времени резко не проявлявшихся: интернационализм, коммунизм и вегетарианство... Духоборы по справедливости приветствовали свое переселение из страны гонения в страну свободы. Действительно, как только они вступили на Канадскую землю, им была об'явлена полная религиозная свобода, и они были избавлены от воинской повинности. И вдруг оказывается снова, что требования духоборов несовместимы с требованиями канадского правительства. Почему это так? Да потому, что один из главных нравственных принципов, за который духоборы терпели гонения,—принцип неподчинения,—одинаково не совместим как с русским, так и со всяким государственным строем“.

Мировоззрение духоборов во многих отношениях близко к мировоззрению Л. Н. Толстого,—такое же понимание христианства, как проповеди деятельной любви и непротивления злу насилием, такое же равнодушие к христианской мистике и устремление всего внимания на приложение христианской морали к практике жизни, и, как естественный вывод отсюда, такое же отрицание частной собственности и такой же коммунистический анархизм.

Элемент аскетизма, несомненно, имеется в духоборческом мировоззрении, но, на мой взгляд, в значительно меньшем размере, чем в толстовстве... Для духоборческой общины аскетизм гораздо менее характерен, чем для толстовства, ибо толстовство на практике все же преимущественно или даже почти исключи-

тельно—проповедь новой религиозно-моральной жизни, между тем какъ духоборчество на первом плане является борьбой за новое политическое и хозяйственное устройство общественной жизни.

Нужно думать, что с течением времени духоборческий аскетизм, под влиянием усиления в их среде интеллектуальных интересов и усвоения ими образованности Запада, сильно ослабеет или даже исчезнет. Духоборческий взгляд на всякое веселие, как на нечто греховное, духоборческое отчуждение от искусства, их отвращение к светской песне, к светской музыке не могут сохраниться при приобщении духоборов к духовной жизни современного человечества. В сущности вся эта сторона духоборческого душевного склада является, с одной стороны, результатом перенесенных ими гонений, с другой же стороны, естественным следствием их малой образованности, непросвещенности, выражавшейся еще недавно в их почти поголовной безграмотности.

Пройдет еще немного времени, и среди духоборов появятся люди не только вполне грамотные, но и кончившие курсы наук в каких-нибудь американских университетах. Эти люди, конечно перестанут видеть в светской песне и вообще в веселии грех; но они, вероятно, вполне сохранят то основное отношение к миру, которое дало такую поразительную моральную силу духоборческой общине. Социальный идеал духоборов, конечно, ни малейшим образом не потускнеет в свете современной социальной науки; и новые духоборы, вооруженные научным знанием нашего времени, будут столь же убежденными и стойкими, но гораздо более интеллигентными и сознательными, чем их отцы и деды, борцами за этот идеал.

Элементы аскетического мировоззрения, отрицания реального мира, как плоти, земной жизни, для духоборческого миропонимания гораздо менее существенны, чем для толстовства. Ибо толстовство в своих самых глубоких основах содержит некоторое отрицание жизни. Мысль о неизбежном конце, о смерти, как главнейшем содержании мира, несомненно, является самым существом толстовства. Поэтому философия Толстого представляет собой не столько христианство, сколько буддизм.

Напротив, в мировоззрении духоборов идея смерти, отрицание жизни отнюдь не играют господствующей роли. В этом смысле характерно, что „материальная выгода" выставлена духоборами одной из главных целей их общины. Признание „материальной выгоды" совершенно законной и правомерной целью общественной жизни порывает связь духоборчества с аскетизмом, ибо аскетизм так же несовместим с „материальной выгодой", как огонь съ водой.

Самый выдающийся современный представитель духоборчества П. В. Веригин отнюдь не производит впечатления аскета, не приемлющего мира. Напротив, он кажется социальным реформатором, смело врезывающимся в самую гущу жизни, не сторонясь от суеты мира, но преобразовывая ее согласно высоко-

му моральному идеалу. Этот человек богатырского сложения, напоминающий, по свидетельству видевших его людей, своим гигантским ростом, чертами лица и быстрыми, энергичными движениями Петра I, всего менее походит на монаха: в нем бьет ключом самая подлинная полнокровная жизнь, и если он показал на опыте своей 15-летней ссылки, к каким моральным подвигам он способен и как мужественно он может переносить страдания за свои убеждения, то это вполне гармонирует с его обликом деятельного борца за лучшее будущее человечества.

Таким образом, я затруднился бы отнести общину духоборов к группе религиозно-нравственных общин, подобно колонии Амана или иным того же рода. Нет, это нечто иное. Это—общественная организация, созданная идеалом мирного анархического коммунизма, идеалом, непосредственно выросшим из христианского миросозерцания.

Правда, община духоборов не может быть отнесена и к группе общин, созданных социалистическим движением нашего времени. Но и тут нужно сделать оговорку. Действительно, коммунистически-анархическое мировоззрение духоборов не имеет связи с современным социализмом,—его корни иные,—въ Евангелии, а не в писанияхъ Оуэна, Фурье или Карла Маркса. Однакоже, вполне отрицать связь духоборческой общины с современным социализмом нельзя.

Решающую роль в создании духоборческой общины сыграл, несомненно, П. В. Веригин. Но Веригин, как видно из свидетельства г. Тана, знаком (насколько основательно, вопрос другой) с социализмом нашего времени и ссылается на новейшие выводы социалистической мысли в обоснование своего коммунизма. Значит, ничего нет невозможного, что именно социалистические идеи современности внушили вождю духоборов стремление к преобразованию общественного строя духоборов по социалистическому образцу.

В пользу этого говорит и то, что Веригин очень заботится о том, чтобы духоборческая община была образцовой с точки зрения современного культурного идеала. Он сочувственно относится к поднятию образованности среди духоборов, усвоению ими обычной одежды и обычного облика культурного человека Запада, и т. д. Затем именно Веригину, как выше сказано, принадлежит инициатива введения женщин в управление общиной, при чем весьма характерно и обоснование, данное Веригиным этому новшеству,—его ссылка на „культурные народы“ и на передовую роль, которую должны играть среди них духоборы.

Все это дышит современным духом, духом искания новых путей для лучшего и более справедливого устроения жизни, а отнюдь не отказа от нее. Вот поэтому я не могу без оговорок отнести духоборческую общину к общинам религиозно-нравственного типа; ея характер двойственный, наряду с религиозно-нравственными целями она ставит также совершенно определенно социально-экономические цели и этим приближается к социали-

стическим организациям в чистом виде. И притом, судя по всему, цели последнего рода по мере развития общины все более и более выдвигаются на первый план.

Затем, для духоборческой общины характерно то, что П. И. Бирюков назвал ее „интернационализмом“, ее стремление к пропаганде своего социально-морального воззрения ко всемирности. В этом смысле показательно уже ее название. „Христианская община всемирного братства“ отнюдь не походит на такие общины, как Амана, Гутеровские общины и т. п., замкнувшиеся в себя и вполне удовлетворяющиеся достигнутыми результатами.

Нет, духоборы хотят покорить мир, приобщить все человечество к найденной ими социальной правде. И этим опять таки духоборческое движение сближается с современным социализмом, которому в высшей степени свойственен дух всемирности. Пропаганда духоборов преследует те же самые цели, что и социалистическая пропаганда,—уничтожение частной собственности, общность труда и имущества, прекращение эксплоатации человека человеком.

Особое значение созданная духоборами общественная организация приобретает благодаря тому, что, собственно говоря, ее нельзя назвать общиной. Это нечто гораздо большее. Какая же это община, когда она об'единяет многие десятки отдельных сел? Каждое отдельное село является, действительно, коммунистической общиной. Но, об'единенные въ одно социальное целое, они уже являются чем-то высшим, чем община.

Это уже не коммунистическая община, а коммунистическое общество, прообраз сложного коммунистического общества в больших размерах. И, притом, прообраз не принудительного государственного коммунизма, а наиболее свободного коммунизма анархического типа.

Анархический коммунизм духоборов и является, как правильно указывает П. И. Бирюков, основной причиной, почему духоборы не укладываются в рамки какого бы то ни было государства, не только русского деспотического государства старого времени, но и свободного государства Канады. Ибо и свободная Канада все же является, как и всякое государство, государством с принудительной властью, духоборческое же общество принципиально отрицает какое бы то было принуждение, какую бы то ни было власть человека над человеком

И анархизм духоборов отнюдь не остается только въ области их этического и социального мировоззрения. Нет, этот анархизм есть вполне реальное правило их поведения уже в современном обществе, анархизм определяет собой их отношение уже к современному государству.

Анархизм этот настолько устойчив и глубок, что пересиливает у духоборов их самые настоятельные хозяйственные интересы, к которым духоборы отнюдь не равнодушны.

Во имя анархического принципа духоборы отвергли английское подданство, прекрасно понимая, что это подданство не су-

лит им никаких опасностей в смысле действий, несогласных с основными правилами духоборческой морали, как непротивление злу насилием, отказ от военной службы и т. п. Духоборы знали, что канадское правительство не пошлет их на войну, и все же предпочли потерять сотни тысяч акров земли, в которую они вложили столько своего труда и на которой они создали такое цветущее хозяйство, признанию себя подданными какого бы то ни было государства.

И в этом отношении духоборы самым резким образом расходятся со всеми другими социалистическими общинами мира. Духоборы являются единственной в двадцатом веке общественной группой, которая не принадлежит ни к какому государству: русскими подданными они уже давно перестали быть, но и английскими подданными, гражданами Канады, они не стали.

К какому же государству следует их причислить? Ни к какому,—они перешагнули через государственность и уже теперь живут в свободном анархическом обществе далекого социального будущего.

Действительно, что такое представляет собой общественный строй духоборовъ? Хотя ихъ численность далеко не незначительна (в настоящее время в состав большой духоборческой общины входит около 10,000 человек, расселенных на огромном пространстве Канады и Колумбии), но ничего сколько-нибудь похожего на правительственную власть среди них не существует. У них не только нет правительства, но нет даже и правления. Представители духоборческих сел, собирающиеся на общие с'езды, не обладают никакой принудительной властью над своими братьями, которые не только на словах, но и на деле совершенно равны друг другу во всех своих правах и обязанностях. Никаких элементов принудительной власти в духоборческом обществе нет. Веригин, влияние которого на его собратьев столь значительно, не только не является каким либо президентом духоборческой общины, председателем правления или чем либо подобным, но вообще не занимает никакой определенной общественной должности. Духоборы ему верят, как человеку выдающегося ума, всего себя отдавшего служению их обществу, и потому его мнение и совет имеют в их глазах такой огромный вес; но никакой принудительной властью Веригин не облечен, и ни один духобор ни в каком смысле не обязан подчиняться Веригину. Подчинение всецело основано в данном случае на доброй воле и согласии подчиняющегося.

Точно так же у духоборов совершенно отсутствуют какая бы то ни было организация, напоминающая собой современный суд, и какие бы то ни было наказания.

Правда, духоборы хорошо знают современные суды, но не как судьи, а как подсудимые. Они на себе изведали прелести российского суда со всем варварством и грубым насилием, свойственным нашей старой власти. Пришлось им столкнуться и с канадским судом уже в другой роли, не невинных жертв деспо-

тического режима, но в роли нарушителей вполне разумных законов.

Однако, и в последнем случае духоборческий мир в его целом оказался стоящим не ниже, а выше современного общества. Конечно, хождение в голом виде по улицам города не может быть одобрено никаким разумным человеком; но для прекращения таких нелепых поступков отнюдь не требуется тюрьмы, в которую были заключены духоборы. Та же цель можетъ быть достигнута и путем морального воздействия; и, конечно, духоборы прекратили свои поступки, оскорблявшие общественную стыдливость, вовсе не из-за страха тюрьмы (тюрьма могла явиться только побудительным мотивом к продолжению этих действий, ибо делала человека мучеником за идею, морально его возвышала и укрепляла в упорствовании в том же направлении), но лишь под влиянием морального воздействия их братьев.

В своей же среде духоборы ни в каких судах и тюрьмах не нуждаются, ибо никто из них никогда не совершает никаких преступлений. Для чего суды, если судить некого и не за что? Общество духоборов переросло суд, и суд отпал сам собой, как ненужный общественный орган.

XI.

Каким же образом были достигнуты эти удивительные общественные результаты? Каким образом духоборам удалось то, что пока не удавалось почти никому,—создать среди современного капиталистического общества, основанного на насилии и социальной эксплоатации, вполне свободное и не знающее никакой социальной эксплоатации, никакого социального насилия и даже никакой социальной власти.— словом, вполне анархическое и коммунистическое общество?

Об'ясняется это исключительным душевным строем создавших это общество людей.

Но, конечно, не в том смысле исключительным, чтобы духоборы были какой либо особой человеческой расой, стоящей выше остального человечества. Я думаю, что духоборы, по своей душевной природе, не лучше и не хуже среднего русского человека. Правда, вначале, когда возникла духоборческая секта, насчитывающая теперь свыше двух столетий существования, она составилась из людей необычного душевного склада, стоявших по своему моральному уровню значительно выше среднего человека. Но ведь это было очень давно; с тех пор сменилось много поколений духоборов, и нет оснований думать, чтобы праправнуки первых духоборов чем-либо отличались по своим природным свойствам от тех десятков миллионов русских людей, которые составляют русский народ.

И это видно, между прочим, и по истории духоборческого движения Возникает духоборчество, как коммунистическая секта, с ярко выраженным мировоззрением мирного христианского анар-

хизма. Затем с течением времени их моральный и социальный радикализм ослабевает, и духоборы все более и более духовно сближаются с окружающей их социальной средой. Гонения, которым они первоначально подвергались ослабевают, духоборам удается достигнуть значительного хозяйственного успеха, и духоборческая община, видимо, разлагается; в их среде начинается борьба бедных и богатых, эксплоатация первых последними, высокие моральные требования эпохи начала движения (въ роде отказа от военной службы) перестают исполняться, и все движение как-будто грозит иссякнуть путем слияния духоборов с окружающим их обществом.

Однако, этого не происходит, и духоборчество выходит на совершенно новый путь, приобретая исключительную силу и небывалый размах, ставя себе новые цели и блестяще достигая их.

Об'яснить до конца этот перелом в духоборческом движении, конечно, невозможно, так как об'яснение сложных душевных переживаний народных масс вообще не под силу исторической науке. Но ясно, какие условия содействовали духовному под'ему духоборческой массы.

Это, прежде всего, возобновление гонений, направленных против духоборов, и притом гонений в самой варварской и жестокой форме.

Правда, гонения иногда достигают цели и забивают, запугивают гонимых. В данном случае этого не случилось, и гонения только раздули тот огонь, который уже начинал потухать в духоборческой общине. Уже слабый огонек начавшаяся буря раздула в мощное пламя, и этот огненный столб вывел духоборов на новую дорогу.

Если бы духоборы остались в России, как советовал им их вождь Веригин, а также и Толстой, то, конечно, духоборческое движение не привело бы ни к каким историческим результатам. Ибо в России старого времени образование общества на основах коммунистического анархизма было совершенно исключено.

Но народный инстинкт, побуждавший духоборческую массу во что бы то ни стало покинуть старую родину, оказался дальновиднее благоразумия их вождей. Переселившись въ Новый Свет, духоборы получили полную свободу самоопределения творчества тех форм жизни, к которым влекло их миросозерцание.

В то же время жизнь в чужой стране, среди совершенно чуждого им населения, говорящего на незнакомом им языке и с совершенно иными нравами и бытом, чрезвычайно благоприятствовала свободному социальному творчеству духоборов. Они оказались уединившимися от всего остального мира и замкнутыми в своей собственной среде; они жили как бы на острове, огражденные от всех социальных влияний чуждого им мира.

Поселившись в мало населенной стране и получив почти даром огромную земельную площадь, и притом чрезвычайно плодородной земли, они оказались в идеальных условиях для социального эксперимента в крупных размерах.

Великие утописты первых десятилетий XIX века звали человечество к такому эксперименту и пытались его осуществить. Но, конечно, никогда в новейшей истории обстоятельства не складывались так благоприятно для такого эксперимента как в данном случае.

Попытки создания социалистической общины обычно делались интеллигентами, людьми, которые обладали, быть может, большим запасом социалистического энтузиазма, но малым знакомством с тяжелым земледельческим трудом, которым им приходилось заниматься в общине.

Правда, кроме интеллигентов, которые всегда играли и играют большую роль в общинах этого рода, в последних принимали большое участие и люди физического труда, но преимущественно городские рабочие, а не крестьяне.

Это и понятно, так как носителем современного социалистического движения является, главным образом, класс промышленного пролетариата. Крестьянство же в своей массе оставалось чуждо социалистическому движению и никакого влечения къ социальным экспериментам не имело.

Таким образом, силою вещей социалистические эксперименты производились общественными группами, для таких экспериментов совершенно неприспособленными.

В этом, несомненно, и заключалась одна из причин неуспешности последних.

(Только в общинах религиозного характера мы видим участие той единственной социальной среды, которая могла с наибольшим успехом осуществить подобный эксперимент, — среды крестьянства. Религиозные секты среди крестьян гораздо больше распространены, чем среди городского пролетариата по той причине, что городской пролетариат гораздо дальше от религиозных интересов, чем крестьянство, и его миросозерцание гораздо рационалистичнее.

Этим в значительной степени и объясняется сравнительная успешность социалистических общин религиозного происхождения. Религиозные общины производили социальные эксперименты в благоприятной для этого социальной среде, и многие из этих экспериментов были удачны.)

Но если оставить в стороне моравские братства 16 и 17 веков, которые в истории были самым крупным опытом осуществления коммунизма и которые распались по чисто-внешней причине, насилия над ними австрийского правительства, разрушившего их в период их цветущего роста, то духоборческое движение следует признать самым крупным опытом в новейшей истории человечества создать коммунистическое общество.

Как мы видели, этот опыт увенчался полным успехом, несмотря на огромные хозяйственные затруднения, которые пришлось преодолевать духоборам.

В особенности нельзя не пожалеть, что духоборы лишились той территории, которую они первоначально получили от канад-

ского правительства в виде гомстедов. На этой территории в 350 тыс. акров они могли бы создать мощную коммунистическую организацию, между тем как теперь, владея только 50 т. акров в трех районах, удаленных друг от друга на сотни миль, они не могут развить сельского хозяйства в достаточно крупных размерах.

Правда, это затруднение может быть преодолено тем же способом, которым духоборы получили те земельные участки, которые у них теперь имеются в руках,—путем покупки земли.

Но для этого необходимы очень крупные денежные средства, да и в этом случае не всегда можно рассчитывать на приобретение сплошной территории без чересполосицы.

Таким образом, потеря гомстедов являлась огромным несчастием для духоборческой общины. Но, сохранив свою коммунистическую организацию, община тем более показала свою силу.

В чем же заключалось важнейшее условие духоборческого успеха?

Несомненно, в личном составе участников этого крупнейшего „социального эксперимента" нашего времени.

Я останавливался выше довольно подробно на характеристике духоборов, как людей, их душевного облика и их нравственного миросозерцания.

Я старался обрисовать свидетельскими показаниями, какими исключительными душевными качествами обладают эти люди, как мужественно переносятъ они самые тяжелые испытания и как бестрепетно идут на встречу новым.

В этом последнем смысле мне кажется особенно характерным, что духоборы с полным единодушием отвергли принятие английского подданства, зная, что это знаменует собой потерю всей полученной ими от канадского правительства земли и, быть-может, новое скитальчество по всему свету.

И ведь духоборы понимали, что принятие английского подданства имеет почти формальный характер, на практике ровно ничем им не угрожая. Веригин, стоящий во главе их, менее всего может считаться фанатиком или доктринеромъ. Он показал на опыте, что всегда готов пойти на компромисс, когда этот компромисс не затрогивает основных принципов жизни духоборов.

Именно Веригин, как выше указано, убедил своих братьев подчиниться требованиям канадского правительства, когда эти требования не противоречили основам духоборческого миросозерцания.

Но в данном случае Веригин не отступил перед шагом, который грозил разрушить духоборческую общину. Не отступил потому, что дело шло о самом главном—о краеугольном камне всего социального мировоззрения духоборов, об их отрицании государства.

Признав себя подданными Англии, духоборы солгали бы в том, что им дороже всего на свете: они отказались бы от своего анархизма,—и на это Веригин не пошел.

И заметьте, что Веригин, равно как и духоборческая масса, прекрасно понимает, как далеко канадское правительство от какого бы то ни было деспотизма, какое свободное государство Канада, какъ, наконецъ, много сделало канадское правительство для поддержки духоборов в первые годы их поселения в Америке и какой благодарностью духоборы обязаны всему народу Канады.

И все же духоборы пошли на разрыв с государственной властью Канады по соображениям совершенно идеального свойства—по принципиальному отрицанию государственности, хотя бы наиболее культурной и свободной.

Можно считать поведение духоборов в данном случае неблагоразумным,—даже безумным,—можно признавать их анархизм величайшей и совершенно беспочвенной утопией, но нельзя отрицать проявленного ими в данном случае поразительного нравственного мужества.

Душевная сила духоборов проявляется как в большом, так и в малом. Их готовность переносить всякие издевательства толпы, не нарушая их основного нравственного принципа—непротивления злу насилиемъ, столь же замечательна в своем роде, как и их отказ принятия подданства.

Часто в мелочах труднее оставаться верным себе, чемъ в крупном деле, когда человек собирает все силы своего духа для решающего жизненного поступка.

И мне кажется, что описанная выше сцена, когда духоборческие „старички" только вздыханием и покачиванием головы отвечали на грубые издевательства подвыпивших канадских парней, вполне об'ясняет нам, откуда духоборы взяли силу отказаться от полученной ими почти даром огромной земельной территории.

Люди такого душевного склада способны как на величайший подвиг, так и на ежедневное мелочное исполнение того, что они считают своим нравственным долгом. Со способностью к энтузиазму они соединяют и железную моральную дисциплину, которая особенно важна в деле хозяйственного строительства новой жизни.

Энтузиазма не были, конечно, лишены и интеллигенты, которые устраивали социалистические общины до духоборов, но обладали ли они моральной дисциплиной? Это не только весьма сомнительно, но по всему облику людей того душевного склада, из которого вербуются участники современного революционного социализма, это и невероятно.

Вообще созидание социалистического общества требует совершенно иной психики, чем разрушение существующего. Нисколько не желая унизить революционеров, нельзя не сказать, что революционеры не способны к положительному творчеству, все стимулы их деятельности влекут их в другую сторону.

Конечно, революционер, чтобы завоевать доверие масс, должен обладать большим запасом энтузиазма и этического паѳоса. гоо паѳос есть паѳос негодования против существующего социального зла,—негодования, в основе которого лежит оскор-

бленное этическое чувство. Это негодование дает революционеру душевную силу, необходимую для борьбы и для разрушения существующих общественных форм, ограждающих те или иные отношения насилия и угнетения.

Но негодование не может быть стимулом для упорной повседневной творческой работы новых форм жизни. Такая работа требует энтузиазма и этического паѳоса совершенно иного рода. Не вражда, а любовь должна быть в основе этого творческого паѳоса.

В двух словах можно сказать, что революционный паѳос— это паѳосъ вражды, а творческий паѳос—паѳос любви. И потому не революционерам дано творить.

Творят люди мирного труда, люди, натуре которых убийство, насилие всякого рода, стихия разрушения так же чужды, как все это близко революционеру.

И потому для революционера, с величайшей энергией и самопожертвованием борющегося с существующим социальным злом, достижение цели его борьбы не может не нести великого разочарования.

Представьте себе Марата или Робеспьера в коммунистической общине. Не показалась ли бы им жизнь мирного повседневного труда в подобной общине таким прозябанием, за которое не только не стоило бороться, но при котором не стоит и жить?

Представьте себе человека, который не знает иного этического паѳоса, кроме паѳоса вражды и негодования. Не показалось ли бы ему общество будущего, где интересы примирены, где нет угнетения и насилия, где борьба идет только с природой, а не с людьми, царством пошлости и скуки?

Напротив, люди душевнаго склада духоборов как нельзя более приспособлены к творчеству социалистического общества.

Мало того, только люди сходного душевного склада, люди с огромным запасом моральной дисциплины, сильно развитым чувством долга и привычкой к обузданию своих эгоистичесих инстинктов, только они и могут создать социалистическое общесть.

Неудача большинства социалистических общин основывается на том, что людей этого склада вообще очень мало; мало их было и среди участников общины.

В общины шли люди мятежного и тревожного духа, без внутренней дисциплины, и жизнь в общине не могла не вызывать у них разочарования и скуки.

Поэтому нисколько не удивительно, что представители революционного социализма, наблюдая и описывая коммунистические общины, обычно относятся к ним не только не сочувственно, но скорее с решительным отрицанием. Реальная картина жизни в условиях социалистического строя не только не вызывает у этих борцов за социализм воодушевления и душевного под'ема, но они инстинктивно отталкиваются от этой картины, как от чего-то чуждого им, невольно чувствуя здесь угрозу их социальному идеалу.

Так, напр., духоборческому движению и духоборческой общине посвятил не одну сотню страниц Бонч-Бруевич, один из видных деятелей русского большевизма, управляющий ныне делами совета народных комиссаров. Он долго жил среди духоборов и, несомненно, очень хорошо ознакомлен со всеми подробностями их быта и повседневной жизни

В то же время г. Бонч Бруевич, в противность другим авторам, описывавшим духоборов (Бирюков, Сулержицкий, Тан и др.), является деятельным участником современного социалистического движения. Казалось бы, это должно было вызвать особенное сочувствие г. Бонч Бруевича столь успешному опыту осуществления на практике социалистического общественного строя.

На самом же деле мы наблюдаем обратное: в то время, как другие наблюдатели говорят о духоборах с чрезвычайным сочувствием, г. Бонч Бруевич, не отрицая моральной высоты духоборов, именно к их коммунизму относится резко отрицательно. Он не верит в их коммунизм и в своих многочисленных статьях, описывавших первые годы жизни духоборов в Канаде, предсказал полную неудачу духоборческим попыткам устроить свое хозяйство на коммунистических началах.

К счастью, ожидания г. Бонч Бруевича ни малейшим образом не оправдались, и в результате борьбы в среде духоборов между хозяйственным эгоизмом и их коммунистическим мировоззрением победило это последнее Все те общины духоборов, которым г. Бонч Бруевич предсказывал близкий распад и уничтожение не только коммунизма но и вообще общинных связей, перешли с течением времени к полному коммунизму и сплотились с общинами, с самого начала своего устройства в Канад принявшими коммунистическую форму хозяйства, в один мощный коммунистический союз.

Нельзя не признать чрезвычайно характерным, что г. Бонч-Бруевич, описывая коммунистический строй жизни духоборов, относится к этому коммунизму с чувством нескрываемого отвращения. „Я должен сказать,—говорит он в журналѣ „Образование“ в одной из статей под общим заголовком „Духоборцы в канадских прериях“,—что более тяжелой атмосферы чего-то давящего, щемящего, тусклого я не встречал ни в одном из духоборческих селений“, как в селении „Благодарение“, которое, по характеристике г. Бонч Бруевича, отличалось особенно строгим коммунизмом; „здесь сектантский дух,—продолжает он,—так и сквозит везд , висит на всем. Благодаренцы—это самые нетерпимые люди“.

И, конечно, революционер и духобор—это два моральных антипода.

Кровь может оказаться мощным взрывчатым веществом для разрушения старого социального здания. Но из крови никогда не слепить кирпичей для постройки нового здания: разрушать и строить призваны разные люди и при помощи разных приемов.

ГЛАВА VII.

Колония „Криница“.

В 1912 г. праздновала свой двадцатипятилетний юбилей интересная русская социалистическая колония „Криница“. История ее, описанная в недавно вышедшей книге „Четверть века Криницы“, такова.

Инициаторами этой общины были три лица различного общественного положения и характера. Душой всего дела следует считать выдающуюся женщину Н. Н. Коган, рожденную княжну Друцкую Соколинскую. Она была захвачена интеллигентским движением 60—70 годов, но, в противность большинству, не увлекалась революционной идеей. Скоро она совершенно отошла от революционных кружков и стала подыскивать единомышленников для устройства коммуны, в которой можно было бы наладить жизнь согласно идеалам тогдашней интеллигенции.

Вот как она сама описывает свои искания.

„В 1869 году я, после живой, разносторонней педагогической деятельности в родном городе, которой я отдавалась с жаром по окончании Смольного института, после того, как эта деятельность по многим причинам окончилась крахом, приехала в Петербург.

Тяжело было! Стала посещать курсы, ботанические экскурсии, лаборатории.

Любила я естественные науки, увлекалась ими, но чем больше с ними знакомилась, тем большая пропасть разверзалась перед глазами.

Я чувствовала, что надо науке отдаться целиком, раздваиваться нельзя.

Одна же эта деятельность для меня была нежизненна.

Бросилась в революционные кружки.

Почувствовала, что политика мне совсем уже не по душе.

Хотелось что-то делать, творить, созидать, а не разрушать.

Скоро я отошла и от этих кружков. Безотчетно тосковала и не знала, к чему приложить свои рвущиеся наружу силы.

Ближе всего мне была педагогика, но воспитание молодого поколения, при уродливой бессмысленной жизни, без нормальной среды, казалось сизифовой работой.

А, среда! Где ее найти?. Создать?...

Но мир такой огромный, а я такая ничтожная!

Не выдержала ломки—нервно захворала.

Когда поправилась, стала читать социальные книжки (мало их было тогда) делала выписки, думала, размышляла—а в промежутках посещала курсы, имея в виду двоякую цель: учиться и подыскивать единомышленников для какой то, еще не вполне ясной, практической жизни.

К концу 1870 года собралось нас единомыслящих, 16 человек.

Выработали программу нормальной жизни (среды).

Собирались для бесед в квартире Серова, куда стекались курсистки, студенты и прочие лица

Тут бывали Виардо, Волкова, Вильберг, Дебогорий-Мокриевич, Бларамберг и другие.

Некоторые перебрались к нам из революционных организаций.

Программы были широкие.

Хотели на весь мир устроить грандиозную коммуну, всех осчастливить.

Ночи напролет шумели, яркие картины рисовались перед нашими взорами.

Увлечение так охватило всех, что когда заявили о необходимости сделать предварительный опыт коммунальной жизни и для этого собрать средства, то на стол стали бросать все, что у кого было.

Виардо сорвала часы, брошь, кольца. Бларамберг—серьги, все деньги из кошелька.

Кто-то принес турецкую шаль.

А у одной курсистки ничего не было в наличности—она немедленно отправилась к парикмахеру, срезала свои чудные волосы и внесла свою лепту в 3 рубля.

Нанята была квартира на Ждановке. приглашен сапожник учить ремеслу женщин; столяр-техник (Перовский) учить мужчин столярному делу.

Среди женщин нашлись умеющие стряпать, шить, стирать. Они обучали неумелых.

Распределили день между физическим и умственным трудом, устроили химическую лабораторию.

Среди участников были лектора по физике, математике, физиологии человека.

Читались разные рефераты.

Наше внезапное исчезновение из поля зрения знакомых заставило многих волноваться, говорить о том, что безнравственно уводить интеллигентную молодежь в глушь, в деревню.

Был сделан донос, но обыск предупредили. В то же время произошел раскол среди нашей группы. Часть осталась в городе, а часть ушла в Смоленскую губ., в мое имение».

Однако и в деревне община не наладилась, и Н. Н. через несколько лет опять вернулась в город—на этот раз в Москву. Здесь она встретилась с В. В. Еропкиным, из богатого дворянского рода Тверской губернии, человеком очень образованным

и блестящих умственных способностей, окончившим два факультета Московского университета—математический и естественный. Еропкин также увлекался артельной идеей и организовал в Москве мастерскую учебных пособий на артельных началах, в которой изготовлялись разнообразные инструменты и учебные пособия; многие из последних были изобретены им самим.

Дела этой артели под руководством Еропкина шли настолько хорошо, что члены артели стали зарабатывать значительно больше, чем прежде. Тем не менее, создатель ее скоро разочаровался в своем детище, потому что увеличение заработка нисколько не подняло артельщиков морально. „Вместо саморазвития и сознания своих обязанностей перед семьей, обществом и народом, мастеровые заказали себе хороший костюм, золоченные часы с цепочкой, котелок на голову и калоши на ноги; стали усиленно посещать цирки, загородные гуляния, а семьи их оказались без ухода, дети—без образования. Мастера увеличили срок выучки учеников и неохотно их принимали, опасаясь конкуренции на рынке труда“.

Это разочарование в обычной артели было у Еропкина так глубоко, что при встрече его с Н. Н. Коган он поразил ее своим мрачным видом. Его все больше и больше стала привлекать мысль бросить городские условия жизни и попытаться создать такую общину, которая, по самой своей организации, будет поддерживать людей на известной моральной высоте, не допуская их до морального падения.

Еропкин и Коган скоро столкнулись с сыном сельского священника З.С. Сычуговым. Вот что он пишет о себе самом:

„Проводя детство в бедной, религиозной семье, я питал свой дух житиями святых и настраивал свое воображение на идею мученичества за веру, Христа, и горько сожалел о том, что нет теперь уже ни Диоклетианов, ни Максимилианов, перед которыми я мог бы исповедывать свою веру.

Посты и молитвы меня не удовлетворяли, я мечтал о деятельной борьбе, меня притягивала мысль о миссионерстве.

Отдали меня учиться в бурсу.

Дореформенная бурса способствовала моему физическому развитию, оставив спящими умственные силы.

Реформа 1871—72 года потребовала расширения нелюбимых мной древних языков.

Кроме того, нас тогда лишили Писарева и Добролюбова, которыми мы горячо увлекались.

Через год я вышел и поступил в сельско-хозяйственное училище для подготовки в земские учителя.

Не удалось мне и тут кончить по обстоятельствам, от меня независящим.

Я был арестован и выслан.

Профессия учительства для меня закрылась, и я должен был решать вопрос о насущном хлебе, но о таком хлебе, который

достается без потери образа божьего, без нарушения моих идеальных понятий.

„Вот, если бы землица была, думалось мне,—чего бы лучше? Велико ли счастье мужицкое, велики ли его достатки, а все-таки он счастливее меня, он лучше, нравственнее меня, хотя и сам того не сознает.

Отчего же это? Мужик, неуч, пьяница, буян—нравственнее меня, человека все же образованного, верующего в человеческий прогресс и стремящегося служить этому прогрессу всеми силами души? А оттого, отвечал я себе, что мужицкий труд производительный, что земледелие—занятие почтенное и коренное.

Земледелие—это альфа человеческого прогресса, а правильная организация земледельческого труда—его омега".

Додумавшись до таких истин, я избрал себе профессию—земледелие.

Но надо было выучиться черному труду, надо было приобрести выдержку, навыки, мозоли.

Зная по литературе деятельность Энгельгардта, я списался с ним, и ждал приглашения.

Мне казалось, что письмо его будет для меня хвалебным гимном, удивлением его перед моей идеей, но ответ был холодный.

„Приезжайте. Нанимаю. Плачу столько-то, кормлю так-то, требую того-то".

Все же я закрыл глаза на будущее и поехал к нему.

Открытое симпатичное лицо хозяина, широкий лоб, небрежно закинутые назад густые волосы—носили отпечаток силы, красоты, обаятельности, и вселили в меня ту бодрость, в которой я так нуждался.

Пробыл я там в суровой обстановке целый год и весной 1875 г. уехал из Батищева полный сил, энергии и страстного желания тотчас же приступить к практической деятельности.

Идеал ее был: „никого не эксплоатировать, потреблять лишь то, что заработаешь своим физическим трудом. Это голая истина и, как таковая, вековечна".

Но не имея земли, трудно было ее и обрабатывать.

Приписаться к крестьянскому обществу—значило из мещан перейти в податное сословие, связанное с телесным наказанием.

В одну из поездок по розыску денег на покупку земли я встретил школьного товарища.

Оказывается, он бросил учительскую профессию, и хочет жить сапожным ремеслом, которое знал очень хорошо.

Пробовал сесть на землю, но неудачно.

Чего же лучше?

В главном мы солидарны, следовательно, остается подыскать кусочек земли и осуществить интеллигентный порядок наличными силами.

А они были незаурядны.

Я—патентованный и крепкий работник; товарищ знает ре-

месло, брат его—столяр, сестры—умелые по домоводству и старуха мать—для порядка в доме.

Мы не задавались тогда большим, как жить своим трудом, не нанимая никого.

Заняв у знакомого тысячу руб. на короткое время и арендовав в Вятской губернии кусочек земли, мы приступили к работе.

Я помню, с каким волнением приходилось переживать мелочи житейские, которые нарушали целость наших задач!

Например, мы не могли никак решиться заплатить мальчику, сыну соседа, за бороньбу, когда наш малый был болен.

Сперва решили ему ничего не платить теперь, а на следующий год после учета доходности дать ему по раскладке, сколько придется.

Но отец мальчика сказал, что впереди еще что будет, а вы уж лучше ему двугривенный-то отдайте.

Очевидно, он не доверял нам, и считал такой порядок ненормальным

Интересно, что мы, интеллигенты, задаваясь целью вести свою жизнь на началах справедливости и внедрять ее в наших соседей, самые простые отношения запутываем до невозможности во имя той же идеи справедливости.

Наша ассоциация просуществовала немного более года—с 1878 по 1879 год.

Взаимные недоразумения заслонили общую идею и привели к невозможности сотрудничать вместе".

Встретившись в Москве с Еропкиным и Н. Н. Коган, Сычугов быстро с ними сблизился. В скором времени эти трое, вместе с несколькими другими товарищами, основали небольшую общину в Уфимской губ. Уфимская община просуществовала менее двух лет: ее выжили преследования администрации. Была сделана попытка основать общину в Полтавской губернии, но дело опять расстроилось по той же причине. В конце-концов община возникла на Кавказе, на берегу Черного моря.

„На Кавказ, на Кавказ,—писал в своем дневнике Сычугов, которому было поручено приискать место для устройства общины. —В страну полуденного солнца и седой старины, куда ходил легендарный Язон со своими аргонавтами за золотым руном. Не за золотом иду я—я гонюсь за счастьем. Много ли нужно для моего счастья? Небольшой клочек земли, на котором я мог бы, в союзе с симпатичными мне людьми, воспитать и вскормить юное поколение в понятиях абсолютной чести и человеческого достоинства".

Так возникла на Черноморском побережьи колония „Криница". Много раз она была на краю гибели, но, в конце-концов, уцелела. В период своего наибольшего расцвета—около 1900 г. —община включала в себя около 75 человек, из которых, правда, только меньшинство были полноправными членами общины. Наемным трудом община пользовалась почти всегда, но лишь по необходимости—в виду невозможности наличному персоналу

общины выполнить ту или иную работу. Большую роль в хозяйстве „Криницы“ играли также и „практиканты“—молодые люди, приезжавшие в „Криници“ из разных концов России из идейного интереса к общине и работавшие в ней наряду с ее полноправными членами.

Между последними и практикантами нередко возникали неудовольствия и многие из практикантов были склонны обвинять общинников в том, что община эксплоатирует их труд. Но так как условия жизни и труда общинников ничем существенным не отличались от условий жизни и труда практикантов, то обвинения эти никак нельзя признать основательными. Что же касается до нежелания членов общины принимать в свою среду без предварительного искуса каждого желающего, то в этом отношении общинники были безусловно правы, так как успех организации подобного рода зависит, прежде всего, от тщательного подбора людей.

Духовным руководителем всего дела была, повидимому, Н.Н. Коган—женщина несомненно исключительная и по уму и по характеру. Но именно ее духовное превосходство вызывало неудовольствие многих членов общины и упреки в том, что Н. Н. своим авторитетом подавляет всех других и не дает возможности проявлению индивидуальных различий.

Главной целью общины было нравственное совершенствование ее членов, при чем большое значение в этом отношении придавалось развитию религиозного чувства. Хотя общинники не примыкали ни к какому определенному религиозному культу и отнюдь не были религиозной сектой, тем не менее религиозные интересы играли в их жизни очень большую роль; они собирались в определенные дни для молитв и чтения священных книг, никакие вопросы не вызывали в их среде таких страстных споров, как вопросы религиозные.

На жизнь окружающего населения община большого влияния не имела и даже некоторое время сознательно сторонилась от такого влияния, замыкаясь в своей собственной среде.

В хозяйственном отношении успехи ее были очень невелики, и она не могла бы просуществовать так долго, если бы не находила помощи со стороны, именно из личного заработка одного из ее основателей, Еропкина, который последнее время не жил в общине, стоял во главе крупной фабрики и тратил значительную часть своего заработка на поддержание „Криницы“; без этой помощи община, несомненно, не могла бы покрывать свои расходы.

Когда денежные дела Еропкина расстроились, община очутилась на краю гибели, но, благодаря выгодной продаже части земли, устояла и в настоящее время существует на основании особого договора, как земледельческая артель. В 1911 г. число полноправных членов ее равнялось 16, при 20 детях и несовершеннолетних.

В своем современном виде „Криница“ очень напоминает

некоторые американские социалистические общины; труд оплачивается особыми марками.

Наемный труд в „Кринице“ допускается, колеблясь от 3—5% всего труда и в исключительных случаях достигая 50% труда.

В 1905 году в „Кринице“ было 4 дес. виноградника, 4 десятины фруктового сада, $2^1/_2$ дес. огорода, 40 дес. полевой земли. Молочных коров было 20. Всей земли было 250 дес. Население „Криницы“ жило в 9 домах, при чем семейные жили в отдельных домах, а холостые жили в общем доме. В общем доме имелся большой зал с музыкальными инструментами (роялем и фисгармонией). В колонии имелись своя школа и библиотека с 3000 книг.

В 1906 г. „Криница“ была вынуждена продать 4 дома, 2 дес. сада и часть полевой земли. Во владении колонии осталось 164 дес. земли. Зато вновь было засажено 4 дес. фруктового сада и построен 1 новый жилой дом. В 1912 г. колония имела 35 дес. полевой земли, 4 дес. фруктового сада, 4 дес. виноградника, 3 дес. огорода и 1 дес. опытного поля. Всего земли она имела, по прежнему, 164 дес. Молочных коров было 15, волов 6, лошадей 4 и 8 штук молодняка.

Рабочий день в колонии зимой продолжался 7 часов, весной 9 часов, осенью 8 часов и летом 10 часов.

Каждый член оплачивался за час труда одной маркой, при чем ценность марки определялась в зависимости от общего дохода колонии. В 1911 г. марка равнялась 11 к.

Всем хозяйством колонии руководил особый распорядитель, выбираемый членами колонии, и особые заведующие отдельными отраслями хозяйства.

Из своего заработка члены колонии оплачивают свое содержание, при чем за стол они платят 3 марки в день, за помещение 1 марку. Остальной заработок выдается, по желанию лица, или деньгами или товарами из лавки, принадлежащей колонии. Дети до 4 лет ничего не платят.

Плата за все роды труда одна и та же.

Будущее „Криницы“ рисуется ее руководителям в настоящее время в благоприятном виде. Весьма возможно, что „Криница“ выработается, в конце-концов, в устойчивую хозяйственную организацию, способную существовать собственными силами. Но для этого требуется, прежде всего, самый тщательный подбор ее членов.

ГЛАВА VIII.

Кооперативные общины.

I.

Социалистические общины совершенно порывают с существующим хозяйственным строем, об'единяют в руках общины как владение средствами производства, так и хозяйственный труд членов общины; напротив, кооперативные общины в большей или меньшей степени сохраняют и частную собственность на средства производства и единоличный хозяйственный труд. В этом существенное различие общин того и другого рода.

Подобно тому, как социалистические общины связаны с социалистическим движением, одной из ветвей которого они являются, так кооперативные общины являются ветвью великого кооперативного движения нашего времени.

Однако, несмотря на огромный рост кооперации в наше время, кооперативные общины представляют собой крайне редкую хозяйственную организацию, наименее распространенный вид кооперации.

В печати этот вид кооперации встречал очень горячих защитников. Из современных экономистов наиболее выдающимся и убежденным проповедником кооперативных общин является известный германский экономист Франц Оппенгеймер. В целом ряде книг и статей основной работой Оппенгеймера в этой области является его обширный труд („Die Siedelungsgenossenschaft"). Оппенгеймер стремится доказать, что кооперативная община не только вполне осуществима, но и представляет собой единственное средство решения социального вопроса нашего времени.

Центром социального вопроса современности является, по мнению Оппенгеймера, не город, а деревня, ибо недостаточная заработная плата в городах есть следствие прилива деревенского населения в город. Если бы были созданы такие условия, при которых деревенское население находило бы себе хороший заработок в деревне, то и в городе заработная плата немедленно повысилась бы, благодаря исчезновению избыточных городских рабочих, конкуренция которых сбивает заработную плату городского рабочего до современного низкого уровня.

Поэтому важнейшей задачей нашего времени является создание в деревне такой хозяйственной организации, при которой деревенский производитель получил бы достаточную оплату своего труда. Но опыт показывает, что хозяйство крестьянина,

своими единоличными силами обрабатывающего свое поле, не может обеспечить ему безбедного существования. Еще в худшем положении находится земледельческий рабочий, работающий по найму в капиталистическом сельскохозяйственном предприятии.

Таким образом, следует признать, что на основе существующих форм сельскохозяйственного предприятия социальная проблема современности разрешена быть не может.

Не следует ли поэтому отказаться от частной собственности и искать решения социального вопроса в создании коммунистического хозяйства.

И этот путь Оппенгеймер отрицает. Он не верит в коммунистические общины и думает, что они неизбежно должны терпеть неудачу, так как они не дают простора личному интересу и личной инициативе человека.

Отвергнувши одинаково решительно как частнохозяйственные предприятия, так и коммунизм, Оппенгеймер видит единственное средство спасения человечества от угнетающей его теперь нищеты в кооперации.

Он предлагает заменить существующее теперь частнохозяйственное предприятие в деревне кооперативной организацией. Должны быть созданы кооперативные общины, называемые им „поселковыми товариществами“ (Siedelungsgenossenschaften). Поселковое товарищество есть сложная кооперативная организация, в которой имеется и единоличное и общее владение, и единоличный и общий труд. Это—не коммунистическая община, но и не частнохозяйственное предприятие: это—кооперация.

С одной стороны, в поселковом товариществе основой должен явиться совместный труд всех членов товарищества. Большая часть земли такого товарищества должна обрабатываться сообща всеми членами товарищества, и собранный таким образом продукт должен распределяться между всеми участниками общего труда.

Но на ряду с этим должна быть сохранена возможность и единоличного производства. Для этого каждая отдельная семья получает в наследственное арендное пользование небольшой земельный участок в 6—8 моргенов с домиком на нем. На этом участке семья могла бы содержать свою корову, своих птиц, иметь свой сад, огород и свой собственный посев.

В поселковом товариществе должны получить полное развитие все виды кооперации. Все необходимое для жизни и для труда должно приобретаться через посредство закупочного товарищества и потребительного общества.

Для пользования машинами должно быть организовано машинное товарищество (производительноподсобная артель). Маслодельная артель должна перерабатывать молоко в масло. Товарищество по сбыту должно сбывать все продукты труда членов товарищества, предназначенные для продажи

При посредстве кредитного товарищества поселковое товарищество получит нужный ему денежный капитал. Таким путем

товарищество может приобрести крупные денежные средства, требующиеся для постройки домов, машин, скота и пр.

Но поселковое товарищество не должно ограничивать свою задачу кооперативной организацией сельского хозяйства. Оно должно идти дальше—должно кооперативно организовать в среде своих членов и промышленный труд.

Для этого товарищество должно всячески привлекать в свою среду ремесленников и вообще промышленных производителей.

Ремесленник, вступающий членом в такое товарищество, получает, как и другие члены товарищества, участок земли в свое личное пользование, но менее значительный, так как его главный труд не требует земли. Ему нужен участок для дома и мастерской, а также для тех сельскохозяйственных работ, которые он и его семья выполнят своими силами во время, свободное от промышленного труда.

Но ремесленник не принимает участия в работе на общем поле и не получает никаких доходов от последнего. Во всех же других отношениях он является равноправным членом товарищества, пользующийся всеми учреждениями товарищества, предназначенными для общего пользования, как например: больница, школа, библиотека и т. п.

Промышленные работники товарищества могут образовывать производительные ассоциации и таким образом кооперативно об'единять свой производительный труд.

Не довольствуясь теоретической пропагандой кооперативных общин, Оппенгеймер пытался устраивать их в действительной жизни. Однако его попытки в этом направлении к определенным практическим результатам не привели.

Тем не менее, вне всякой связи с деятельностью Оппенгеймера, кооперативные общины все же возникли и возникают хотя и в очень небольшом числе.

Недалеко от Берлина, у городка Ораниенбаума существует, напр., и в настоящее время такая община, названная „Эдем", основанная в 1893 г. последователями американского апостола национализации земли—Генри Джорджа.

Они купили 150 моргенов земли и выстроили для общей жизни дом. В общем пользовании они оставили 50 моргенов земли, остальную же землю разбили на участки в $1^1/_2$ моргена для отдачи их за арендную плату в пользование членам.

В 1905 г. община прикупила еще 36 моргенов земли.

На общей земле ведется интенсивное огородническое и плодоводческое хозяйство исключительно для сбыта. Часть получаемых плодов перерабатывается в мармелад и сиропы. Работают на общей земле общинники за определенную плату. На участках, находящихся в индивидуальном пользовании, устраиваются огороды и сады как для собственного потребления, так и для сбыта.

В 1906 г. в „Эдеме" было 25 тысяч фруктовых деревьев и несколько сот тысяч ягодных кустов. Для орошения своих садов

общинники провели особый канал, обошедшийся им в 25 тысяч марок.

Кроме общего дома с квартирами для общинников, общими залами, школой, библиотекой и читальней, община выстроила еще 2 дома с пансионом и рестораном для летних и зимних гостей.

При общине функционируют кредитное и строительное товарищества, причем кредитное товарищество принимаеть вклады как от членов общины, так и от посторонних

От лиц, желающих быть принятыми в члены общины, требуется, прежде всего, стремление к нравственному самосовершенствованию. Вступительный взнос равняется всего 20 маркам, но постепенно должен быть приобретен пай в 500 марок. Никто не может иметь в своих руках более 100 паев. На общих собраниях каждый имеет равный голос независимо от числа паев.

Община образует с бой товарищество по всем закупкам для нужд общины и ее членов, а также товарищество по сбыту продуктов труда общинников.

Процент на пай ограничен 4. Чтобы получить в общине помещение и садовый участок требуется затратить от 1 до 2 тысяч марок. Общинники имеют право строить дома на своих участках только для жизни своей семьи, но не для сдачи дома в наем.

Постройка дома производится при помощи строительного товарищества, причем товарищество выдает денежную ссуду в размере 90% всей капитальной суммы, с погашением в срок до 66 лет. Строительное товарищество располагает капиталом в 100 тыс. марок и долговыми обязательствами на 300 тыс. марок.

В 1910 г. в общине было 175 членов, а с семействами—324 человека. Было 94 постройки стоимостью в 638 тыс. марок.

За 1910 г. община продала 76 482 килогр. фруктов общего производства; кроме того, продано фруктов, произведенных отдельными общинниками, 72,391 килогр.

Целый ряд кооперативных общин имеется в Америке. Примером может служить основанное в 1908 г. унитарианским пастором Литтльфильдом община в штате Массачузет в Вествуде. В ней живет около 40 семейств, каждая семья имеет в своем личном пользовании по 1 акру земли; в общем пользовании имеется 36 акров.

Община имеет общие мастерския, свое собственное издательство, некоторые общие орудия производства. Продукты общины сбываются через ее собственный кооператив по сбыту. На общей земле самостоятельного хозяйства не ведется, и земля служит для обучения практикантов нечленов.

Община издает журнал под названием „Ариель"

Для характеристики духа общины можно привести следующее изречение из общинного журнала:

„Он должен взять акр земли и жить на нем; взять лопату и копать; слезть с плеч рабочих людей; стряхнуть со своих плеч не работающих людей; быть честным, трудиться“.

„Она должна сделать из своего дома уютный семейный очаг; взять веник и мести; дать своей кухарке возможность иметь такой же очаг; возвратить своей горничной свободу; быть мужественной; украсить свою жизнь искусством.“

В штате Колорадо имеется кооперативная община под названием „Грили“. Основателем ее был один из участников известной социалистической общины, „Брукской фермы“ — Микер. Земля в этой общине сдается для индивидуальной обработки отдельным членам общины. Кооперативная община, под названием „Риверзайд“, в долине Бернардино, в Калифорнии занята культурой апельсинов, причем каждый сам культивирует свой сад, но продажа фруктов производится всей общиной. Кооперативно организовано орошение садов, имеющее в этой местности, благодаря ее сухому климату, особое значение. По словам В. Ѳ. Тотомианца, у которого я заимствую сведения об этих общинах, „колония поражает посетителей массой зелени, красотой и удобством своих домов. В каждом доме есть электричество, вода и ванна“.

В непосредственной связи с войной и вызванным ею мировым продовольственным кризисом вопрос о развитии сельского хозяйства во всех странах, страдающих недостатком продовольственных продуктов выдвинулся на первый план. Развитие огородной культуры на кооперативных началах обратило на себя общее внимание, и в ближайшем будущем следует ожидать повсеместно широкого развития кооперативных общин.

Так, напр., в Англии последние годы делается в этом отношении очень многое. Как пример возникающих кооперативов этого рода можно указать хотя бы на Вангардскую ферму в Кенте, около Медстона, о которой имеется отчет в журнале Cooperative News (22 декабря 1917 г.).

Ферма эта была учреждена несколькими интеллигентными женщинами, близко знакомыми с сельским хозяйством. В аренду взят небольшой земельный участок в 65 акров, на котором предполагается построить 30 отдельных коттеджей для 30 семейств. Уже теперь организованы на этой ферме три различных отрасли сельского хозяйства: садоводство, птицеводство и молочное хозяйство. Большая часть земли остается в общем пользовании, но дома и сады при домах будут в пользовании отдельных семейств. Все закупки и продажи будут совершаться через посредство соответствующих кооперативов.

III.

Я сказал, что кооперативные общины представляют собой самый редкий вид кооперации. Действительно, в то время как

участники других кооперативов считаются на всем свете многими десятками миллионов, члены кооперативных общин считаются даже не тысячами, а сотнями.

Но даже, если сравнивать кооперативные общины не с кооперативами, а с коммунистическими общинами, то и тут сравнение оказывается для них очень неблагоприятным.

Коммунистические общины представляют собой, несомненно, совершенно исключительную хозяйственную организацию в строе современного общества. И все же участники этих общин считаются многими тысячами—их гораздо больше, чем участников общин кооперативных.

Это последнее обстоятельство может показаться особенно странным и непонятным. Казалось бы, кооперативные общины, гораздо ближе стоящие к условиям современного хозяйства, должны были бы иметь, во всяком случае, больше распространения и больший успех, чем коммунистические.

Между тем, факты показывают обратное. Как все это об'яснить?

Прежде всего следует указать, что кооперативные общины занимают исключительное место среди других кооперативных организаций по трудности своего устройства.

Дело в следующем. Потребительные общества, кредитные товарищества, кооперативы по закупке и сбыту, товарищества по переработке, все эти кооперативы, достигающие ныне такого грандиозного развития, ни малейшим образом не разрушают строя домашнего хозяйства своих членов. Они доставляют своим участникам определенные хозяйственные выгоды, требуя от членов очень небольших пожертвований. Самый заурядный человек, не привыкший ни к какой инициативе и совершенно неспособный к смелому шагу, легко может стать и, действительно, становится участником этих организаций, ибо участие в них отнюдь не приводит к разрыву со старыми условиями повседневной жизни и вступлению на новый жизненный путь.

Словом, массовая кооперация, находящая себе выражение в указанных кооперативах, по плечу каждому—потому то она и имеет такой колоссальный успех.

Иное нужно сказать о кооперативных общинах. Они в корне изменяют условия повседневной жизни, домашнего хозяйства, и потому по плечу очень немногим.

Уже одно то имеет огромное значение, что кооперативная община, как общее правило, предполагает перемещение местожительства ее членов. Эти последние должны бросить свои прежние жилища и поселиться на новом месте, вблизи друг от друга. Как это трудно сделать и как мало способен заурядный, средний человек толпы на такой шаг!

Это не то, что поступить членом в потребительное общество. Нет, тут нужно ломать всю свою жизнь—и для чего? Для чего-то нового и неизвестного. Много ли людей, которые решатся на нечто подобное.

Затем, кооперативная община предполагает гораздо большую

близость во всей домашней жизни ее членов друг к другу, чем остальные кооперативы.

Члены потребительного общества для успеха последнего отнюдь не должны непременно питать взаимную симпатию. Напротив, кооперативная община только в том случае может иметь успех, если ее члены составляют как бы одну семью. При отчуждении, а тем более при неприязни общинников друг к другу община неизбежно должна распасться.

Итак, и в моральном отношении (не только по отношению к способности к инициативе) кооперативная община пред'являет к своим участникам несравненно более высокие требования, чем другие кооперативы.

То же нужно сказать и о чисто экономической стороне дела. Устройство кооперативной общины предполагает очень крупные затраты на каждого участника. Пай в такой общине выражается не рублями, а многими сотнями и тысячами рублей. Пролетарию, не располагающему сбережениями, эта кооперация недоступна.

Таковы только некоторые, наиболее важные трудности, стоящие на пути к успеху этого вида кооперации, охватывающей всю жизнь человека и обещающей совершенно преобразовать и облагородить его существование, но зато очень дорогой ценой— ценой полного отказа человека от его прежних, обычных условий жизни..

Гораздо более слабое развитие кооперативов этого рода среди всех других кооперативов—таким образом, вполне понятно. Но я должен еще об'яснить самое казалось бы, странное—почему кооперативные общины встречаются гораздо реже социалистических? Ведь к социалистическим общинам относится в сугубой степени все сказанное относительно препятствий к успеху кооперативных общин.

Казалось бы, кооперативные общины должны были бы быть, во всяком случае, организацией гораздо более частой, чем коммунистические. Действительность же показывает, как мы видим, обратное.

Однако, и это может быть об'яснено без труда. Дело в том, что и кооперативные и социалистические общины могут привлекать только людей необычного душевного склада, людей более или менее исключительных, с очень повышенными духовными интересами. Человек, живущий изо дня в день, знающий только хозяйственные интересы, не склонен ломать свою жизнь ради призрака нового мира, и, конечно, не пойдет ни в кооперативную ни в социалистическую общину.

Но кто способен к такому смелому шагу, тот склонен итти до конца. Кооперативная община, при всех ее выгодах с точки зрения высших интересов человека, все же кажется компромиссом, компромиссом нового и старого строя, компромиссом альтруизма и эгоизма, в то время как социалистическая община кажется более радикальным решателем вопроса—и, в результате,

искатели нового мира, несклонные к компромиссам, предпочитают социалистическую общину.

Но главное дело не в этом, а в том, что кооперативная община есть организация более сложная, чем социалистическая, в особенности в форме коммунизма.

Коммунизм есть простейшая форма хозяйства, с которой начинается все хозяйственное развитие человечества. Коммунистический идеал был знаком и античным мыслителям, в лице, хотя бы, Платона. Христианское мировоззрение естественно приводит к коммунизму, и христианство с самого своего возникновения порождало коммунистические секты.

Напротив, кооперация—социальное движение самого недавнего времени и кооперативный идеал еще мало осознан самими кооператорами. И потому социальные идеалисты нашего времени чаще идут под флагом коммунистического, чем кооперативного идеала.

Вот почему кооперативные общины до последнего времени были самой редкой хозяйственной организацией.

Теперь, однако, создается во всем мире новое положение дела и можно ожидать сильного движения, как в пользу социалистических, так и, особенно, кооперативных общин. В этом направлении действуют разнообразные факторы. С одной стороны, рост социалистического движения и все возрастающее обаяние социалистического идеала, привлекающего на свою сторону все большие и большие общественные массы. С другой стороны, продовольственный кризис, приобревший в связи с мировой войной мировой характер, воздвигает на первый план заботу о развитии сельско-хозяйственного производства, а так как мелкое производство сельско хозяйственных продуктов в техническом отношении неизбежно должно остаться весьма несовершенным, то сама собой выдвигается на первый план задача создать условия, при которых сельское хозяйство оставалось бы трудовым и в то же время крупным. Задача эта может быть удовлетворительно разрешена только социалистическими или кооперативными общинами.

Я лично думаю, что наиболее желательной формой таких общин должны быть именно кооперативные общины, по причинам двоякого рода: во-первых, кооперативные общины представляют собой более свободную форму об единения, чем общины, совершенно отрицающие частную собственность на средства производства и единоличный труд; во-вторых, кооперативные общины ближе к существующим формам хозяйства и потому могут более расчитывать на значительное распространение.

Даже с точки зрения высшего социального идеала в обществе должна быть предоставлена возможность как обобществленного, так и единоличного хозяйственного труда. На этом вопросе я останавливаться здесь не буду, отсылая интересующегося читателя к моей книге „Социализм, как положительное учение“,

где моя точка зрения на форму будущего общественного строя развита и обоснована.

Ничтожное распространение в настоящее время кооперативных общин отнюдь не должно побуждать нас относиться пессимистически к возможности их успеха в будущем, ибо теперь, в силу указанных условий, следует ожидать мощного общественного движения в сторону кооперирования сельско-хозяйственного производства, а таковое может быть легче всего достигнуто в кооперативной общине.

И потому этот самый редкий вид кооперации теперь неизбежно должен стать во всем мире в центре общественного внимания.

IV.

Не подлежит сомнению, что в первое время кооперативные общины будут привлекать, все же, людей исключительных, а не народную массу. Особенно они должны заинтересовать собой трудовую интеллигенцию, которая может найти себе в них наиболее подходящую хозяйственную организацию для жизни согласно своим социальным и моральным идеалам.

Наиболее подходящим типом кооперативной общины для людей умственного труда является, по моему мнению, община следующего рода.

Во-первых, она должна ставить своей главной хозяйственной задачей организацию не столько полеводства, сколько садоводства, огородничества и птицеводства. Полеводство требует гораздо более обширной площади земли, которую получить очень трудно; для наиболее рациональной постановки земледелия необходимо соединение в одно производительное целое очень значительного количества работников. Лишь при очень крупных размерах обрабатываемой земельной площади возможно пользование такими земледельческими машинами, как паровые плуги, тракторы и т. п.; небольшой общине, а для таких общин легче подобрать необходимый рабочий персонал, все это совершенно не под силу.

Затем земледелие гораздо хуже оплачивает ручной труд, чем вышеуказанные отрасли сельского хозяйства. Община, участниками которой будут, в значительной мере, люди умственного труда, не привыкшие к тяжелой физической работе и, в то же время, с большими культурными запросами от жизни, должна заняться именно теми родами труда, которые обещают наиболее крупные хозяйственные результаты. Таковыми являются интенсивные садоводство, огородничество и птицеводство—эти отрасли сельского хозяйства могут вознаграждать физический труд даже выше, чем получают многие категории умственных рабочих.

Наконец, имеет большое значение и то обстоятельство, что в полеводстве знание и искусство обещают гораздо меньше в смысле поднятия производительности труда, чем в области указанных отраслей интенсивного сельского хозяйства.

Каких поразительных, прямо баснословных результатов можно достигнуть в интенсивном огородничестве на самой незначительной земельной площади, это убедительно показал Кропоткин в своей известной книге „Поля, фабрики и мастерския“, к которой я и отсылаю читателя.

Не менее производителен труд в интенсивном садоводстве и птицеводстве. Во всех этих трех отраслях сельского хозяйства занимаемая земельная площадь, сравнительно с высокой ценностью трудового продукта, очень не велика, и в то же время успех дела в чрезвычайной степени зависит от интеллигентности, знания, умелости и искусства рабочего; само же предприятие, для наиболее рациональной своей постановки, отнюдь не требует очень крупных размеров.

Имеет известное значение также и то обстоятельство, что в этих трех отраслях сельского хозяйства машина играет лишь совершенно небольшую роль — преобладает же ручной труд, почему и успешность труда зависит, главным образом, от качества труда, а не от достоинств тех или иных орудий и механизмов.

По всем этим причинам кооперативной общине, в состав которой входят в значительном числе интеллигенты, следует выбирать преимущественно указанные отрасли сельского хозяйства.

В непосредственной связи с этим очень желательно, чтобы кооперативные общины возникали недалеко от города. Близость к городу имеет для общины разнообразное значение. Во первых,— и это самое главное,—город является местом сбыта для продуктов, изготовляемых общиной. По этой причине интенсивное огородничество вообще возможно только недалеко от города.

Затем город доставляет садоводу и огороднику необходимое удобрение.

Наконец, близость города важна и по отношению к условиям умственной жизни членов общины. В подгородной общине общинники-интеллигенты не утрачивают связи с духовной жизнью той общественной среды, из которой они вышли.

Если города вблизи от общины нет, то, по крайней мере, она должна быть расположена недалеко от железнодорожной станции, ибо только в этом случае можно удачно организовать сбыт продуктов общины.

В общине интеллигентов существенно важно, чтобы она не теряла связи с остальным интеллигентным миром. Это может быть достигнуто лишь в том случае, если община будет допускать в свою среду не только тех лиц, которые в ней работают и живут постоянно, но также и лиц, не принимающих участия в ее труде и приезжающих в нее лишь пожить на время, в качестве гостей.

Иначе говоря, община должна служить местом, где мог бы поселиться на время и тот, кто не является ее постоянным членом. Этим достигаются цели двоякого рода. Во-первых, благодаря такой доступности жизни в общине для всех желающих (по-

скольку для них находится место, поскольку они лично представляют интерес для общины) община получает возможность привлекать в свою среду широкий круг людей умственного труда—писателей, художников, ученых, артистов, врачей и т. д. Этим устраняется та замкнутость в кругу небольшой группы лиц, которая часто делает тягостной и скучной жизнь в общине. Видеть постоянно одних и тех же людей и иметь всегда дело только с ними—это отнюдь не заманчиво. Город тем и привлекает очень многих, что в городе можно сталкиваться с разнообразными людьми и выбирать себе общество по вкусу.

Если община откроет широкий доступ в свою среду всем тем, общение с кем признается желательным, то общинники не будут „вариться в собственном соку", и члены ее найдут в среде самой общины разнообразное, постоянно обновляющееся и интересное общество.

Но привлечение в общину временных гостей имеет, кроме того, и большое хозяйственное значение для общины: она может извлекать отсюда значительный добавочный доход, сбывая гостям продукты общинного труда. Рынок для сбыта этих продуктов придвигается, таким образом, в среду самой общины.

Затем, очень важно, чтобы внутри самой общины была предоставлена возможно большая свобода для широкого проявления развития индивидуальности каждого. Идеалом кооперативной общины в смысле ее внутреннего устройства должна быть полная свобода каждому следовать влечениям его природы. Конечно, этот фурьеристский идеал недостижим, но возможное приближение к нему должно быть положено в основу внутреннего строя общинной жизни.

Однако, община никоим образом не может стоять на почве „аморализма" Фурье. Наоборот, нравственное самовоспитание должно быть необходимой задачей общины, ибо лишь люди с сильными моральными интересами могут быть полезными членами общины.

Моральная высота участников общины является необходимейшим условием самой возможности существования последней. Человек, привыкший следовать только своим эгоистическим стремлениям, никогда не уживется в общине, как бы хорошо она ни была организована. Только люди, привыкшие ставить общие интересы выше своих частных и обладающие достаточной моральной дисциплиной, чтобы подчинять этому правилу свои повседневные поступки, способны к общинной жизни и общинному труду.

По этой причине никакие формы социальной эксплоатации в общине недопустимы. Пользование наемным трудом в кооперативной общине возможно лишь при условии оплаты труда по полному трудовому продукту.

ГЛАВА IX.

Русская революция и трудовые общины.

I.

Русская революция с самого начала приняла резко выраженный социальный характер. Она была направлена не только против самодержавия, но и против социального господства определенных общественных классов—земельного дворянства и буржуазии. В первой своей части цели революции были достигнуты очень скоро—помещичьи земли без всякого сопротивления захвачены крестьянами, и крупное землевладение сошло в России с исторической арены.

Это быстрое достижение об'яснялось тем, что задача революции в этой области была в известном смысле легка. Конечно, только в известном смысле;—сама же по себе, во всем своем об'еме, она и здесь была чрезвычайно трудна. Не только трудно, но даже невозможно осуществить на практике „социализацию земли", хотя это и постановлено революционными декретами,—невозможно распределить землю уравнительно между всеми, желающими ее получить.

Но отнять землю от помещиков, захватить ее и поделить между соседним крестьянством оказалось, несомненно, нетрудным,—и вот в этом то смысле и можно говорить о легкости достижения первой социальной цели нашей революции—захвата помещичьей земли.

Второй социальной целью нашей революции было создание социалистического строя, уничтожение капиталистической системы хозяйства и замена последней социалистической.

По своему существу обе эти цели совершенно различны и даже, в известном смысле, противоположны друг другу. Противоположность их вытекает из следующего.

Социалистическое хозяйство предполагает обобществление средств производства и самого труда. В социалистическом производстве отдельный производитель работает не единолично за свой страх и риск, но как член более или менее обширной группы; он не владеет теми орудиями труда, которыми совершает работу, ибо эти орудия принадлежат общественному коллективу; не владеет отдельный рабочий и своим трудовым продуктом, ибо этот продукт принадлежит также общественному коллективу.

Напротив, социализация земли, даже если-бы она была проведена успешно, имела в виду закрепить за отдельным производителем его самостоятельное хозяйство, его обособленное владение орудиями труда и трудовым продуктом.

На практике же получилась не социализация земли, а захват крестьянами, живущими вблизи от уничтоженных крупных помещичьих экономий, земель, а равно и инвентаря, принадлежавших раньше помещикам.

Та энергия и сила, с которой крестьянским миром во всех районах России было выдвинуто требование земли, об'яснялись чрезвычайной привязанностью массы русского народа к самостоятельному сельскому хозяйству.

Для среднего русского крестьянства ничего не может быть прекраснее и заманчивее того хозяйственного строя, при котором он сам, крестьянин, является распорядителем и владыкой своего хозяйства. Иметь свою лошадь, свою корову, свой плуг, свою хату и иметь, благодаря своему труду, вдоволь сена, хлеба, молока, птиц и т. д.—вот к чему стремитяс средний русский трудящийся человек.

Крупное землевладение вызывало жгучую ненависть трудовых классов русского населения именно потому, что всякая десятина земли, принадлежавшая помещику, настолько же сокращала земельный фонд трудового населения,

Помещики не могли не казаться народным массам врагами народа. И вот эта то жгучая классовая ненависть, имевшая глубокие корни в социальных идеалах русского народа, и сообщила русской революции ее огромную разрушительную силу.

Революционная интеллигенция со своим лозунгом классовой борьбы и уничтожения помещичьего хозяйства пошла в данном случае навстречу требованиям крестянства, и потому эта интеллигенция оказалась во главе восставшего народа.

В результате получилась быстрая победа революции:—революционный вихрь смел в несколько месяцев крупное землевладение, действуя со стихийной силой и разрушая на своем пути все, что попадалось ему навстречу: культурные хозяйства, старинные помещичьи усадьбы с накопленными поколениями произведениями искусств и собраниями книг, конские заводы и племенные стада, словом все, что было так или иначе связано с ненавистным народу крупным землевладением.

Революционная интеллигенция, исходя из социалистического идеала, поддерживала крестьянское движение, как одну из форм борьбы с капиталистической системой. Но крестьянство боролось с капиталистическим сельским хозяйством вовсе не во имя социалистического идеала, а ради создания своего собственного мелкого трудового сельского хозяйства.

Вторая цель революции, выдвинутая революционной интеллигенцией,—создание социалистического строя, требовала разрушения капитализма в городе, социализирования фабрик, заводов, банков и торговых предприятий.

И здесь интеллигенция нашла себе мощных союзников в своей борьбе. Но союзниками ее в этой области явились другие общественные группы, а не крестьянство.

Союзниками интеллигенции в борьбе с промышленным, тор-

говым и денежным капиталом оказался городской и, преимущественно, фабричный пролетариат. Однако, связь интеллигенции и пролетариата была совершенно иного рода, чем связь интеллигенции с крестьянством.

В области земельного вопроса ближайшие цели социалистической интеллигенции—разрушение капиталистического землевладения и передача земли крестьянству—как нельзя больше совпадали с целями крестьянства.

В то же время более отдаленные цели интеллигенции и крестьянства были совершенно различны—интеллигенция стремилась к социализму, крестьянство же к созданию своего трудового единоличного хозяйства.

Совершенно иное мы видим по отношению к другим формам капитализма. Тут, наоборот, конечные цели интеллигенции и пролетариата совпадают,—ибо русский пролетариат быстро усвоил идеи социализма и готов совершенно сознательно бороться, рядом с социалистической интеллигенцией за достижение социалистического идеала.

Однако, в области ближайших задач рабочего движения дело обстоит далеко не так просто. Ближайшей целью рабочего движения является, естественно, улучшение экономического положения рабочего уже в пределах существующего строя. Рабочий хочет уже теперь, немедленно, не ожидая социалистического рая, лучше питаться, лучше жить и работать более короткое время.

Разрушение капиталистической промышленности, пока не создана новая социалистическая, ни малейшим образом не соответствует интересам пролетариата. Гибель капиталистической промышленности, нисколько не пугавшая революционную интеллигенцию, грозит самыми серьезными опасностями пролетариату.

Итак, ближайшие цели революционной интеллигенции и крестьянства были тождественны, отдаленные же цели совершенно различны. Напротив, отдаленные цели революционной интеллигенции и пролетариата были тождественны; ближайшие же цели далеко не совпадали.

Все дело в том, что фабрику нельзя поделить между фабричными рабочими, как крестьяне делят между собой помещичье имение. Фабрика, разделенная на сотню частей, превращается в бесполезную груду кирпичей и железа; земля же крупного помещика ни малейшим образом не утрачивает своих полезных свойств, перейдя по частям мелким владельцам.

Во всяком случае до поры до времени, пока не обнаружится во всем своем об'еме противоречие целей революционной интеллигенции и крестьянства в области конечных целей и той же интеллигенции и пролетариата в области ближайших целей—социалистическая интеллигенция может оставаться вождем народных масс в их революционной борьбе.

Вот почему наша революция привела к результату, до сих пор невиданному во всемирной истории—к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства по оффициальной терминологии или

говоря точнее, к диктатуре социалистической интеллигенции, опирающейся, преимущественно, на городской пролетариат, отчасти же на беднейшие элементы крестьянства.

Как бы то ни было, русская революция произошла под знаком социализма, и скорейшее достижение социалистического строя было провозглашено правительством, создавшимся в результате октябрьского переворота, главной целью революции.

Господствующая в настоящее время социалистическая партия, в лице социалистической интеллигенции, стоящей у власти, является, по своему социальному мировоззрению, сторонницей государственного социализма, коллективизма, а отнюдь не более свободных форм социализма—синдикального, коммунального и анархического.

С другой же стороны, городской пролетариат, на который преимущественно опирается эта интеллигенция, стоит более или менее далеко от деревни и не стремится вернуться в нее для создания в ней социалистического хозяйства.

Метод социалистических вождей первой половины прошлого века —„метод социалистического эксперимента“, несомненно, уже давно пережит человечеством. Сущность этого метода сводилась, как было сказано в первой главе, к тому, что социалистическое общество немедленно создавалось в виде социалистической коммуны в пределах существующего общества. Предполагалось, что успех таких коммун будет столь блестящ, что они быстро вытеснят все другие хозяйственные организации и станут единственной формой общественной жизни.

Таким образом, по представлению социалистов начала прошлого века, социалистический строй должен был возникнуть мирным образом, без всяких политических переворотов, своей собственной внутренней силой.

Этот метод оказался совершенно несостоятельным и теперь всеми оставлен. Несостоятельность „метода социального эксперимента“ вытекает из обстоятельств двоякого рода. Во первых, упускалось из виду, что масса человечества не склонна ни к каким социальным экспериментам и лиш под влиянием настоятельной необходимости может изменять свои привычные условия жизни. Только немногие искатели нового могли откликнуться на зов великих утопистов и войти в состав социалистических общин.

Во-вторых, хояйственные результаты социалистических общин оказались далеко не так блестящи, как ожидали утописты.

Экономические выгоды социалистической организации труда и потребления в пределах небольшой общины не очень велики. В такой общине невозможно ни значительное разделение труда, ни крупное производство в сколько нибудь значительных размерах. Отдельная социалистическая община не может быть, далее, самоудовлетворяющимся замкнутым хозяйственным миром: она неизбежно должна находиться в меновых отношениях с окружающим ее капиталистическим миром, составлять клеточку капитали-

стического организма. Оставаясь коммунистической в своих внутренних отношениях, такая община в своих внешних отношениях является товарнохозяйственным предприятием, как и все остальные. Социалистическая организация может развить все присущие ей громадные производительные силы только в том случае, если она возникает в крупных рамках современного государства. Этого не понимали ранние социалисты и в этом была их основная ошибка.

Небольшая социалистическая община вполне осуществима как хозяйственная организация, даже в пределах современной капиталистической системы. Но так как значительного повышения производительности труда, сравнительно с обычным хозяйственным предприятием, она не обещает, то, с чисто хозяйственной стороны, она не имеет очень крупных преимуществ сравнительно с существующими обычными формами предприятий и уже по одному этому не обладает силой вытеснять эти последние и, замещая их, преобразовывать современный капиталистический строй.

В общем „метод социального эксперимента“ пережит современным социализмом и возвращение к нему невозможно.

Однако, русская революция создала по отношению к творчеству социалистического строя совершенно новое положение, не имеющее ничего общего с прошлым. Ранние социалисты стремились к созданию социалистических общин в пределах капиталистического общества, без всякой поддержки со стороны государственной власти, которая, естественно, не могла отнестись сочувственно к уничтожению старого мира и замене его новым. Социалистическая община, согласно этому представлению, должна была своими собственными силами, без поддержки с какой бы то ни было стороны, совершить величайший социальный переворот, который когда либо видел свет, и совершить его всецело мирными средствами.

Русская революция изменила это положение в самом корне. Государственная власть оказалась в руках социалистов, которые ничего другого не желали, как немедленно создавать социалистический строй.

Как же творить социалистический строй? В мою задачу отнюдь не входит рассмотрение этого громадного вопроса во всем его об'еме. Меня интересует в данном случае только небольшая часть этого вопроса—вопрос о трудовых общинах.

Совершенно ясно, что трудовые общины должны занять чрезвычайно важное место в ряду хозяйственных организаций, в которых должен выразиться социалистический общественный строй

В социалистическом государстве многие отрасли хозяйства должны перейти в руки государства и исполняться под непосредственным руководством органов государственной власти. Сюда относятся торговля, транспорт, кредит, значительная часть промышленного производства и многое другое.

Однако, совершенно ясно, что сельское хозяйство ни в ка-

ком случае не примет характера государственных ферм, на которых работа будет производиться рабочими, под надзором и контролем агентов государственной власти.

Столь различный ход развития промышленности и сельского хозяйства неизбежно должен привести и к различной организации в пределах социалистического строя этих обеих основных отраслей народного труда: промышленный труд при социализме будет сосредоточен, преимущественно, на государственных фабриках; напротив, сельское хозяйство будет, как и теперь, в руках крестьян—трудовых земледельцев, которые и теперь обрабатывают землю.

(В то время, как в промышленности капиталистическое предприятие, в эпоху капитализма все более и более вытесняло мелкую трудовую промышленность, в сельском хозяйстве, как всем известно, наблюдалось обратное: не трудовое земледелие вытеснялось капиталистическим, а, напротив, это последнее сдавало одну свою позицию за другой трудящемуся земледельцу.

В России этот процесс, благодаря революции, достиг своего завершения, и вся земля перешла в руки трудящегося народа,— иначе говоря, крестьянина, сидящего на земле. Совершенно очевидно, что наше крестьянство ни малейшим образом не склонно отказаться от своего самостоятельного хозяйства, отдать свое орудие производства государству и перейти в положение рабочих на государственных фермах. О чем либо подобном, само собою разумеется, и речи быть не может.)

Но хозяйство отдельного крестьянского двора своими единоличными силами, на своем клочке земли, ни малейшим образом не является социалистическим хозяйством.

Затем, нужно иметь в виду ту кооперативную обстановку, в которой в настоящее время находится Россия. Страна страдает от острого продовольственного кризиса, который, несомненно, еще продлится очень долго, так как Россия, хотя раньше и вывозила значительную часть своего хлеба заграницу, никогда не имела хлебных избытков и, как это было хорошо известно русским экономистам, вывозила не от избытков, а от недостатков.

Дело складывалось следующим образом. На рынок поступал преимущественно помещичий хлеб; мужик же голодал на своем нищенском наделе. И вот Россия стала житницей Европы, хотя сама производила хлеба так мало, что, напр. Германия, вывозившая к себе хлеб от нас, производила на 1 душу своего населения не меньше, а больше хлеба, чем мы.

Теперь положение изменилось: помещичья земля перешла к мужику. Конечно, это должно повести и к прекращению хронической голодовки русской деревни.

Чем же, однако, прокормить наш город? О вывозе русского хлеба заграницу заботиться не приходится; но русское городское население должно же получать откуда либо необходимые для его жизни продовольственные продукты.

О ввозе этих продуктов из-за границы нечего и думать, так

как весь мир переживает ныне период острых продовольственных затруднений. Продовольственные продукты должна поставить русскому городу русская же деревня,—иначе наше городское население погибнет или рассеется по деревням.

Таким образом, вопрос о поднятии производительности нашего сельского хозяйства выступает в России в самой острой форме. Производительность помещичьей земли была значительно выше, чем крестьянской. Теперь помещичья земля перешла к крестьянам. Это грозит падением производительности нашего сельского хозяйства.

Итак, вместо необходимого для нашего спасения от голода поднятия производительности нашего сельского хозяйства, нам предстоит, повидимому, в ближайшие годы падение производительности нашего земледелия.

Эта перспектива имеет столь грозный характер, что, казалось бы, следовало бы сделать все возможное для ее предотвращения.

Социалистическое правительство, стоящее в России ныне у власти, должно было бы все это учесть. С одной стороны, единственным путем приобщения крестьянина к социализму являются трудовые общины. С другой же стороны, эти общины, давая возможность сохранения крупного сельского хозяйства, могли бы явиться естественными наследниками разрушенного помещичьего хозяйства и, таким образом, спасти страну от угрожающего ей голода.

Оба эти соображения должны были диктовать нашей социалистической власти настойчивую политику поощрения таких общин. Можно было бы ожидать, что у нас начнется сильное общественное движение, направленное к созданию трудовых общин.

Действительно, сколько условий, благоприятствующих такому движению. С одной стороны—социалистическое правительство, поставившее себе целью творчество социалистического строя; с другой стороны, настоятельнейшая потребность страны в предотвращении падения производительности земледелия и, в третьих, возможность получить все, нужное для крупного сельского хозяйства на новых трудовых основаниях, из разрушенных помещичьих экономий.

И земля и весь инвентарь, скот, постройки, вообще, все, нужное для трудовых общин, имеется в наличности. Дело стало только за людьми, которые взяли бы все это в свои руки и показали миру пример мощного социального творчества.

Однако, пока, в то время, когда я пишу эти строки— в апреле 1918 г.—ничего похожего на такое движение не заметно.

Господствующая социалистическая партия на практике почти ничего не предпринимает для создания трудовых общин и, вообще, мало интересуется деревней. Только в отдельных, очень немногих случаях сообщают о попытках устройства крестьянами таких общин.

Некоторое, хотя и далеко незначительное,—движение в этом направлении можно заметить только среди одной социалистической группы—анархистов.

II.

Интерес анархистов к трудовым общинам вполне понятен. Ибо, с точки зрения мировоззрения анархизма, трудовая община, коммуна, должна стать основной ячейкой социального строя будущего.

Отвергая принудительное начало государственного социализма, анархисты хотели бы, чтобы все общество распалось на свободные союзы трудовых общин. В этих трудовых коммунах каждый был бы совершенно свободен и не ограничен какими бы то ни было предписаниями власти; каждый мог бы при желании свободно покидать коммуну и вступать членом в новую, благодаря чему устранялась бы замкнутость отдельных коммун.

Анархисты начали в своих изданиях деятельную пропаганду трудовых общин и сделали некоторые шаги к созданию таких общин.

Образовался „Союз трудового равенства", под идейным руководством В. А. Поссе. Союз этот выпустил следующее воззвание, которое привожу целиком.

„Граждане и гражданки!

Довольно стонов, довольно воплей о всеобщей гибели!

Бедствия, переживаемые нами ныне, порождены старым строем насилия и наживы.

Скорее нужно убрать разлагающиеся и воздух заражающие останки. Пора начать созидание, пора приниматься за дружную работу по устройству новой свободной жизни.

Пора сплачиваться в трудовые дружины для планомерных работ.

Россия,—страна земледельческая, поэтому трудовые дружины начнут с работы на полях, в огородах, в садах.

Организовать работы следует, прежде всего, в Петрограде и Москве, которые до сих пор так много брали и так мало давали, а затем и повсюду, где местным землеробам не осилить без наемного труда земли, которую революция провозгласила общенародным достоянием.

Всю Россию должны мы преобразить в плодоносные поля, сады и огороды. Свободный труд свободного народа на свободной земле даст нам урожаи, о которых не смели мечтать наши деды, наши отцы и мы сами, в рабстве рожденные.

Ни в Петрограде, ни в других городах не должно остаться невозделанным ни одного аршина земли, раз она не занята постройкой или улицей.

Из трудовых дружин могут образоваться трудовые общины.

Только трудовым путем, граждане и гражданки, можно создать свободную, счастливую, могучую, просвещенную Россию.

Солдаты, освобожденные от злых тягот окопной и казарменной жизни, рабочие, уходящие от остановившихся станков, на которых приготовлялись орудия смерти, чиновники и конторщики, которым опостылела их бумажная служба, приказчики, которым

опротивело служить торговой наживе, и вы, люди свободных профессий: техники, агрономы, врачи, учителя, вы, в душах которых горит желание слить свои знания с трудом пахарей, все, все, истинно честные истинно благородные граждане и гражданки, вступайте в Союз Трудового Равенства, под знаменем которого организуются *трудовые дружины и трудовые общины*.

Желающих вступить в Союз Трудового Равенства не спрашивают: „како веруеши", а спрашивают: „хочешь ли жить трудовою жизнью, повинуясь велениям своей совести?"

И тому, кто говорит: „хочу работать, но не умею", отвечают: „Не беда, товарищи научат".

Будем работать и учиться.

Будем учиться на полях, на огородах, на пчельниках, будем учиться на сельско-хозяйственных курсах, которые постараемся организовать одновременно с трудовыми дружинами.

За дело, товарищи, во имя радостной жизни всех и каждого".

Независимо от деятельности „Союза Трудового Равенства" анархисты то здесь, то там пытались создавать трудовые коммуны. Вот, напр., заимствуемое из газеты „Анархии" сообщение одного из видных деятелей анархизма А. Васильева.

„С разных концов все чаще и чаще сквозь вихрь политических страстей слышатся голоса, крики о помощи голодающих не только городов, но и... деревень. Крики о помощи! К чему они? Кричать ли, молить ли нужно, когда железная пята голода вот-вот раздавит нас? Что эти крики могут изменить в ходе вещей? Неужели для вас осталось только одно средство: взывать к кому-то о помощи? Да, если одно, то шествие царя-голода будет шествием триумфатора, победившего революцию.

Но нет, не все пути отрезаны нам. Есть еще порох в пороховницах, и этот порох—наши самодеятельность и инициатива. Работы много, но рядом с этим уживается такая несуразность, как безработица. Допустимо ли это, когда миллионы десятин земли пустуют, требуя обсеменения? Допустимо ли? Нет, нет и нет.

Вот где широкое благодарное поле для проявления самодеятельности и борьбы с царем голодом.

Спешите же об'единиться вокруг союза трудовых коммун, которым уже обследованы имения двух уездов Московской губернии, Клинского и Звенигородского, и несколько из них можно занять теперь же. В некоторых уже велось молочное хозяйство, и оно „на ходу," нужно только продолжить: другие имеют довольно большие сады, до 3000—3500 насаждений, дающие хорошие урожаи; в иных—огород, пчельник, и это все при общинной интенсивной обработке можно поднять на идеальную высоту, что послужит ярким, заразительным примером для крестьян.

Союзом также делегированы представители для осмотра земельных угодий в Тамбовскую и Костромскую губ., куда также можно будет переселиться. Крестьяне вначале относятся недоверчиво к коммуне, но когда для них, после раз'яснений становится

понятно, что такое коммуна, и какие цели и задачи она ставит, то уже перестают смотреть косо, а соглашаются оказывать помощь и входить в коммуны сами. Многих страшит «продовольственный» вопрос, вопрос о семенах и средствах. Да, сложные, серьезные вопросы, но и они разрешимы. Ведь все дело в том: если «тяга» на землю будет подобна тяге гусей, т.е. мощной, организованной, то и эти «проклятые» вопросы современности не будут страшны. Больше смелости!“

В той же газете от времени до времени попадались и извещения о других попытках создания трудовых коммун, попытках, не связанных непосредственно с деятельностью анархистов.

Одной из самых значительных из таких попыток является нижеследующая, описанная В. Анисимовым, одним из ее инициаторов.

„Нас свело вместе—пишет Анисимов в „Анархии“ (10 апреля 1918 г.)—убеждение, что теперь, когда политическая власть завоевана трудящимися классами, настоятельно необходимо приняться за строительство новых форм жизни. Ликвидация ужасной войны сопровождается небывалым кризисом промышленности и полным расстройством народного хозяйства. Единственным выходом из создавшегося положения нам представляется создание производительных коммун, которые, с одной стороны, займут безработных, с другой—вызовут развитие производительных сил страны на совершенно новых началах.

Ядро нашей коммуны составили рабочие Обуховского завода, к которым присоединились рабочие других закрытых заводов. Примесь интеллигенции очень незначительна и едва достигает 5%. Таким образом, составилась коммуна в 200 семей, всего около тысячи душ обоего пола и разного возраста.

Подбор производился довольно тщательно. Старались составить коммуну так, чтобы в нее вошли всевозможные мастеровые. Но первым и необходимым условием приема в коммуну было сознательное желание быть коммунаром. Мы говорили, если ты портной, слесарь, учитель, архитектор,—это хорошо. Но ты будешь им только тогда, если коммуне понадобится такого рода твоя деятельность. В противном же случае ты должен быть готов так же охотно заняться всяким другим делом, которое поручит тебе коммуна.

Каждая семья при вступлении вносила 500 рублей. Некоторые отдавали все свои сбережения, и, таким образом, у нас составился капитал в 120 тысяч рублей, необходимый для приобретения живого инвентаря, семян для посева и продовольствия до получения своих продуктов.

Но не в этом наше богатство. Мы везем с собой массу инструментов включительно до сложных станков и машин, полученных нами бесплатно с демобилизованных заводов. Везем телеги, сбрую, сельскохозяйственные орудия, а также значительное количество строительных материалов, как-то: железа разных сортов, стекла и т. п. Правительство снабдило нас оружием, патронами и порохом.

Комиссариат по земледелию охотно отвел нам землю в достаточном количестве, но предупредил, что окончательное решение вопроса зависит от местных советов.

В начале января в Сибирь были отправлены ходоки для подыскания подходящей для поселения земли. Земля была найдена в Семипалатинской области и местный совет разрешил нам ее занять. Тотчас же туда была направлена партия коммунаров для заготовки продовольствия и закупки скота.

Больших трудов стоило получить вагоны для переезда всей коммуны, так как спешная эвакуация Петрограда потребовала огромного напряжения провозной способности железных дорог. Только полное сочувствие нашему предприятию правительства народных комиссаров сделало возможным то, что 17 марта наша коммуна в полном составе со всем скарбом двинулась в путь отдельным поездом.

Детально разработанного плана у нас совершенно нет. Мы сознательно избегали этого, так как теоретическая разработка вопросов вне связи с местом и временем могла бы раз'единить нас или же связать свободу действий. Мы сговорились только на общих принципах.

Наша цель—создать трудовую, здоровую, разумную, красивую жизнь, а как это сделать,—увидим на месте. Одно установлено нами твердо: хозяйство будет общественное. Коммуна берет на себя удовлетворение всех обычных потребностей своих членов и в той или другой форме обеспечивает удовлетворение индивидуальных потребностей.

Самый поселок представляется в виде группы отдельных домиков для каждой семьи, окруженных садом. В центре поселка будут расположены большие, светлые, красивые здания общественного пользования. Предполагается проводка электричества и водопровода.

Таким образом, мы далеки от мысли опростить нашу жизнь, отказавшись от культурных удобств. Нет, мы хотим взять у города все его удобства и, перенеся их в деревню, создать гармоничную обстановку, которая, по нашему мнению, только и сможет обеспечить личности полное, всестороннее, здоровое, гармоничное развитие.

Мы не закрываем глаз на трудности, которые встретятся на нашем пути. В земледелии больше, чем где либо, возможны неудачи, так как успех зависит не только от воли человека, но и от физических свойств почвы, метеорологических условий и т. п., которые могут быть нейтрализованы только путем долгих наблюдений и настойчивого труда. Индивидуалистические привычки членов, разумеется, долгое время будут сталкиваться с коммунистическими принципами и создадут не мало трений, пока не выработается устойчивое равновесие. Жизнь в палатках без всяких удобств, которых совершенно не замечаешь в обычной обстановке, для многих покажется трудной. Самая работа, особенно первое лето, когда нам придется спешно строить

жилища и культивировать девственную почву, будет, разумеется, и тяжела и продолжительна. Все это, вместе взятое, будет сильным испытанием твердости характера, и, вероятно, слабые духом отпадут, уйдут от нас.

Но если твердая воля, ясная голова, горячее сердце и сильные мускулистые руки значат что-нибудь, то мы победим.

Человек может все, чего он сильно захочет".

Это начинание кажется вполне серьезным и, повидимому, не связанным непосредственно с анархистскими организациями. Собственно анархистские коммуны внушают гораздо менее доверия, и даже известия о них кажутся сомнительными. Вот напр., что сообщает о смоленских анархистских коммунах „Анархия" (от 21 апреля).

„Смоленская федерация анархистов является одной из самых жизнедеятельных анархистских организаций.

В последнее время она усиленно занималась насаждением в деревнях анархистских коммун.

С этой целью ею высылались на места специальные агитаторы и литература.

Широко обслуживала эту задачу и издаваемая федерацией в Смоленске газета „Голос Анархиста".

Преимущественно безземельные и малоземельные крестьяне быстро усваивали самую идею анархистских коммун и находили весьма желательным ее осуществление.

Смоленская федерация положительно засыпалась запросами с мест относительно тех или иных указаний по этому весьма интересующему крестьян вопросу.

Почти все федеративные деньги были затрачены федерацией именно на организацию деревенских коммун.

В результате такой работы целый ряд уездов Смоленской губ., а также частью Орловской и Витебской покрылись сетью земледельческих анархистских коммун.

При некоторых из этих коммун имеются ремесленные мастерские.

Почти все коммуны прекрасно вооружены и имеют особые партизанские отряды."

Этот последний штрих кажется мне особенно характерным. Снабжены ли анархистские коммуны достаточным количеством скота и земледельческого инвентаря—об этом газета не сообщает; но она спешит засвидетельствовать о „прекрасном вооружении" коммун.

Очень может быть, что газета права, и этим коммунам нужнее оружие, чем плуги. Но какие же это трудовые коммуны?

Вообще, мне кажется, к сожалению, очень сомнительным, чтобы анархистские попытки привели к созданию действительных трудовых общин.

Все дело в людях, которые входят в состав общин. Анархисты, в огромном большинстве случаев, отнюдь не являются тем человеческим типом, который требуется в данном случае

Не говоря уже об анархистах, которые проповедуют захваты чужого имущества и беспощадную расправу с буржуазией—такие люди ни к какому мирному труду и строительству новой жизни абсолютно неспособны. Но даже и анархисты более культурного и мирного типа, примыкающие все же к первым группам или, во всяком случае, находящиеся с ними в контакте, не могут творить нового мира—слишком они сами проникнуты психологией старого, насыщающей его ненавистью и враждой.

III.

Наряду с этими попытками революционного социализма устраивать трудовые общины мы видим движение в том же направлении и с другой стороны. Люди с сильными моральными интересами стремятся уйти в такие общины, чтобы создать себе внешние условия жизни, согласные с идеалом любви. Примером такой общины, возникшей совсем недавно, является трудовая община „Трезвая жизнь".

Возникла она в 1915 г. в Москве по инициативе московского „братца" И. Н. Колоскова—деятельного участника движения „народных трезвенников", движения, начавшегося в Петрограде и понемногу распространившегося по многим местам России. Движение это первоначально имело исключительно религиозно-нравственный характер, не отличалось религиозным радикализмом и вмещалось в рамки православной церкви.

Однако, мало-по малу трезвенники стали уклоняться от господствующей церкви и заняли резко отрицательную позицию по отношению не только к русской государственности старого режима, но и к государственности вообще. Это проявилось очень резко и определенно в отказе многих трезвенников от принятия какого бы то ни было участия в войне и в отказе их от отбывания воинской повинности.

Мировоззрение трезвенников формулировано ими следующим образом в официально зарегистрированном в декабре 1917 г. (т. е. уже после большевистской октябрьской революции) их уставе.

„Мы, образуя общину—говорили они—в своем уставе имеем целью путем совместной жизни, труда и деятельности помогать друг другу в совершенствовании себя по пути служения истине и деятельной любви к людям. Внешнее облегчение, которое может дать община отдельному человеку, будет выражаться в содействии ему выйти из современной неестественной и насильнической жизни к жизни естественной и свободной. Помощь внутреннего характера может выражаться взаимною поддержкою в борьбе каждого с дикими, эгоистическими инстинктами нашей животной природы, с соблазнами, оправдывающими эти инстинкты, и с суевериями, оправдывающими то и другое.

Внешняя деятельность общины будет выражаться: а) в устройстве хозяйства и предприятий по изготовлению и добы-

ванию продуктов и предметов потребления, пищи, одежды и жилища; б) в воспитании детей (физическом и духовном, путем устройства детских трудовых колоний, приютов, садов и иных учреждений), образование их, т. е содействие развитию их умственных способностей в духе принципов Общины; в) в удовлетворении потребности взрослых в знании, искусстве (путем устройства библиотек, читален, лекций, собраний с пением и другими видами искусства, возвышающими душу) и г) в оказании полной поддержки при болезни и старости Как труд членов Общины, так и их потребности должны все более и более приближаться к нормам естественной жизни.

Община может вступать в соглашения и союзы с другими организациями и Обществами с однородными целями и средствами достижения целей. На предъявленное требование под угрозой насилия Община отвечает непротивлением насильникам злыми средствами, но будет противиться и бороться средствами добра (устным и печатным словом, любовным отношением и т. п.).

Община по отношению к другим обществам, учреждениям и лицам пользуется всеми правами юридического лица. В частности Община может приобретать и отчуждать недвижимые и движимые имущества, владеть и распоряжаться ими, заключать договоры и т. д. Родившемуся в среде общинников ребенку обеспечивается удовлетворение присущих его возрасту духовных и материальных потребностей

Общинник, получая полное обеспечение от общины своих потребностей, при выходе из общины не получает каких либо сумм от общины.

Так как хозяйственная жизнь общины должна удовлетворять материальные нужды членов только по их „насущности", то в предупреждение того, чтобы община не выродилась в коммерческое предприятие, ежегодными постановлениями общих собраний все излишки из дохода должны употребляться на развитие деятельности общины, особенно на приюты бедных детей улицы и на просветительные цели, вообще, на предприятия, от которых ни в коем случае не может быть прямого дохода общине".

Судя по этому уставу, можно думать, что община „Трезвая жизнь" стоит, по своему мировоззрению, очень близко к толстовству и духоборчеству (ближе, повидимому, к первому). Сочинения Толстого, по собственным заявлениям руководителя общины, Колоскова, произвели целый переворот в религиозных воззрениях трезвенников и побудили их отпасть от православной церкви.

Искренность и моральное мужество трезвенников были засвидетельствованы ими очень ярко: многие из них и были заключены при старом режиме в тюрьму за отказ от военной службы, но убеждениям своим не изменили.

К 1 апреля 1918 года в общине было полноправных членов около 200 человек. Кроме того было около 100 кандидатов.

Община имеет две деревенских колонии—в Тверской и Мо-

сковской губерниях. В Тверской колонии воспитывается в условиях земледельческого труда около 40 детей, в Московской колонии—45 детей.

Община имеет в виду устройство трудовых земледельческих общин, в которых члены ее могли бы заняться сельскохозяйственным трудом и покинуть город. Но для всего этого требуются значительные денежные средства, которые община расчитывает собрать путем своих городских предприятий.

Важнейшими среди этих последних являются вегетарианские столовые, которых община имеет в Москве 6. Вегетарианские столовые дают довольно значительный денежный доход, на который почти исключительно и существует община.

Кроме Москвы, община имеет вегетарианские столовые в Петрограде и Казани.

Затем община имеет и другие предприятия: типографию, книжный склад и издательство, столярную, сапожную и портновскую мастерские.

В типографии печатаются издания общины. Предполагается в ближайшем будущем и издание особого органа общины.

3 раза в неделю община устраивает собеседования, лекции и доклады. Собеседования собирают довольно многочисленную публику в несколько сот человек и вызывают, как я мог убедиться по собственному наблюдению, весьма значительный интерес у собравшихся

В прениях участвует много лиц, и некоторые ораторы обнаруживают незаурядное диалектическое искусство.

При каждой столовой община имеет общежитие для своих членов, в котором члены получают полный пансион. Кроме того, общинники получают и денежное содержание, но неодинаковое, а различающееся, смотря по потребностям.

Этот наиболее высокий принцип коммунистического распределения не только фигурирует на бумаге, но и проводится в жизнь (как и у духоборов).

Так, некоторым членам общины разрешается расходовать деньгами до 150 р. в месяц, между тем как обычные денежные расходы рядового члена общины выражаются скромной цифрой в 15 р.

Увеличение денежных расходов для некоторых членов мотивировалось особенным характером их труда: эти члены выполняли ответственное дело распространения идей общины, читали лекции, делали доклады и т. д. Все это требует добавочных расходов на переезды и т. п., и община признала возможным значительно повысить открываемый этим лицам кредит.

В итоге община „Трезвая жизнь“ производит впечатление серьезного опыта создания трудовой общины на основах полного коммунизма.

IV.

Русская революция является таким грандиозным социальным переворотом, она так глубоко взволновала народную жизнь

подняла столько вопросов, вызвала такие великие политические, хозяйственные и социальные потрясения, что предвидеть в настоящее время ее окончательный исход крайне трудно, если не невозможно.

Невозможно поэтому предвидеть и дальнейшие перспективы в России того частного социального движения, которое нас в данном случае интересует—движения в пользу трудовых общин.

Если бы русская революция сохранила свое движение в сторону приближения к социализму, то следовало бы ожидать огромного роста таких общин, ибо только при посредстве их крестьянская масса может войти в строй социалистического хозяйства.

Но если русская революция потерпит неудачу, то, конечно, и трудовые общины не осуществятся или же осуществятся в гораздо более скромных размерах—реакция вряд ли уживется с такими социальными образованиями.

Как бы то ни было, рано или поздно трудовые общины перестанут казаться людям утопией и займут прочное место в хозяйственном строе преобразованного человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 25 руб.

Выписывать из склада издательства В. Ц. С. П. О.
Москва, Ильинка, Старая площадь, 4.

